

РОССИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

Андрей Богданов

**В ТЕНИ
ВЕЛИКОГО ПЕТРА**

РОССИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
РАССЛЕДОВАНИЯ

**ЦАРЬ ФЕДОР АЛЕКСЕЕВИЧ
ЦАРЕВНА СОФЬЯ АЛЕКСЕЕВНА**

РОССИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
РАССЛЕДОВАНИЯ

Андрей Богданов

В ТЕНИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

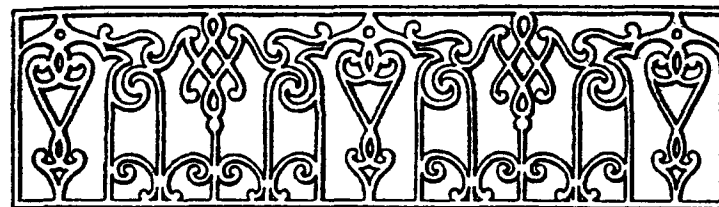

Москва
АРМАДА

1998

УДК 82-311.6(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-44я5
Б 73

Оформление серии
П. В. Иващенко

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ ДОБРОХОТНОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Книга о старшем брате и старшей сестре Петра I не задумывалась как сенсация — но в полной мере является ею. Результаты двадцатилетнего расследования, проведенного автором, полностью переворачивают традиционные представления о предпетровской России и ее государственных деятелях.

Подлинные источники, на важнейшие из которых даны ссылки, позволяют развернуть перед читателем панораму страны, которую издавна принято было считать отсталой и темной. Вместо этого мы видим великую державу, признанную на мировой арене в ранге империи, стремительно развивающую свою промышленность, систему управления, просвещение, армию и т. п.

При царе-реформаторе Федоре Алексеевиче (1676—1682) Россия еще не превратилась в сырьевой при-

© Богданов А. П., 1998
© Сост., художественное
оформление, АРМАДА,
1998

ISBN 5-7632-0685-1

даток и политические задворки Европы. В отличие от последовавшей вскоре военно-политической диктатуры Петра, Россия времен Федора была державой, в которой господствовало представление о государстве как едином организме, все члены коего равно важны для *общего блага*.

Руководствуясь мыслью, что могущество и слава государства заключаются в богатстве, защищенности и просвещенности каждого подданного, царь Федор всего за шесть лет настолько усилил и обогатил страну, что современный читатель может облить страницы книги слезами зависти. В самом деле — Федор *трижды снижал налоги* — и каждый раз добивался все более справедливого распределения уменьшенных ставок обложения! На фоне петровского (да и современного) налогового разорения обычно самые скучные в повествовании о государях «экономические» страницы читаются в книге как роман.

Весь государственный аппарат был реформирован к вящему восторгу подданных. Судебным беспределом царь лично занимался с первых дней правления — и сумел на время установить в судах справедливость (хоть россиян убедить в таком чуде не легко). Военно-окружная реформа дала России самую мощную в мире регулярную армию (на вооружение поступили даже винтовки) — впоследствии уничтоженную Петром I под восторженные крики Запада.

Федор на тысячи квадратных километров расширил и прочно защитил «от варваров, брани хотящих», территорию Российского государства. При нем утвердилась концепция России как великой державы, гаранта мира и справедливости для всех народов. Особенно решительно царь отверг невыгодные

для России международные сделки, так что желающие «обучить москвитов европейской конъюнктуре» и прокатиться на русский счет вскоре умоляли Москву о помощи на самых лучших условиях...

Беспроцентные кредиты москвичам превратили столицу в каменный город — 10 тысяч новых зданий за 6 лет! Первые дома призрения для ветеранов, больных и инвалидов возникли на личные средства Федора. Европейское платье было введено им, а не Петром — так же как линейные ноты и новая музыка, живопись, архитектура, поэзия. Этими искусствами царь с успехом занимался лично.

Особенно интересно уникальное явление царствования Федора — крупное и весьма эффективное независимое издательство с государственным финансированием. Государь готовил новые радикальные реформы: Церкви, государственных чинов и т.п., утвердил проекты автономного университета (студенты освобождались не только от службы в армии, их и судить было нельзя без разрешения ученого совета) и первой ученой книги по русской истории...

Весьма романтической оказалась и личная жизнь царя, которого традиционно представляют слабым, больным и ни на что не способным. Сама логика исследования заставила автора построить повествование о государственных делах вокруг внутреннего мира, семейных и прочих личных отношений царя-реформатора. Воспитание, увлечения, склонности и пристрастия Федора и в жизни, и в тексте книги тесно связаны с принимавшимися им принципиальными (и часто драматичными) государственными решениями.

27 апреля 1682 года Федор умер, как были убеждены современники — от отравы. Через две недели

москвичи, а за ними и иные города восстали во главе с рядовым составом новой армии. Народ выступал за реформы и против господствующей верхушки, после смерти Федора «завладевшей всем государством». Только премудрая царица Софья сумела хитроумными маневрами и переговорами «утишить» народный гнев.

Семь лет ее регентства даже самый язвительный из мемуаристов — князь Борис Иванович Куракин — назвал «торжеством воли народной», временем экономического и культурного расцвета (1682—1689). Но трагедия Софьи состояла в том, что, упорно и старательно отворачивая возможность нового взрыва народного гнева, — она готовила свое падение. В 1682 году выборные народные представители несколько недель контролировали государственный аппарат. Это вызвало такой ужас господствующих сословий, что поворот к военно-полицейской диктатуре, как только страна поутихнет, стал неизбежен. После свержения Софьи в результате дворцового заговора в пользу Петра кампания террора (и «кражи государственной») развертывалась «со умножением».

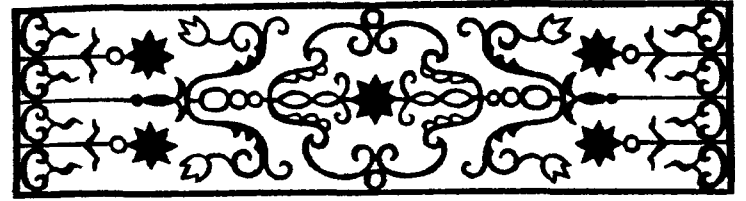
Новой власти было чрезвычайно важно разбить зеркало истории, ибо отражение в нем ее звериного оскала разительно отличалось от воспоминаний о «золотом веке» Федора и Софьи. История была переписана тщательно. Федор — единственный из Романовых не имевший ни первого министра, ни постоянных фаворитов — был изображен в ней больным мальчиком, игрушкой в руках царедворцев. Софья, подавившая восстание 1682 года, сделалась на страницах учебников его организатором!

Ни одному историку, включая академиков, не позволялось публиковать хоть слово правды об этих

правителях России. Так было в XVIII веке, так продолжалось и в XX. Однако воистину — не горят рукописи! Для правдивого и детального рассказа о Федоре и Софье, о России их времени сохранилось великое множество подлинных документов и записок очевидцев событий. Их изучение позволило открыть на страницах этой книги иную, неизвестную читателю страну: ту Россию, что ровно три столетия оставалась скрытой от потомков в тени «великого Петра».

ПОТАЕННОЕ ЦАРСТВОВАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В новых палатах Теремного дворца Московского Кремля на 21-м году жизни скончался 27 апреля 1682 г. один из наиболее загадочных государей всея Великия и Малыя и Белыя России. Федор Алексеевич царствовал чуть более 6 лет (с 30 января 1676 г.). Этот небольшой срок, казалось бы, объясняет, почему имя старшего брата Петра I мало что говорит широкому читателю и даже специалистам. В «Курсе русской истории» В. О. Ключевского, например, деяниям Петра Алексеевича посвящено 10 лекций, характеристике его «предшественников» — 3 лекции, а личности и трудам царя Федора — ни единого абзаца.

Но в то же время событиям его краткого царствования посвящена обширная литература: тяжелой войне России и Украины с Османской империей и Крымским ханством, подворной переписи населения и радикальной налоговой реформе, преобразо-

ванию вооруженных сил и отмене местничества, епархиальной реформе и превращению раскола в массовое народное движение, широкомасштабному каменному строительству и возведению новой укрепленной линии в Диком поле, созданию независимой от патриарха Верхней типографии, двух училищ — Славяно-греческого и Славяно-латинского, развитию музыки, живописи, техники и ремесел в казенных «палатах» под покровительством государя.

Не меньший интерес вызывают и проекты, которые поддержал юный царь: создания всесословной и автономной Московской академии или печатного курса русской истории. Немало интересного в его царствовании осталось не замеченным последующими исследователями, например — изменения в системе управления (от Боярской думы и приказов до местных учреждений), дополнение Уложения 1649 г., совершенствование судопроизводства и фискального аппарата, формирование русского генералитета и развитие коннозаводства, реформа одежды и проект учреждений для призрения сирот и инвалидов...

Но и уже сказанного достаточно, чтобы обратить пристальное внимание на фигуру Федора Алексеевича. В густой тени, наброшенной на царствование Федора Алексеевича, скрывается нечто весьма важное для понимания путей развития России...

Две легенды

Взгляните на парсуну, написанную царским художником Иваном (Богданом) Салтановым — выезжим армянином, удостоенным за выдающиеся творческие успехи звания дворянина московского. Не-

обычайно живое лицо Федора Алексеевича глядело на пришедших поклониться его праху со второго столпа Архангельского собора, слева от гробницы юного государя. Слова, написанные в клеймах на картине, все более выцветали и стирались, однако благодаря усердию ученых прошлого века мы можем их прочесть. Постарайтесь почувствовать в этом тексте (здесь и далее адаптированном к современному языку), как чтилась память почившего государя его современниками:

«Тот, чей образ и гроб зрите — благочестивейший великий государь царь и великий князь Федор Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белья России самодержец, по отце своем, великославной памяти благочестивейшем... Алексее Михайловиче... восприял скипетродержавство царства Российского от рождения своего в 15-е лето. Был от... Бога... одарен постоянством царским, незыблемым благоговением христианским истинным, бодростью в службе Божьей, долготерпением и милосердием дивным. И вправду сказать можно, что он был престолом мудрости, совета сокровищем, царских и гражданских устоев охранением и укреплением, прениям решением, царству Российскому утверждением.

Кратко сказать — то ему любезно было, что мать нашу Православную церковь увеселяло, мир, тишину и всякое народа благополучие умножало. И во всем его царском житии не находилось такого времени, когда бы ему всему православию памяти достойного и церкви любезного дела не сотворить. К тому же неприятелям Российского царства был страшен, в победах счастлив, народу любезен. Он от многолетних войн царству Российскому мир достоянный сотворил. Из тьмы магометанства и идо-

лопоклонства множество людей не принуждением, но христианским благочестивным промыслом в свет православной веры привел.

Православных христиан, которые были магометанам подданные, многие села и деревни от их подданства освободил. И из басурманского плена много лет там страдавших многое число православных христиан выкупил. Многие церкви Божьи пречудно всяким благолепием украсил. О научении свободным мудростям российского народа постоянно помышлял, и монастырь Спасский, что в Китай-городе, на это учение определил, и чудную и весьма похвалы достойную свою царскую утвердительную грамоту со всяким опасным веры охранением на то учение написал.

Дома каменные для пребывания убогих и нищих с довольным пропитанием сотворил и таковых упокоил многие тысячи. Царские многолетние долги народу простил и впредь налоги облегчил. Брато-ненавистные, враждотворные и междоусобные местнические споры прекратил. Царский свой дом, и град Кремль, и Китай-город преизрядно обновил, и убыточные народу одежды переменял, иное многое достохвальное и памяти достойное сотворил — и на все полезное и народу потребное все предуготовлял.

Пречудно со всяким христианским душееспасительным к исходу души своей предуготовлением жизнь сию скончал. Царствовал же этот благочестивейший и милостивый царь 6 лет, и месяца два, и дней 28. Преставился же... всего народа с жалостным рыданием и со многоизлиянием слезным в лето 7190 (1682) месяца апреля в 27 день в 13 часу дня в первой четверти¹.

В «бунташном веке», как и в нашем столетии, ушедшие с политической сцены правители редко получали панегирики. Можно предполагать, конечно, что на появлении столь содержательной парсуны Федора Алексеевича в Архангельском соборе настояла его родная сестра царевна Софья, правившая в 1682—1689 гг. Но неизвестный автор надписи в клеймах был далеко не одинок в оценке выдающегося самодержца. Показательно, что текст надписи воспроизвели летописцы патриарха Иоакима — стойкого политического противника царя Федора и царевны Софьи. Надпись использовал в своем «Хронографце» (1688) близкий к патриарху иеромонах Чудовского монастыря Боголеп Адамов, вскоре занявший место казначея патриаршей резиденции².

Уже после падения Софьи в 1690-х гг. автор Беляевского летописца утверждал, что строитель и реформатор Федор Алексеевич «был... государь кроткий, в делах рассудительный, премудростью и разумом подобный Соломону»³. Тогда же высокая оценка царствования Федора была внесена в Латухинскую Степенную книгу — обширный исторический труд известного книжника патриаршего казначея Тихона Макарьевского. Эти похвалы, основанные большей частью на панегирике Федору Алексеевичу в первой печатной книге по русской истории — «Синописе» (Киев, 1680) — присутствуют во множестве списков Латухинской Степенной книги⁴, не исчезая из ее многочисленных переработок в XVIII в.⁵

В начале самостоятельного правления Петра появляется и новый взгляд на царствование его старшего брата, в котором упоминание реальных достижений сменяется жалостливым описанием слабого

здравия Федора. Картина особенно наглядна и удобопонятна при сравнении иностранных откликов. В 1687 г. Георг Адам Шлейссингер с похвалой отзывался о «последнем из умерших царей», многие начинания которого погибли при его преемниках Иване и Петре. Например, Федор Алексеевич (в тексте ошибочно: Алексей Михайлович) «был весьма достойным князем. Он добился того, что в город было завезено большое количество камня. Те, кто хотел жить в городе, обязаны были строить себе новые каменные дома, а деревянные сносить... тем, у кого не было средств на строительство, можно было рассрочить платежи на 10 лет... Однако после смерти упомянутого высокодостоинного князя это полезное дело умерло вместе с другими полезными распоряжениями».

По словам Шлейссингера, Федор «наряду с прочими великолепными распоряжениями ввел также преподавание свободных искусств — как предписывали ученые люди, которые и должны были обучать молодых... После смерти этого любезного царя всему пришел конец... Патриарх был очень против этого, считая, что погибнет вся Россия, если ввести такие новшества. Ввиду этого цари... и запретили начатое дело, хотя многие господа еще знают по-латыни, поскольку их этому учили»⁶.

Но уже в 1699 г. английский историк России Крюль приводит сообщение одного из участников Великого посольства Петра за границу, что, несмотря на многообещающие качества, Федор из-за болезни и ранней смерти ничего, по существу, не успел. Он лишь «подавал экстраординарные надежды... следовал своему отцу, особенно в отношении к иностранцам и развитию торговли. Он был великим лю-

бителем всех наук, особенно математики, и мечтал иметь все дома в Москве новопостроенными из кирпича, если бы не был остановлен смертью». Единственными реальными заслугами Федора оказывается прием на русскую военную службу Ф. Лефорта и завещание (так!) царства Петру⁷.

Написанная вскоре «История о невинном заточении ближнего боярина Артамона Сергеевича Матвеева», повествуя о событиях царствования Федора, снимает обвинения в гонениях на сторонников Петра с милосердного ко всем подданным и беспристрастно правосудного государя, ссылаясь сначала на его несовершеннолетие, а затем на «естественную скорбь» — цингу. Вместо царя на политической сцене действуют влиятельные временщики⁸. А в обстоятельной летописи петровского времени, автор которой, например, мог детально описать учрежденную указом Федора одежду, наиболее крупные мероприятия шестилетнего царствования преданы забвению почти целиком⁹.

В чеканном виде позиция, на века завоевавшая господство в общественном сознании, сформулирована в летописи конца 1730-х гг.: Федор Алексеевич «принял престол как законный наследный государь и коронован в 1676 году июня в 18 день. И хотя весьма слабой комплекции и худого здравия был, однако же славы родителя своего и попечения о пользе государства не утратил, но насколько сила его здравия и кратость времени допустили, во введении лучших обычаев, в учреждении некоторых изрядных зданий и в перемене древней неудобной одежды, особенно же жестокого и вредного обычая местничества, который как закон почитали, заботу свою о государственной пользе показал. И если бы

болезни и прекращение жизни не были ему препойой, то бы со временем и большую пользу государству своему сочинил...»¹⁰.

Нет ничего удивительного, что в новых по форме (и служебных по существу) исторических сочинениях XVIII в. культивируется представление, что Федор явился лишь добрым родственником юного Петра. Историки П. Н. Крекшин в первой и И. И. Голиков во второй половине столетия в один голос расхваливали любовь и заботу Федора по отношению к Петру и его семье, не оставляя у читателя сомнений, что реальным правителем за государя был боярин И. М. Языков¹¹.

В XIX в. Н. Г. Устрялов был склонен считать, что главным действующим лицом политической драмы 1676—1682 гг. был Милославский, который «при содействии дядек и нянек юного Федора» воздействовал на «больного, хилого» царя. П. К. Щербальский прибавил к числу руководителей Федора Алексеевича царевен, среди которых выделялась Софья Алексеевна, и пресловутого Языкова. Единственной инициативой «умного, образованного, но болезненного Федора», по мнению этого автора, было приближение к трону князя В. В. Голицына, в котором царь заметил «большой государственный ум». Вместе они отменили местничество, «но роль преобразователя была суждена не Федору: дух этого умного, молодого государя был бодр, но тело его изнемогало», в последние годы он «вовсе не оставлял дворца и едва передвигался из одной палаты в другую»¹².

М. П. Погодин пошел еще дальше, объяснив, что и отмена местничества — единственное деяние царствования Федора Алексеевича, кроме обучения и воспитания Петра — была осуществлена лишь «от

имени семнадцатилетнего, слабого и больного Федора», при котором правили сначала Милославские, потом (при поддержке Хитрово и Долгоруковых) И. М. Языков и Лихачевы¹³. Погодин наиболее ясно выразил легенду о Федоре Алексеевиче, утвердившуюся к его времени и в специальных исследованиях, которые начались много раньше, вскоре после смерти старшего брата Петра.

Причуды музы Клио

Около 1688 г. Сильвестр Медведев на основании собственных наблюдений и документов сделал один из лучших до сих пор обзоров последних месяцев царствования своего покровителя и друга¹⁴. Не уделяя никакого внимания состоянию здоровья государя, автор анализировал инициативы Федора с точки зрения реализации им своих представлений о качествах и функциях государя. В «Созерцании» Медведева рассмотрены мир с Турцией и Крымом, забота царя о развитии просвещения, искусств и мастерства, о каменном строительстве. Рассказано Сильвестром о военной реформе и отмене местничества, преобразованиях в Церкви, изменениях в одежде. Автор не скрывает, что зимой 1682 г. Федора Алексеевича свалила болезнь (приведшая к смерти) и реальная власть перешла в руки временщиков, в частности И. М. Языкова: тут-то государство и потеряло разумное управление, следствием чего стало народное восстание, длившееся с весны до осени 1682 г.¹⁵.

Над специальными исследованиями о царе Федоре Алексеевиче, кажется, тяготеет рок: то ли ими занимаются беспокойные умы, сами по себе притя-

гивающие громы и молнии судьбы, то ли тема имеет свойство неопубликабельности. Сильвестр Медведев был главоотсечен (1690), а его «Созерцание» напечатано спустя столетие, да и то в потрепанном виде (1787)¹⁶. Василий Никитич Татищев, считая, по-видимому, свою жизнь и так достаточно бурной, не намеревался включать исследование о Федоре Алексеевиче в «Историю Российскую». Но для себя лично он собирал материалы и даже систематизировал их в рукописи «Царство царя Федора Алексеевича», изданной только в 1966 г.¹⁷.

Выступая с позиций петровского представления о «государственной пользе», Татищев похвалил молодого царя за усовершенствование полиции, самоличное поспешение на пожары и раздачу милостыни погорельцам. Одновременно историк осуждал невозвратные кредиты на каменное строительство, «допущение многих ненадлежащих вольностей» в армии и т.п. Работая в 1730-х гг., Татищев собрал весьма интересные сведения об интригах и временщиках при дворе Федора Алексеевича, однако инициатором преобразований считал самого государя.

Личные качества Федора — образованность, склонность к поэзии и музыке, твердость и прилежность в вере, любовь к каменному строительству и коннозаводству, приверженность к порядку и благочинию — определяли мероприятия его царствования, описанные Татищевым. Однако личные же качества — молодость и некрепкое здоровье — сделали Федора в глазах историка реформатором-неудачником. Сопоставляя его военные, экономические, церковные и чиновно-родословные преобразования с петровскими, Татищев целиком отдает предпочтение последним, поясняя, что хорошие замыслы старшего

брата Петра не были реализованы за неимением «прилежных» помощников.

Следующий историограф Федора — академик Герард Федорович Миллер — избежал крупных неприятностей (за исключением обычных академических интриг), зато его рукопись осталась вообще неизданной¹⁸. Неоконченная «История жизни и царствования Федора Алексеевича» высоко оценивает «превосходные душевные качества» государя, которые «с избытком вознаграждали то, в чем природа отказала телесному составу Федора». «На историю Федора можно смотреть, — писал Г. Ф. Миллер, — как на переход от великих деяний царя Алексея Михайловича к преобразованиям, совершенным Петром Великим. Только в Западной Европе это царствование осталось весьма мало известным». При всем уважении к академику следует заметить, что оба утверждения не вполне справедливы. Живучая легенда о милосердном и правдолюбивом государе косвенно способствовала опровержению тезисов, оставшихся в столе Г. Ф. Миллера.

В 1805 г. митрополит Платон использовал в «Краткой церковной Российской истории» надгробную надпись о делах царя Федора Алексеевича и добавил: «Подлинно, было о чем плакать и рыдать. Ибо от сего благоразумного государя все просвещение и поправление происходило не вдруг, но помалу и с соображением свойства народа, что все было бы еще тверже и надежнее, так как он основывал то на благочестии и утверждал своим благочестивым примером», — очевидно, в противоположность Петру I¹⁹. Здравое рассуждение Платона не нашло понимания, зато четко выраженная Миллером мысль, будто предшественники Петра «готовили почву» имен-

но для петровских преобразований, стала почти всеобщей.

В противность мнению Миллера как раз на Западе царь Федор был весьма известен. Финско-шведский историк Х. Г. Портан, например, готовя в 1770-х гг. курс русской истории для Абоского университета, не только упомянул «добрые качества» Федора Алексеевича и дела его царствования, но широко использовал родословные документы и материалы, связанные с отменой местничества. Надо ли говорить, что этот труд оставался неопубликованным до 1966 г.?²⁰ Но со временем действие рока, тяготевшего, казалось, над литературой о Федоре, ослабевало.

В 1780-х гг., когда в Петербурге вышло сочинение Медведева, сразу два французских историка предложили изумленному русскому свету высочайшие оценки царствования Федора Алексеевича. По мнению М. Левека (1782), сей государь «был нрава кроткого и человеколюбивого, проникательного и основательного ума; в счастии народном полагал счастье свое; ревностно шествовал по стопам отцовским, желая озарить Русское царство славными деяниями и благодеянием подданных. Немоощь телесная не могла ослабить великих свойств души его; царствуя долее, он увековечил бы имя свое. Но государь, живший единственно для блага народного, достоин благодарности народа и потомства; Федор заслужил сей лестный памятник!»²¹.

Через два года (1784) не менее определенно высказался Н. ле-Клерк: «Царь Феодор Алексеевич вступил на родительский престол, утвержденный правосудием и благоустройством. Природа украсила его всеми свойствами, от которых проистекает слава и благодеяние народа; он имел душу возвышенную,

твердый дух, сердце чувствительное; ему не доставало только крепости телесной. Но, невзирая на слабое здоровье, Федор неусыпно пекся о счастии народа, доставляя ему под сенью мира и тишины все то, что споспешествует к порядку и выгодам общежития. Владычествуя над сердцами силою добродетели, он оставил о том вечную скорбь, почто не долее царствовал!»²²

Франция завершила век Просвещения ужасами революции и открыла новое столетие завоеваниями Наполеона. Мнение французских авторов не могло в этот момент оказать на русскую публику обычного завоораживающего действия. В феврале 1811 г. «Русский вестник» разразился статьей «Нравственные свойства царя Федора Алексеевича», в которой не говорится ничего вразумительного об этих «свойствах», зато сильно бранятся французы, коие, «единодушно выхваляя царя Федора Алексеевича», наполняют свои сочинения «клеветой на отечественные наши летописи», «ухищренным витийством» и «нелепыми бреднями» (с. 1 — 26).

Обмануть судьбу и издать книжечку о царствовании Федора Алексеевича удалось в 1834 г. В. Н. Берху, писавшему «потому, что имел много свободного времени и хотел удовлетворить желанию некоторых многоуважаемых мною лиц»²³. Автор нашел, что «шестилетнее царствование Феодора Алексеевича богаче событиями, нежели последующие за сим 14 лет до кончины царя Иоанна Алексеевича», — то есть богаче, чем четырнадцать первых лет царствования Петра I.

Описав воспитание царевича Федора, дворцовую борьбу при его восшествии на престол, тяжелую войну с Турцией и Крымом, личные трагедии госу-

даря, В. Н. Берх обнаружил, что книга не объясняет известные ему восторженные отзывы о личности и деяниях старшего брата Петра. Поэтому, уже завершив работу, автор дополнил ее «Общим взглядом на царствование Федора Алексеевича», взявшись обосновать тезис, что это был «монарх прозорливый, деятельный и милосердный». Первые же законы Федора, по мнению Берха, «показывают, что он имел мудрых советников, любил сам порядок и общее устройство»; в войне и переговорах «твердостью души сохранил достоинство России»; «уничтожение местничества также являет твердый и непоколебимый характер царя», сведения о болезненности которого недостоверны, так как исходят от сторонников Нарышкиных — исконных врагов родственников Федора (по матери Милославских).

Историк указал на раннее развитие Федора Алексеевича, самостоятельность его ума (проявившуюся в отношении к Никону), сослался на музыкальную реформу, учреждение Академии, строительство Изюмской укрепленной черты, «новое описание России» и желание издать «отечественную Историю», развитие металлургических, оружейных и конных заводов. Согласно Берху, царь ввел новую одежду и прически, «любя систему и устройство во всех делах, издал особенное положение об экипажах», «построил в Москве много каменных зданий и в том числе богадельню», «издал положение о нищих». В. Н. Берх, писавший до этого о Михаиле и Алексее Романовых, тщился показать, что «царь Феодор Алексеевич, стремясь по следам деда своего и родителя возвести Россию в высшую степень образования и гражданского благоустройства, совершил

более, нежели от юных лет и слабого телосложения его ожидать возможно было».

С. М. Соловьев придерживался совершенно иной точки зрения: что к началу царствования Федора Россию постигло экономическое и нравственное банкротство, что для спасения требовался крутой поворот на запад²⁴. При Федоре Алексеевиче Россия вошла в «эпоху преобразований», но, в силу воспитания царя, в западнорусском направлении, под «польским влиянием» — тогда как истинно прогрессивной стала петровская идея учиться у немцев. Соловьев посвятил «Царствованию Феодора Алексеевича» большую главу и открыл ею повествование о новой истории России не в ущерб легенде о Петре Великом, заранее признав правильным только умонастроение и поведение Петра Алексеевича.

«От слабого и болезненного Федора, — спешил уверить великий историк, — нельзя было ожидать сильного личного участия в тех преобразованиях, которые стояли первые на очереди, в которых более всего нуждалась Россия, он не мог создать новое войско и водить его к победам, строить флот, крепости, рыть каналы, и все торопить личным содействием; Федор был преобразователем, во сколько он мог быть им, оставаясь в четырех стенах своей комнаты и спальни».

В соответствии с этой позицией главнейшие постановления царствования Федора Алексеевича по внутреннему устройству России рассмотрены Соловьевым весьма бегло после подробного описания придворных интриг, и в особенности международных отношений. Наибольший интерес историка вызывала отмена местничества, в то время как «и проект финансового преобразования, и проект отделения

гражданских должностей от военных, и проект академий остались только проектами»: царь Федор только что был «четырнадцатилетний болезненный мальчик» — и вот уже «торопится важными мерами, предчувствуя близкую кончину».

Культурологические построения Соловьева, как известно, оказали заметное влияние на русскую историческую мысль, но не привлекли внимания к изучению личности Федора Алексеевича, от которого муза Клио продолжала отворачиваться. Е. Е. Замысловский, взявшийся было за исследование царствования Федора, категорически отверг возможность рассматривать его «как эпоху, которою заканчивается древняя Русь, или как эпоху, которою начинается новая Россия»²⁵. «По признакам самостоятельности, замечаемым в характере царя Федора Алексеевича, — заявил этот автор, — мы не имеем еще права предполагать в нем ни зрелости, ни той обдуманности по отношению к управлению государством, которые желал указать (митрополит) Платон».

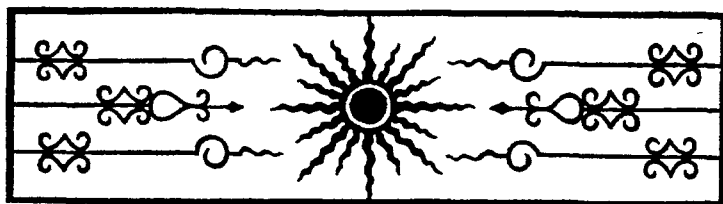
Замысловский сумел издать лишь первую часть исследования: введение и обзор источников — довольно унылый справочник, перечисляющий без разбора материалы 1676—1682 гг., опубликованные в различных изданиях. В приложениях автор опубликовал разнородные новые источники — и отказался систематизировать материалы по теме, которая, при отказе от попытки понять мотивы государственной деятельности Федора Алексеевича, утратила для него интерес.

Н. И. Костомаров и Д. И. Иловайский, посвятившие царю Федору специальные очерки, нашли выход в устранении молодого государя из повество-

вания о политическом, юридическом, административном, церковном и культурном быте России 1676—1682 гг. Костомарову ничто не мешало обозреть опубликованные к тому времени важнейшие акты царствования Федора, поскольку, по мнению историка, «власть была у него в руках только по имени». Иловайский ограничился замечанием, что в государе преобладали отцовские черты: «благодушие, склонность к подчинению ближним советникам, глубокое благочестие и вместе еще большее расположение к западным европейским обычаям и порядкам».

Д. И. Иловайский признавал хотя бы, что «юный царь был любознателен, умен, добр; а потому возбуждал общее к себе сочувствие и надежды на счастливое царствование. Но, — тут же добавляет историк, — эти надежды с самого начала омрачались его крайней болезненностью». Составители юбилейного издания «Трехсотлетие дома Романовых: 1613—1913» довели это суждение до крайности: «хилого телосложения, слабого здоровья», «совершенно болезненный человек», Федор Алексеевич имел власть «лишь номинально» и его пребывание на престоле, вместе с правлением Софьи и царствованием Ивана, были досадными промедлениями перед владычеством Петра Великого²⁶.

Глава первая ВОСПИТАНИЕ И УВЛЕЧЕНИЯ

И те, кто писал о многообещающих способностях Федора Алексеевича, и те, кто подчеркивал его болезненность, были недалеко от истины, хотя влияние личности государя на исторические события до сих пор остается на доказательном уровне не оцененным. Как и все сыновья Алексея Михайловича от Марии Ильиничны Милославской, Федор нес в себе наследственный недуг, много лет мучавший его здоровья отца, страдавшего от хронического неусвоения витамина С. Царевны, в отличие от царевичей, по общему мнению, чувствовали себя прекрасно, но жили, по стандартам знати, не слишком долго. У Федора было шестеро единоутробных сестер: Евдокия (1650—1702), Марфа (1652—1707), София (1657—1704), Екатерина (1658—1718), Мария (1660—1723) и Феодосия (1662—1713). Легенда о поразительном

здоровье дочерей Алексея Михайловича от первого брака не учитывает также, что царевна Анна умерла во младенчестве (1655—1659), а Евдокия — при рождении (1669).

На первых годах жизни скончались и двое сыновей Алексея Михайловича: Дмитрий (1649—1651) и Симеон (1665—1669), — но пережившие этот опасный период были гордостью отца, особенно старший царевич Алексей (1654—1670), 7 сентября 1667 г. представленный двору и духовенству как наследник престола. Федора Алексеевича более склонны сравнивать с царевичем Иваном (1666—1696), немощь которого еще при жизни подчеркивалась сторонниками Петра из политических соображений. Однако Иван не был таким уж инвалидом, и Алексей с Федором имели довольно сил для получения блестящего по тем временам образования.

Сначала воспитатель Алексея Алексеевича, ученый царедворец Алексей Тимофеевич Лихачев, а затем выдающийся просветитель, философ и поэт Симеон Полоцкий учили царевича передовыми для тех времен способами. Покои Алексея Алексеевича были увешаны познавательными картинами и картами, царевич был снабжен глобусами и специальными «лицевыми» книгами, в том числе целой живописной энциклопедией. Судя по описи его библиотеки, мальчик обучался на русском, церковно-славянском, латинском и греческом языках наукам математического цикла, грамматике, поэтике, риторике и музыке, истории, географии, военному делу, юриспруденции, метафизике и богословию, которым завершался в XVII в. общий университетский курс.

На царском пиру в честь представления 13-летнего наследника его учитель Симеон Полоцкий произнес стихотворную речь, был почтен особым столом вблизи трона и почетной наградой — шубой зеленого атласа на соболях²⁷. Зимой того же, 1667 г. Алексей Алексеевич сам выступил перед великими и полномочными послами Речи Посполитой по случаю утверждения Андрусовского мирного договора. Хотя сыну Алексея Михайловича трудно было ожидать симпатий со стороны поляков после тяжелейшей войны с Россией, участники посольства нашли, что «наследный принц — весьма видный из себя юноша... отменных наклонностей. Роста он среднего, однако же высокого по летам. Говорит и действует, как будто бы минуло ему пятнадцать лет. Щедрейшего нрава, горячо любимый своим родителем, и вообще юноша обходительный и весьма приветливый со всеми».

Царевич, не достигший 14-летнего возраста, в своей речи превознес идею славянского единства по-польски, перейдя затем на латинский язык. «Слушая речь сего принца... мы, послы... воображали себя перенесенными в Италию». «Сын великого государя... столь неожиданно и красноречиво изъясняется на научном языке, как будто бы он воспитывался меж латинцами», — заметили послы.

Мы отдали должное способностям царевича Алексея Алексеевича не только из-за того, что его выступление в Кремле было ошибочно приписано Федору Алексеевичу²⁸, но и в связи со сходством в образовании двух царевичей, успехам которых не могли помешать их общие недомогания.

Мамки, дядьки и игрушки

Федор Алексеевич родился 30 мая 1661 г. и был назван в честь св. Федора Стратилата (память празднуется 8 июня), о чем счастливый отец объявлял стране уже 1 июня; *государевы грамоты* о «радости» были, по обыкновению, дополнены *богомольными грамотами* Церкви, так что весть наверняка дошла до всех уголков великого государства²⁹. Следует полагать, что государь совершил все торжественные молебны, разослал и принял поздравления духовенства и знати, роздал щедрые пожалования и милостыню, объявил амнистию и выполнил прочие требования традиции.

Достоверно известно, что в связи с рождением царевича лишь один человек (родственник царицы Ф. Я. Милославский) был пожалован в окольничие³⁰, зато 9 июня в Грановитой палате был дан пышный *родинный стол* «без мест» (т.е. не считаясь с местническими счетами знати) для *освященного собора* архиереев Русской Православной Церкви и чинов Боярской думы³¹. Боярыни, супруги окольничих и стольников угощались тем временем у родинного стола в палатах царицы и подносили новорожденному удивительно схожие подарки: младенец получил от каждой из 25 гостей по золотому кресту с мощами, серебряному золоченому кубку с кровлей, отрезу золотого бархата или атласа и *сороку* (связке) соболей. 30 июня царевича Федора крестили в дворцовой церкви великомученицы Екатерины. По сему поводу в Грановитой палате (и надо полагать у государыни в хоромѣх) был *крестинный стол*³².

Кормилицей Федора Алексеевича была некая безвестная Анна Ивановна³³, зато мамки и дядьки царевича являлись личностями весьма заметными.

Вдовая боярыня Анна Петровна Хитрово целые десятилетия имела огромное влияние на женской половине дворца и заботилась о своем воспитаннике, даже когда он подросток. Суровая постница и богомолка бросилась на защиту Федора, когда сочла, что А. С. Матвеев и Нарышкины (родственники второй жены Алексея Михайловича, матери Петра) хотят обидеть царевича с престолонаследием, и, по признанию ее врагов, немало способствовала их ссылке³⁴. Зная о безусловной преданности Анны Петровны, Федор позже доверил ей беречь свою первую жену, назначив боярыню *кравчей* (ответственной за напитки) царицы Агафьи Симеоновны³⁵.

Свойственник Анны Петровны стольник Иван Хитрово был сыном видного приказного деятеля, окольничего, с 1666 г. — боярина Богдана Матвеевича Хитрово, возвышенного всесильным некогда дядькой самого Алексея Михайловича боярином Б. И. Морозовым. Фаворит государя, его *дворецкий* и *оружничий*, Богдан Матвеевич позволял себе быть врагом влиятельных людей — патриарха Никона, канцлеров А. Л. Ордина-Нащокина и А. С. Матвеева, прославился как коллекционер и покровитель искусств и был неизменно дорог царю Алексею, несмотря на свою слабость к вину и женщинам³⁶.

Сын его, не замеченный в подобных слабостях, с 1664 г., наряду со службой в дядьках царевича Федора, стал помощником отца в управлении важнейшими для жизни царской семьи и двора приказами — Большого дворца и Судным дворцовым (в 1670 г. его заменил в судействе стольник А. С. Хитрово). Учитывая, что Хитрово (с небольшими перерывами) руководил в детстве Федора Алексея еще Оружейной, Золотой и Серебряной пала-

тами (не считая менее важных для ребенка учреждений)³⁷, царевич быстро и легко получал все, что ему хотелось, любые игрушки и лучшие изделия российских мастеров.

Иван Богданович и Анна Петровна Хитрово были вторыми дядькой и мамкой Федора — из-за своей неродовитости (Иван Богданович был пожалован в думные дворяне 24 мая 1666 г., в окольничие — 1 сентября 1674 г., в честь объявления царевича наследником, и в бояре — уже царем Федором в июне 1676 г.)³⁸. Первыми были представители знатнейшего рода князей Куракиных — боярин Федор Федорович и боярыня Прасковья Борисовна. Они были отставлены в 1675 г., когда нужда в многочисленных дядьках и мамках миновала³⁹. Куракины, впрочем, оставались близкими к Федору Алексеевичу людьми и впоследствии: домашние связи были в те времена очень крепкими.

Учиться царевич начал, еще не выйдя из-под женской опеки, во внутренних палатах дворца. В двухлетнем возрасте (1663) он получил специально сделанную большого формата (in folio — примерно с современный лист А4) книгу житий Алексея Человека Божия, Марии Египетской (тезоименитых его отцу и матери) и царевича Иоасафа — с 90 картинками. За два года малыш ее так истрепал, что отец велел книгу реставрировать и заново переплести в бархат⁴⁰.

Выход Федора из младенческого возраста (в 5 лет) был отмечен двумя важными обстоятельствами: воспитание царевича перешло в руки дядек и имя его утвердилось в расходных документах, отдельно от женской части дворца. До этого упоминания о царевиче появлялись случайно, например, когда в

1662 г. для него украшались новые хоромы или когда на масленице 1664 г. отец послал ему со своего стола расписные сласти в виде рожи с двуглавым орликом⁴¹.

Дядьки были не склонны поначалу переутомлять юный организм науками и предпочитали воинственные игры. Товарищами Федора были 14 юных стольников, причем после смерти царевича Алексея, число стольников которого не превышало 9 — 12, к компании добавилось еще трое. Замечу, что у царевича Ивана Алексеевича было всего 3 стольника и 14 человек дворян «с площади», а у Петра — 2 стольника (пока их число не увеличил воцарившийся Федор)⁴².

Стараниями дядек компания была вооружена до зубов. Лучшие мастера Оружейной палаты снабжали детей роскошными маленькими луками и стрелами, знаменами и барабанами, литаврами и набатами, которые, как в настоящем полку, возились на лошади (игрушечной). Для царевича и стольников изготавливались шпаги и тесаки, пистолеты и ружья (в том числе нарезные «винтовки»), булавы, копья, алебарды и медные пушечки на богато украшенных, как у московских стрельцов, станках.

Опись игрушек царевича Федора (с 1666 г.) рассказывает также о цветных мячиках, которыми играли в обширных сенях и переходах дворца (их доставляли в палаты к царевичу сразу по 10 и 20 штук), о бархатных качелях, резных серебряных свайках (бросавшихся в кольцо — такой свайкой закололся, по версии Бориса Годунова, царевич Дмитрий Иванович, но от игры во дворце не отказались). Опись повествует также о шахматах, о потешных настольных играх: заводных «немцах, что стоят на

деревянном черном ящике и играют» (их чинили в 1670 и 1672 гг.), о «картах, по золоту цветными красками» разрисованных, и т.п.

Луки, кони и ловчие птицы

Судя по игрушкам, особенно поощрялись активные игры. Дети воевали, охотились на золоченых расписных львов (их было пять), которые, видимо, нападали на «пятерых барашков и двух козликов». Стреляли из луков в войлочные мишени, в подброшенную шапку, по золоченым голубям, раскрашенным «по серебру разными цветными красками». Кажется странным, что в век огнестрельного оружия, в изготовлении которого московские мастера были из первейших в мире, царевичи предпочитали архаичный лук. Понятно стремление взрослых избегать пальбы во дворце. Но ведь царская семья регулярно выезжала за город и в теплое время года подолгу жила в дворцовых селах, где детям было истинное раздолье.

При московском дворе стрельба из лука приобрела к тому времени характер тщательно культивированного спорта, физически развивающей игры, типа современного тенниса. Луки членов царской семьи были настоящими произведениями искусства. Красные и белые, лазоревые и червчатые, золотые и серебряные луки украшались разнообразнейше. Один из трех собственных луков, взятых шестилетним царевичем Федором за город летом 1667 г., выглядел так: «лук по алой кибити (древку) писан золотом, на нем два орлика двоеглавые в клеймах, писаны травы на буйволовых костях, с лица писано

золотом — травы (растительный орнамент), тетива шелковая красная с золотом».

Целями служили белые войлочные колпаки, которые подбрасывались в воздух или устанавливались на спицах и расписных древках (по одному на стрельца).

Поскольку в игре с царевичами принимали участие все стольники, стрел требовалось множество. Алексей Алексеевич брал с собой в Преображенское в 1666 г. из Оружейной палаты (помимо того, что имел в комнатах) 13 луков, 14 древков, 4 спицы, 6 колпаков и 40 гнезд (колчанов) стрел — по 25 штук в гнезде. В апреле 1667 г. он вернул в Оружейную 30 гнезд стрел царских и 12 стольничьих с указом их к нему в хоромы не отпускать, отдать, если потребуются, царевичу Федору. Богатство досталось Федору Алексеевичу, который, напротив, все более входил во вкус игры, избрав заветным местом Воробьевы горы, где недалеко от дворца был устроен «потешный луг».

Царевич продолжал стрелять из лука и в 1675 г., когда уже имел разнообразное действующее огнестрельное оружие, и после своего восшествия на престол. Например, 3 июня 1677 г. 16-летний Федор Алексеевич «в походе за Ваганьковым изволил тешиться на поле и указал из луков стрелять спальникам». Потеха была знатная: «пропало в траве и переломали 33 гнезда северег». 8 июня, по пути с Воробьевых гор, царь придал игре исторический характер, и стрелы летели через Крымский брод на Москве-реке (будто дворяне отражали набег татар).

Другой устойчивой страстью Федора Алексеевича стали лошади. По обычаю царевичей, его посадили на большого игрушечного расписного коня, как толь-

ко младенцу исполнился 1 год. Эта коняшка стояла в комнатах царевича, в починенном и обновленном виде, по крайней мере до 11 лет⁴⁴. Тогда у Федора Алексеевича были уже «потешные сани, обиты исподом собольим пластинчатым», и узда; нарядное седло к игрушке было сделано в 1674 г.

Настоящие лошади, сбруя, кареты и возки всех видов держались для царской семьи на Конюшенном дворе. Его глава — *ясельничий* — бывал обычно не из первых родов, но мог весьма выдвинуться. Маленького Федора Алексеевича тешил учеными конями ясельничий Иван Афанасьевич Желябужский (известный дипломат и мемуарист) — эта его служба (1664—1668) окупилась важными и почетными должностями в царствование Федора и правление Софьи⁴⁵.

Под руководством ясельничего Ф. Я. Вышеславцева были достигнуты удивительные успехи в дрессировке. Лошади «показывали много фокусов» наподобие ученых собак и обезьян, кланялись и плясали тройками, четверками, шестерками, лучшие иноходцы рысью обходили коней, скачущих галопом. 75 верховых и 200 каретных коней ежедневно мылись с мылом (зимой теплой водой) и «блестели как зеркала». Специально для детских «потешных» карет и саней держали (помимо аргамаков, арабских, персидских, шведских и других пород лошадей) две четверки пони «ростом с английских догов» (в шутку к ним были приставлены карлики — кучер, ямщик и шесть алебардчиков)⁴⁶.

Пони были для младенцев — подросткам царевичам давали лучших (предварительно хорошо выезженных) коней. Это не спасало от происшествий. Рассказывали, например, что «Федор, будучи на три-

надцатом году, однажды собирался в пригороды прогуливаться со своими тетками и сестрами в сани. Им подведена была ретивая лошадь: Федор сел на нее, желая быть возницей у своих теток и сестер. На сани насело их так много, что лошадь не могла тронуться с места, но встала на дыбы, сшибла с себя седока и сбила его под сани. Тут сани всей своей тяжестью проехали по спине лежащего на земле Федора и измяли у него грудь, от чего он и теперь (в 1676 г.) чувствует беспрерывную боль в груди и спине»⁴⁷.

Федор Алексеевич сохранял любовь к лошадям всю жизнь. Хотя иностранцы не уставали восхищаться царскими конюшнями, фанатику коннозаводства Федору казалось, что породы недостаточно хороши и разнообразны. Почти сразу по вступлении на престол, 31 марта 1676 г., он через незаменимого Б. М. Хитрово выменял белого голландского жеребца у посла Генеральных штатов Нидерландов Кунраада фан Кленка и впоследствии выписывал лошадей из Западной Европы⁴⁸.

Весной — летом 1676 г. новый царь полностью обновил руководство Конюшенного приказа. Потомственному коневоду ясельничему Ивану Тимофеевичу Кондыреву он дал чин думного дворянина (7 июня), а через год сделал окольничим (8 июня 1677 г.). Судя по *дворцовым разрядам* (записям о службах при дворе), четверо из рода Кондыревых, включая ясельничего, бывали в походах с Федором Алексеевичем и его семьей 41 раз — чаще, чем большинство знатнейших боярских родов. После воцарения Ивана Алексеевича в 1682 г. Иван Тимофеевич первым из своей фамилии получил боярство, а после женитьбы царя Ивана боярином стал и его брат Петр.

Другой известный лошадиник, князь Владимир Дмитриевич Долгоруков, служивший очень мало, настолько был белой вороной среди своих родственников — видных государственных деятелей, — что вопреки фамильной привилегии был произведен Алексеем Михайловичем в окольничие, а не в бояре. Федор, воцарившись, пожаловал князю боярство и приблизил к себе коннозаводчика, не утомляя его службами, помимо почетных⁴⁹.

Такие случаи заставляют верить историку XVIII в. В. Н. Татищеву, писавшему о Федоре: «Как отец сего государя великий был (охотник) до ловель зверей и птиц, так сей государь до лошадей был великий охотник. И не только предорогих и дивных лошадей в своей конюшне содержал, разным поступкам их обучал и великие заводы конские по удобным местам завел, но и шляхетство к тому возбуждал. Благодаря чему в его время всяк наиболее о том прилежал и ничем более, как лошадьми, не хвалился»⁵⁰.

Следует уточнить, что и Федор Алексеевич, вслед за отцом, увлекался охотой с ловчими птицами, которая, по отзыву наблюдательного иностранца, сочеталась у русских в его царствование с конским бегом и лучной стрельбой⁵¹. Царь весьма заботился о росте числа и улучшении породы ловчих птиц, которых по его указам доставляли даже из Сибири, а также о сохранении их поголовья в местах обитания. Отловленных сверх наказа птиц строго запрещалось продавать и требовалось отпускать на волю в их родных краях. Особое значение придавалось красоте птиц, и они действительно были великолепны, например: «перьем кречет с красна-голуб, а каплины белые; грудь бела, а каплины с

красна-голубы, а крылье с красна-голубы ж, а каплины красные; а на хвосте каплины белые, а хвост с красна-голуб же»⁵².

Певчие птицы, музыка и поэзия

Физические упражнения Федора Алексеевича были непременно связаны с эстетическим удовольствием, и эстетическое воспитание достигалось всей окружающей его с младенчества обстановкой. Обязательной принадлежностью комнатного сада, который имелся у каждого члена царской семьи и служил предметом гордости, были птицы⁵³. Царица, царевны и царевичи хвалились искусством выращивания цветов, трав, овощей и фруктов.

Помимо птиц, слух царевича услаждали музыкальные шкатулки (их чинили в 1670, 1672, 1673, 1674 гг.), клавикорды (починенные в 1675 г. старые и подаренные новые), «октавки», вновь устроенные «органы потешные» и иные «струменты», хранившиеся в особом месте⁵⁴. Музыкальное образование, начатое с игрушек и знакомых с младенчества голосов царской капеллы, углубилось изучением нотной литературы. К концу жизни Федора Алексеевича им была собрана весьма значительная нотная библиотека, при дворе утвердилось партесное (концертное) пение и по соизволению царя был совершен переход от старинных крюковых к общеевропейским линейным нотам.

Сама музыка получила философско-эстетическое обоснование как необходимое человеку «художество», «вторая философия и грамматика». Собственно, появление «Музыкальной грамматики» приехавшего в Москву при Федоре Николая Дилецкого

(редакции 1679 и 1681 гг.) в соединении с трактатом его коллеги и друга Иоанникия Коренева «О пении божественном» знаменовало в русской музыкальной культуре поворот, равного которому не найти ни в предшествующие, ни в последующие десятилетия.

Федор Алексеевич, по мнению В. Н. Татищева, шел к музыке от поэзии, ибо «великое искусство в поэзии имел и весьма изрядные вирши складывал. По которой его величества охоте Псалтырь стихотворно тем Полоцким переложена, и в ней, как сказывают, многие стихи, а особенно псалмы 132 и 145, сам его величество переложил, и последний в церкви при нем всегда певали. Поскольку же его величество и к пению был великий охотник, первое партесное, и по нотам четверогласное, и киевское пение при нем введено, а по крюкам греческое оставлено».

«Псалтырь рифмованная», написанная Полоцким в 1678 г. и изданная в 1680 г. царской Верхней типографией в роскошном оформлении самого Симона Ушакова (главы государевых живописцев), была положена на ноты начавшим свою карьеру при Федоре замечательным композитором Василием Титовым для царевны Софьи. Нотная стихотворная Псалтырь, как сказано в предисловии к ней, создавалась потому, что «в Великой России, в самом царствующем и богоспасаемом граде Москве возлюбил сладкое и согласное пение польской Псалтыри стихотворно преложенной, привыкли те псалмы петь... и сладостью пения увеселялись духовно...».

Любители музыки хорошо знакомы с часто исполняемым поныне песнопением Федора Алексеевича «Достойно есть». В XVII в., кажется, даже суровый книжник Епифаний Славинецкий поддался общему увлечению, сочинив с большим «формаль-

ным мастерством» «песни эпического характера». Впрочем, наследия одного Дилецкого (не пережившего царя Федора) было бы достаточно, чтобы прославить краткое царствование реформатора в концертных программах⁵⁵.

Отношение государя к служившим в придворной капелле певчим дьякам демонстрирует забавный случай на Рождество 1677 г., когда кое-кто из руководителей доходных приказов отказался принимать (и соответственно одаривать) музыкантов, ходивших в сочельник со славлением по домам ближних и думных государевых людей. Незамедлительно последовал указ Федора Алексеевича, который не заблуждался насчет мотивов приказных дьяков и отлично разбирался в реальных источниках доходов государственных служащих.

Приказным дьякам, лишившим певчих обычного заработка, было объявлено, «что они учинили то дуростию своею негораздо — и такого бесстрашия некогда не бывало, что его государевых певчих дьяков, которые от него, великого государя, Христа славить ездят, на дворы к себе не пущаты! И за такую их дерзость и бесстрашие быть им в приказах бескорыстно и никаких почестей и поминков ни у кого ничего ни от каких дел не брать. А коли кто нарушив сей его государев указ объявится хоть в самой малой взятке или корысти — и им за то быть в наказании»⁵⁶.

Хозяин, меценат и строитель

Сочетание высокого искусства, которое, по словам Н. П. Дилецкого, «сердца человеческие возбуждает к веселью, или сокрушению, или плачу»⁵⁷, с при-

земленным практицизмом — характерная черта просвещенного человека XVII в., не исключая и государя. С ранних лет царевич знакомился с обширнейшим хозяйством государева двора, чтобы, вступив на престол, стать прежде всего хозяином — первым среди российских собственников.

Прямо под сказочными теремами и садами *вертоградом* дворцового Верха располагались Боярская площадка и палаты для заседаний высших чинов, ниже толпились стряпчие, жильцы, выборные и московские дворяне, ждущие указов и поручений, целые этажи были отведены мастерским палатам, квасо- и пивоварням, хлебням, портомойням и т.п., еще ниже находились подвалы с необъятными по количеству и разнообразию припасами, а по всей стране раскинулось *дворцовое*, принадлежавшее лично государю хозяйство — села, земли, угодья, рыбные ловли...

По воцарении Федор Алексеевич возглавил огромный штат дворцовых служащих. Вместо приказчиков у него были бояре, окольничие, думные дворяне и дьяки — но плох тот хозяин, который не разбирается в тонкостях функционирования своего хозяйства и не контролирует приказчиков! Поэтому высочайшая честь «видеть пресветлые очи» великого государя выпадала чиновникам и работникам государева двора гораздо чаще, чем иным высоким государственным служащим.

Например, после восшествия на престол Федор Алексеевич давал приемы в течение всей Святой недели: в понедельник принимал стольников, стряпчих и дворян, в среду — детей боярских и сотрудников Аптекарского приказа, в четверг и пятницу — дворцовых подъячих и дворовых людей, в субботу —

«разных чинов людей», включая собственных художников и мастеров, богатейших купцов-гостей и представителей черных слобод (городского податного населения).

Для сравнения отмечу, что служащие Посольского приказа (переводчики, подьячие, золотописцы), а также подведомственные приказу иноземцы удостоились приема у государя «в передней» 6 мая 1681 г. по случаю экстраординарных торжеств в честь заключения долгожданного мира с Турцией и Крымом. Между тем художники и мастера Оружейной палаты ежегодно являлись к государю с «подносными делами» (под видом великоденского яйца), а сам Федор Алексеевич раздавал придворным и дворовым от Светлого дня до Вознесенья до 37 тысяч пасхальных яиц⁵⁸.

Не случайно Сильвестр Медведев подчеркивал, что Федор Алексеевич, собирая в своих мастерских палатах «художников всякого мастерства», прилежно следил за их трудами и богато поощрял их успехи, стремясь — «да никогда же ум его празден обрящется». Личное пребывание государя в Оружейной палате и осмотр оружейной казны подтверждены документально⁵⁹.

Федор Алексеевич с детства усвоил не только практическое, но и философское значение строительства. Само воспитание уподоблялось тогда «сограждению» града небесной мудрости в телесном человеке⁶⁰. В строительстве города и выращивании сада (сравни «Вертоград многоцветный», стихотворный сборник Симеона Полоцкого) реализовалась присутствующая просветительской мысли идея созидания как способа выражения двуединой земной и небесной

сущности человека-творца: дольного отражения Творца Небесного.

Сохранилось довольно много источников, свидетельствующих, что строительство и украшение было страстью юного царя. Записи о соответствующих распоряжениях Федора Алексеевича за один год — с апреля 1681 по апрель 1682 г. (т.е. по кончину) — содержат указы о строительстве 55 объектов, каждому из которых царь дал точную архитектурную характеристику. Например: «189 (1681) г. апреля 27 (ровно год до смерти! — Авт.). На Пресне, на его государевом новом дворе, построить каменную церковь во имя Живоносного Христова Воскресения. А по мере длина алтарю по средней округлости 3 сажени (сажень равна 2,13 м. — Авт.), а по сторонним округлостям по полтретью (2,5) сажени. Вышина от моста (пола) до замка (верхней точки свода) 2 сажени с четвертью. Церкви длина полшесты (5,5) сажени, вышина 9 сажень; трапезам длина полтретью сажени, вышина 9 сажень, нижней — полтретью сажени; ширина церкви и трапезам по 6 сажень. А делать против чертежа и за указом подмастерским. Да на церкви сделать пять глав, средняя шея полая с пролетами. У северных, и у южных, и у западных дверей сделать рундуки вышиною по сажени, шириною по размеру. В церкви, и в алтаре, и в трапезах, и рундуки выстлать леЩадьми в шахмат. В церкви ж мосты ровнять с рундуками. А окон в церкви, и в алтаре, и в трапезах — сколько где понадобится. И совсем ту церковь отделать, и кружала выбрать, и помазать левкасом, и с лица отбелить».

Через месяц, 27 мая, Федор Алексеевич уточнил, что следует «сделать в прибавку вокруг церкви, и алтарей, и трапезы — паперти каменные вышиною с церковным полом наровни; и против стенок церковных и против трапезных углов сделать шесть круглых башенок», причем подробно описал, как устраивать перила с *ширинками* (любимым своим украшением)⁶¹. Помимо храма Воскресения, среди заказанных царем в это время построек было множество дворцовых, приказных и хозяйственных, колокольня в селе Измайлове, ворота в Алексеевском, канализация в Кремле (с диаметром основной трубы более 6 метров), каменная пятиглавая церковь в Котельниках, два каменных корпуса под Академию в Заиконоспасском монастыре (на Никольской улице) и т.п. Указы о срочных работах на новых объектах отдавались 7 — 9 раз в месяц. Неудивительно, что с весны 1676 по весну 1681 г. в Москву неоднократно вызывались каменщики и кирпичники из других районов страны⁶².

Кремлевский дворец (включая хоромы царской семьи и дворцовые церкви), мастерские палаты (начиная с Оружейной) и комплекс приказных зданий — все было перестроено, соединено галереями, переходами и крыльцами, богато изукрашено. Царское хозяйство было моделью Российского царства и должно было выглядеть соответственно: как прекрасный, цветущий организм, озаряющий красотой Вселенную.

Крупнейший историк Москвы И. Е. Забелин особенно выделяет среди построек Федора Алексеевича в Кремле новые деревянные дворцы для него самого, царевен и царевича Ивана Алексеевича, верховные церкви Спаса Нерукотворного образа, Успения Бо-

гоматери (расписанные под мрамор), церковь Похвалы Богородицы на Потешном дворе и пятиглавый храм Св. Духа, Голгофу типа иерусалимской с чудными алебастровыми украшениями (в том числе шестидесятью «летающими» на проволоках херувимами) и Вертоград с Гробом Господним, Ответную и Панихидную набережные палаты, а также палаты Сытного, Кормового и Хлебного дворцов⁶³.

При всех хоромах царской семьи имелись, разумеется, сады, кроме общего сада у Золотой палаты и висячего Набережного сада площадью около 1,2 квадратного километра, со 109 окнами по фасаду. Федор Алексеевич в 1681 г. построил в нем проточный пруд 10 на 8 метров и соорудил еще один висячий сад площадью более 350 квадратных метров со своим прудом, водовзводной башней и беседкой.

Царь не обольщался мечтой, что его тетки и единокровные сестры-царевны (по матери Милославские) будут гулять здесь под ручку с царицей Наталией Кирилловной (урожденной Нарышкиной) и ее отпрысками — и потому построил для тех и других еще по отдельному саду, а при комнатах своего крестника царевича Петра — Потешную площадку, снабженную потешным шатром, потешной избой, рундуком с рогатками (пехотным ограждением), пушками и прочим воинским снаряжением. Собственный «Новый деревянный Верхний сад» Федора Алексеевича (с 1679 г.) имел 137 столпов с капителями, 15 решеток и 10 больших дверей (для изменения объемов), был украшен резьбой и росписью. По заказу государя придворный живописец Питер Энглес украсил «перспективным письмом» (живописью с прямой перспективой) и Нижний Набережный сад⁶⁴.

Живопись, книги, история

Живопись была неотъемлемой частью царского окружения. Даже обычные игрушки Федора Алексеевича украшали такие замечательные живописцы и иконописцы, как Иван Безмин, Богдан Салтанов, Петр Афанасьев, Филипп Павлов, Дорофей Ермолаев, Никифор Бовыкин и др. С картинами малолетний царевич Федор встречался на каждом шагу. На его столах, например, сам Богдан Салтанов живописал притчу о царе Константине, советующую хранить благочестие и уважать «своих рабов воинов» (1675), а также «притчи царя Соломона» (1676)⁶⁵.

Назидательные и познавательные картины с юности Федора вошли во дворец — и именно ему суждено было стать главным меценатом новой «перспективной» живописи в России. Царевич, а затем царь умел ценить труд своих художников; он сам был знаком с рисованием и живописью не понаслышке, заказывал в хоромы разнообразные краски и горшочки для их разведения⁶⁶.

Возмужав, Федор Алексеевич украшал живописными полотнами буквально все. В новопостроенную Голгофу Богдан Салтанов написал «Сошествие во ад», «Воскресение», «Вознесение» и «Явление Христа Марии Магдалине» (1679). Он же с Иваном Безминым, Иваном Мировским, Никифором Бовыкиным, мастерами и учениками расписал дворцовый фасад (1678—1679), холщовые «вставни» в каменных палатах, стены и потолки (по холсту в 800 аршин, аршин равен 0,711 м.) в семи комнатах нового царского дворца, в Крестовой палате патриарха и

всех помещениях царевен, в трех комнатах в Новом потешном дворце. Уже в 1677—1678 гг. на Боярской площадке у Постельного крыльца, где всегда толпились ждавшие новостей придворные, стояла большая аллегорическая картина «Видение царя Константина, когда ему явился крест в облаках на небе».

Основными темами картин, как следовало из учения Симеона Полоцкого, были назидательные «притчи». Например, Питер Энглес писал для хором царицы Агафьи Симеоновны — первой супруги Федора Алексеевича — «притчи из Библии, из разных книг славянских и латинских», в частности — Давид благословляет Соломона, царица Савская перед Соломоном, брак царя Соломона, Идолопоклонение, притча пророка Изекииля, Христос с учителями. Новые сюжеты понадобились для стен бывшего Приказа тайных дел; 63 аршина заняло изображение небесного свода с планетами и звездами (Салтанов 1677 и Безмин 1680) и т.д.⁶⁷

Федор Алексеевич бережно хранил портреты отца, матери и царевича Алексея; в свою очередь его *персоны* были высокой наградой приближенным. В богатом портретном собрании В. В. Голицына, например, было четыре разных персоны государя. Нельзя сказать, чтобы на сохранившихся портретах Федор Алексеевич выглядел болезненным юношей — скорее наоборот, его лицо выражает целеустремленность, энергию и даже веселость⁶⁸.

С живописью у маленького царевича Федора было связано и развитие любви к *книге*. Он знакомился с живописным «Душевым лекарством» (1670), в 1672 г. «иконописец Петр Афанасьев писал царевичу две потешные книги: люди с боем»; в 1675 г. «иконописец Иван Филатов писал царевичу потешную

книгу»⁶⁹. Иллюстрации помогали изучать родословие (от римских кесарей) и геральдику, титулатуру русских государей и земель, их соседей, а также дипломатию в «Титулярнике» (1672), историю России в «Книге о избрании на превысочайший престол великого Российского царствия» первого Романова, составленной в Посольском приказе.

Оригинальные «История о царях и великих князях земли Русской» и «Родословие великих князей и царей российских» П. Долгого и Ф. Грибоедова соседствовали в изучении истории с традиционными летописями. Федор Алексеевич, очевидно, был хорошо знаком со знаменитым *Лицевым сводом* — крупнейшей русской иллюстрированной летописью, хранившейся в Оружейном приказе. В 1671 г. для свода было сделано особое «логалище», а уже весной 1677 г. указом царя Федора Алексеевича рукопись была тщательно реставрирована. В 1679 и 1680 гг. новые царские и царевнины палаты расписывались «притчами» по образцам иллюстраций свода. Работы выполнялись Карпом Золотаревым, Салтановым, Безминым и Энглесом. Молодой царь сумел даже возвратить часть листов, изъятую из рукописи свода патриархом Никоном, и перед смертью имел полный памятник в «комнате-книгохранилище», но при его преемниках драгоценные листы были почти целиком растащены⁷⁰.

Сумел Федор Алексеевич оценить и переводы, выполненные под руководством А. С. Матвеева в Посольском приказе, особенно «Хрисмологион» и «Василиологион», развивающие концепцию последовательной смены четырех монархий и толкующие о причинах возвышения и падения царств в зависимости от качеств государей. В его личной библи-

отеке, которая, к сожалению, описана была только после смерти государя (275 книг)⁷¹, наряду с упомянутыми сочинениями, русскими летописями, Степенной книгой, хронографами и «историями», были киевский «Синописис», исторические труды знаменитого Матвея Стрыйковского и других западных авторов (на латинском и польском языках), оказавших значительное влияние на формирование новых представлений о тематике, задачах, методологии и приемах историографии, о самом ее значении. Федор Алексеевич пришел к выводу, что «народ российский исстари наипаче склонен был к воинским делам и оружию, нежели к свободным учениям, и для того лишен был учения исторического», а его «повести и летописцы» были «несовершенным описанием и не по обычаю историческому; притом и не согласуются между собою вовсе те летописцы».

Царь указал «собрать во единой исторической книге» сведения о происхождении славян и Руси и описать «потом по чину и по векам до сих времен — что учинилось в Российских государствах». Оценивать достоверность материалов государь предлагал по европейскому «обычаю историографов», опирающемуся на античную традицию (в этой связи упоминаются Геродот, Фукидид, Аристотель, Платон, Дионисий Геликарнасский, Полибий, Цицерон, Тацит, Василий Македонянин и др.). Было заявлено, «что во всех народах, что есть на свете, книги и истории своего государства — и начала, и предки их, и произведение — есть, от разных историков писаны и в типографии преданы; только московский народ и российский историю общую от начала своего не сложили, и не издано!»

Достоверная, объективная, последовательная, объясняющая причины и ход событий *история России*, согласная с концепцией четырех мировых монархий, признавалась царем необходимым элементом человеческого знания. В сохранившемся Предисловии к заказанной Федором Алексеевичем книге, написанном, видимо, окольным Алексеем Тимофеевичем Лихачевым незадолго до кончины государя, подчеркивается, что царская воля опиралась на комплекс мотивов. «Любомудрый» государь желал править народом «правдою, разсуждением и милосердием», «*ко всенародной пользе*». В связи с этим, в частности, Федор Алексеевич стремился свой народ «преукрасить всякими добродетелями, и учениями, и искусствами и прославить не только нынешние российские народы, но и прежде бывших славных предков своих».

Создание печатной истории России как нельзя лучше отвечало последней цели, поскольку «ничем иным так не украшаются и не воспоминаются предки и народы, как *разумными и истинными историями*, потому что дела их славные бывшие, которые покрыты были тьмою забвения, все историями открываются». «И та есть *всенародная польза*, что не только самому себе, российскому народу, будет ведомость истинная о своих предках... но и иным народам будет познание и ведомость... а оттуда и слава московскому и российскому народу».

История, по Цицерону, — учительница жизни, благодаря которой человек, говоря словами Фукидида, познает настоящее и предвидит будущее. В то же время она выдвигается на первый план как ключ к современной системе знаний, «свободных мудростей». «И хотя через множество вещей, ис-

кусств и наук к совершенству познания... приходит человек, — пишет автор Предисловия, — однако ж ничего так не украшает человека, и душевно, и телесно, и всякое человеческое житие и гражданское пребывание (так не) исправляет и (не) ведет его к знанию всяких искусных дел и к (появлению) совершенного человека, — как история!» Ведь она не только «гражданскому и домашнему делу полезна — но и во всех делах, искусствах и учениях свободных, в которых история молчит, великое неисправление видится и несовершенство»⁷².

Свободные мудрости

Не стоит вслед за И. Е. Забелиным предполагать, что «сведения о полном составе тогдашней науки... появились у нас» вместе с переведенной сотрудниками Посольского приказа Николаем Спафарием в 1672 г. «Книги избранной вкратце о девяти музах и семи свободных художествах». «Сказание о семи свободных мудростях» появилось в России еще в конце XVI — начале XVII в. и было достаточно известно во времена Федора Алексеевича; о составе схоластических наук повествовали стихи Симеона Полоцкого и т.п. Представления не только о грамматике, риторике, диалектике (логике), арифметике, музыке, геометрии и астрологии, но и о других науках общего и частного университетского курсов в России последней четверти XVII в. были значительно глубже, чем принято считать⁷³.

Европейская схоластика, то есть академическая образованность того времени, слишком долго предавалась у нас проклятию как «латино-польское

и малорусское влияние». Глубоко рассматривающее проблему исследование А. С. Лаппо-Данилевского до последнего времени не было издано. Между тем академик ясно дал понять, что без анализа влияния схоластики невозможно понять очень многие явления русской мысли XVII в. в области морали, политики и культуры⁷⁴. О степени освоения Федором Алексеевичем различных отраслей современного ему знания можно судить по книгам его личной библиотеки, которые он наверняка читал, располагая царской, Посольского приказа и иными библиотеками, не был просто собирателем.

В малолетстве царевич имел, разумеется, букварь (даже три), азбуку и арифметику, не говоря уже о разных изданиях Часослова и Псалтири, традиционно использовавшихся для начального обучения. Первым его учителем был взятый Хитрово из Дворцового судного приказа подъячий Афанасий Федосеевич Иванов. 3 мая 1667 г. и 1 июля 1669 г. он получил крупные награды за успехи своего ученика, 15 января 1672 г. был назначен вновь «в приказ», а 28 июля 1676 г., после венчания бывшего ученика на царство, роздал от своего имени 11 казенных рублей милостыни. С 21 ноября 1670 г. подъячий Посольского приказа Панфил Тимофеевич Белянинов стал царевича Федора «учить писать». 24 ноября 1674 г. «за то, что он выучил... царевича... писать», Белянинов был пожалован в дьяки (в 1681 г. он стал думным дьяком). Все эти годы (1669—1674) для Федора Алексеевича изготавливали «учительные» книги, «учительную скамейку», существовала его «учительная палата»⁷⁵.

Первые Романовы собственноручно писали очень редко, и Федор не был исключением — не царское это считалось занятие. Поэтому и не учили его писать красиво. Более того, создается впечатление, что подъячий Посольского приказа, где была великолепная писцовая школа, четыре года (!) занимался именно тем, что вырабатывал у царевича особый, ни на что не похожий «царский почерк» — те кошмарные каракули, которыми особенно прославился Петр I, и учил Федора шифровать текст. В противном случае Алексей Михайлович, получив от сына шифрованное поздравление на Новый год, должен был бы лишить Белянинова головы, а не присваивать новый чин⁷⁶.

Документы не упоминают в связи с образованием Федора Алексеевича Симеона Полоцкого, который, по общему мнению, был главным учителем царевича (а также его брата Ивана и сестры Софьи). Однако известно, что царь Федор проявлял к «отцу Симеону» огромное уважение, а после его кончины 25 августа 1680 г. заставил ученика Полоцкого Сильвестра Медведева 14 раз переделывать эпитафию, которую «указал на двух каменных таблицах вырезать, позлатить и устроить над гробом... своей государской казною». Мало кто из величайших мужей России удостоивался тогда таких слов:

Зряй, человек, сей гроб, сердцем умилися,
О смерти учителя славна прослезися:
Учитель бо здесь токмо един таков бывый,
Богослов правый, церкви догмата хранивый.
Муж благоверный, церкви и царству потребный,
Проповедию слова народу полезный...⁷⁷

Очевидно, именно Симеон Полоцкий выучил царевича Федора латинскому и польскому языкам. В библиотеке Федора Алексеевича ясно виден его глубокий интерес к истории Церкви и богословию, в том числе к его южнорусскому и даже польскому направлению. Богато представлена в библиотеке риторика, много книг на разных языках по истории: славяно-русской, мировой, отдельно украинской, казанской, польской, римской, китайской. Вместо обычных в московских библиотеках «хождений», историко-географические знания Федор Алексеевич черпал, например, в «Проскинитарии» Арсения Суханова, латинских описаниях Амстердама и Рима. Русский перевод книги по астрономии соседствовал с латинской книгой по архитектуре.

Несколько отечественных трактатов по дипломатическому этикету и медицине пребывали в царской «комнатной» библиотеке вместе с переводным трактатом «О пушках» и еще 13-ю рукописными и печатными военными руководствами. Книга опального Никона сочеталась с материалами против раскольников. Наконец, у Федора Алексеевича были все новые труды Симеона Полоцкого и издания его украинских единомышленников.

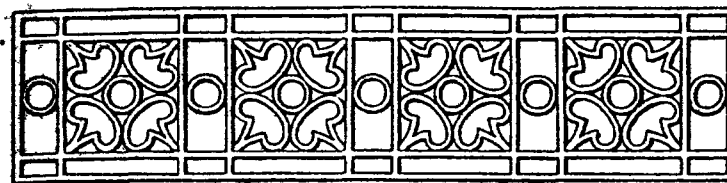
Архиепископ Лазарь Баранович, основавший в 1674 г. типографию в Новгороде-Северском (в 1676 г. она была переведена в Чернигов), нисколько не сомневался, что Федор Алексеевич по образованию принадлежит к одной с ним культуре, и не ошибся. Еще в 1672 г., посвящая царевичу свои «Жития святых отцов», Баранович пояснял, что книгу «издал языком польским, ибо извещен, что царевич Феодор Алексеевич не только нашим природным, но и поль-

ским языком четет книги»⁷⁸. Его довольно сложная по стилю и языку книга «Меч духовный» (Киев, 1666) оказалась в библиотеке Федора в 2-х экземплярах, «Трубы словес проповедных» (Киев, 1674) — в шести, а «Огородок Марии Богородицы» — в 15-ти экземплярах!

Зная о внимании Федора Алексеевича к своему творчеству, Баранович сразу после восшествия государя на престол, 26 февраля 1676 г., послал в Москву весьма почтительную поэму «Вечерний плач» и «Заутренняя радость» (о смерти Алексея и воцарении Федора), содержащую, как отметил А. С. Лаппо-Данилевский, схоластические рассуждения о качествах государя: великом разуме, любви к наукам, мудрецам и истории, к «сущим под собою» (подданным), к правде и закону, о милосердии царя и сотворении им «полезного всем и всему царству»⁷⁹.

«Вирши плачевные», как поэма названа в описи царской библиотеки, заняли почетное место рядом со сходным по теме «Гласом последним и заветом премудрым с благословением... Алексея Михайловича... на царство к сыну своему... Федору Алексеевичу»⁸⁰. После женитьбы Федора на Агафье Симеоновне Грушевской Лазарь Баранович поздравил его также достаточно сложной для непосвященных в схоластическую поэтику книгой «О пяти ранах Иисуса Христа» (на польском, латинском и церковно-славянском языках). В ней, помимо призыва к решительной борьбе с Турцией и Крымом, были помещены две публицистические гравюры, в духе барочной «эмблематической поэзии» прославляющие Московское государство, воинство и царскую чету за крепкую защиту православия и аллегорически

изображающие победу разума и добродетели над пороками и смертью. Это было сугубо элитарное издание (Чернигов, 1680)⁸¹. Даже трактат Симеона Полоцкого «Венец веры кафолической», посвященный царевне Софье, оказался в библиотеке царя-книголюба и, согласно помете в описи, был передан царевне после его кончины.

Глава вторая ФИЛОСОФ НА ТРОНЕ

Нет сомнений, что юный государь, с интересом читавший сложную схоластическую литературу, воспринял основные ее идеи. Об этом свидетельствуют уже «Привилегии Московской Академии», изложенные от царского лица лучшим учеником Полоцкого — Сильвестром Медведевым⁸². Историки долго и не без причин старались затушевать значение этого документа. Лучше всего выразил господствующий взгляд И. Е. Забелин, заявив, что до Петра знания были замкнуты «в одном кругу церковности».

«Об устройстве светского образования и светской учености, какая требовалась уже неотложно не только для укрепления, но и для спасения государства», не могло быть и речи, особенно «прямым учреждением... академии... по мирскому плану, согласно потребностям и интересам гражданственности, все-

общим интересам государства. О таком решении, — утверждал историк, — в умах того времени не могло возникнуть и помышления, по той причине, что не были еще ясно поняты и сознаны сами эти государственные потребности».

Это глубокое заблуждение, лежащее в основе легенды о «Петре Великом», разбивается уже начальными фразами «Привилегии»: «Первая и величайшая должность государя — охранение восточной православной веры и о расширении ее помышление; так же той подобная — о благочинном государства управлении и о защищении иметь тщание. Знаем же единых и прочих царских должностей родительницу, и всяких благ изобретательницу и совершительницу быть: мудрость». Именно учением, науками «все царства благочинное расположение, правосудия управление, и твердое защищение, и великое распространение приобретают!» — утверждает царь Федор. Очевидно, что мысль о значении науки для «укрепления и прославления государства» (И. Е. Забелин) зародилась в России не только у «маленького, а потом взрослого Петра Преобразователя».

Борьба за просвещение

Но, может быть, старший брат Петра имел в виду некую исключительно религиозную, «латинско-польскую» ученость, в корне отличную от «немецкой» светской науки — не зря же об этом различии долго твердили историки. Отнюдь. Гражданские знания, дающие вполне реальные блага, стоят у Федора на первом месте. «Сокращенно же скажем: мудростью в вещах гражданских и духовных познаем

доброе и злое... ни о чем же так тщание наше составляем, как о изобретении премудрости, с нею же все благое от Бога людям даруется». Основание Академии, как в России называли тогда университеты, — «всему нашему царству полезное... дело».

То, что за образец взят университет, выражено ясно: царь пожелал «на взыскание свободных учений мудрости... храмы чином Академии утвердить. И в них хотим семена мудрости, то есть науки гражданские и духовные, начиная с грамматики, поэтики, риторики, диалектики, философии разумительной, естественной и нравной (т.е. логики, метафизики и этики), даже до богословия... постановить. При том же учению правосудия духовного и мирского, и прочим всем свободным наукам, ими же целость Академии... составляется — быть!»

Классическим для европейского университета был и набор языков обучения — латынь, греческий и родной, в данном случае славянский. Прямо из университетских уставов были заимствованы положения: о совете Академии из преподавателей духовного и мирского звания во главе с блюстителем; о судебной и полицейской автономии Академии (даже по обвинению в убийстве студента нельзя было арестовать без разрешения блюстителя); об автономных источниках ее финансирования.

Русские условия — прежде всего устройство университета «сверху», царским решением и для общегосударственной пользы — наложили, конечно, свой отпечаток, но в сугубо положительном плане. Государь приписывал к Академии дворцовые волости, передавал ей бесценную царскую библиотеку, освобождал студентов от разнообразных преследований

и, главное, гарантировал выпускникам высокий гражданский статус.

Избравшие светскую карьеру «по совершении свободных учений будут милостиво пожалованы в приличные их разуму чины» — гласила «Привилегия». «А не учащихся свободным учениям всяких чинов людей, детей их, разве благородных, в наши государские чины... ни за какие дела, кроме учения, и явственных на войнах и иных государственных нашей государственной чести ко умножению и государства к расширению свершений — не допускать!»

По замыслу Медведева, Академия была всесословной, неимущим студентам платили стипендию и даже замораживали долги, которые могли у них быть по наследству. Россия и в лучшие времена не имела (и не имеет) подобного заведения. Видимо, именно этим обстоятельством объясняется желание многих историков воспринимать «Привилегию» как мечту монаха-просветителя, не утвержденную царем. К счастью, нам удалось обнаружить доказательства, что документ был подписан, что это именно «постановление», «царская утвердительная грамота», выражающая волю суверена. Власть в кои-то веки проявила мудрость, и этой властью был царь Федор Алексеевич!

Но ведь Академия так и не возникла, царь умер, а то, что называли значительно позже «Славяно-греко-латинской Академией» нельзя рассматривать даже как пародию на его замысел! Не была создана и ученая история России, так что Федор Алексеевич, по-видимому, ничего не добился. Однако представляется важным, что современники долго помнили о проекте Академии и ее противникам — «мудроборцам» не удалось обмануть их своими «эллино-

стицистскими школами», специально открытыми в 1680-х гг. на месте, где она должна была стоять. Думаю, что и потомкам проект помогает понять недостатки последующих наших университетов.

Дорогостояло и царское одобрение исторической учености. Уже в начале 1680-х гг. появилась «Генеалогия» ученого архимандрита Игнатия Римского-Корсакова со всеми признаками научной монографии. Во второй половине 1680-х гг. решением проблемы достоверности исторических сведений занимались даже летописцы главного «мудроборца» патриарха Иоакима. Тогда же Сильвестр Медведев теоретически и практически развил изложенные в «Предисловии» к ненаписанной истории России представления в «Созерцании кратком» и «Известии истинном». А в 1692 г. Андрей Иванович Лызлов, начинавший свою литературную деятельность при царе Федоре, завершил первую обобщающую историческую монографию в России — «Скифскую историю», ставшую важным этапом формирования отечественной исторической науки⁸³.

Сложнее вопрос, какую роль играл в этих проектах сам Федор — не являлся ли он пассивным подписантом того, что подсовывали ему приближенные? Пусть изложенное А. П. Лихачевым и Сильвестром Медведевым соответствовало его взглядам, но сам-то он мог не прилагать никаких усилий для их воплощения в жизнь! Почему, например, «Привилегия» была утверждена им чуть не перед смертью? Конечно, Федор Алексеевич не предполагал, что умирает в разгар реформ, собираясь во второй раз жениться. Но главное не в этом. Реализация замыслов такого рода требовала наличия исполнителей и условий — а их ранее не было.

Симеон Полоцкий ко времени воцарения Федора отошел от педагогической деятельности и не столь активно занялся даже издательским делом, к которому прежде призывал. Медведев вернулся в Москву из негласной ссылки в мае 1677 г., и вскоре Федор Алексеевич лично переговорил с ним, посетив Заиконоспасский монастырь на Никольской улице⁸⁴. Именно царь «не единократно приказал» Сильвестру жить в Москве и велел дать ему богатейшую, кроме Симеоновой, келью.

Воздействием царя можно объяснить стремительную карьеру Медведева на Печатном дворе. А в ноябре 1677 г. Федор Алексеевич санкционировал создание в Кремле Верхней типографии (издания которой были впоследствии прокляты патриархом). Это было, по оценке исследователей, «невероятным событием, неслыханным новшеством» — мощное бесцензурное издательство для новой, в том числе беллетристической литературы. И оно могло осуществиться только потому, что царь нашел Медведева — человека, способного взять на себя практически всю редакционную сторону этой части программы просветительской деятельности.

Типография с новейшим оборудованием и участием в оформлении книг главы царских живописцев Симона Ушакова выдала первую продукцию в 1679 г. Тогда же далеко за границами России услышали о твердом намерении государя «Академию устроить». Одни, как А. Х. Белобоцкий, устремились в Москву, чтобы передать студентам знания, полученные в университетах Франции, Италии и Испании. Из самого Иерусалима патриарх Досифей слал царю и патриарху Иоакиму грамоты с требованием вовсе запретить в России книги на латыни — этом универсаль-

ном языке науки — а укрывателей их казнить смертью. Отечественные «мудроборцы» кричали, что если в Москве станут изучать латинский язык, то она станет добычей иезуитов, призывали «угасить малую искру латинского учения», иначе «пламень западного зломысленного мудрования... попалит... православия восточного истину».

Не в силах воспрепятствовать открытию Медведевым на средства царя Федора Славяно-латинского училища, «мудроборцы» во главе с патриархом Иоакимом и при помощи Досифея отошли на вторую линию обороны, доказывая, что учиться можно, но только духовным вещам и... по-гречески. В том же 1681 г. они открыли Типографскую славяно-греческую школу, продолжая усиленно проклинать латынь и вовсе не упоминая о существовании светской науки. Понятно, почему в «Привилегии» появилось положение, что только совет Академии может объявлять какие-либо учения и книги опасными для веры и «свидетельствовать» благочестие преподавателей.

Объявляя, что Академия как раз и защитит чистоту православия, Федор Алексеевич выбивал оружие из рук «мудроборцев». Царь и в этом, как и в других случаях, шел на острый конфликт с патриархом, но на сей раз не собирался отступать. Принципы Академии были объявлены, кадры для нее готовились, но смерть унесла самодержца. При царевне Софье Верхняя типография была разгромлена, Славяно-латинское училище закрыто: сочувствовавшая Медведеву правительница не смогла противостоять патриарху. После свержения царевны, по требованию Иоакима, Медведеву отрубили голову.

Разумное милосердие

Не менее последовательно Федор Алексеевич реализовал и другие свойства и цели, которые предписывались правителю наукой. Например, разумное милосердие. Он не ограничился обычной амнистией по случаю траура после кончины отца. Именными указами от 5 и 22 февраля 1676 г. юный царь велел не наказывать никого «на теле» за драки, пьянство и неуплату судебных пошлин на время длительного траура, но брать с виновных двойной штраф (здесь и далее кроме оговоренных случаев ссылки в тексте на Полное собрание законов Российской империи. Серия 1. СПб., 1830. Т. II. № 623, 629).

Указ от 10 сентября 1679 г. показал, что царь настойчив в желании смягчить зверство казней. От ныне преступников, приговоренных к отсечению рук и ног, следовало не казнить, а ссылать в Сибирь с женами и детьми (№ 772). 17 ноября 1680 г. Федор Алексеевич указал и бояре приговорили не отрубать даже и двух пальцев за первое и второе преступление, а также не ссылать в Сибирь с родителями детей старше трех лет (№ 846).

О детях, которых не содержат должным образом родители (особенно нищие), и вообще о беспризорниках, Федор Алексеевич готовил в 1682 г. любопытный указ. Их следовало собирать в особых дворах и учить наукам и ремеслам, особенно таким, которые насущно необходимы государству: математике, «фортификации или инженерной науке», архитектуре, живописи, геометрии, артиллерии, делу шелковому, суконному, золотому и серебряному, часовому, токарному, костяному, кузнечному, оружейному.

В результате «от таких гуляк, которые ныне зря хлеб едят, выучившись, великому государю великая прибыль была бы. И вместо иноземцев, которых с великой трудностью достают и которые на малое время выезжают, да и то многие в тех науках не совершенны, можно бы и своих завести... А без тех... наук... невозможно никакими мерами добрую, благополучную и прибыточную войну вести, даже и великим многолюдством».

Благодаря обучению многие тысячи бесполезных и опасных для благочиния людей стали бы сами зарабатывать свой хлеб, причем «те бы статьи, которые ныне привозят из иных государств, учили бы делать в Московском государстве, и от того бы родилось, что за московские товары стали бы платить, вместо товаров, золотом и серебром. И так бы богатства множились».

Проект строительства воспитательных домов по всему государству был весьма обширен, как и проект строительства богаделен, благодаря которым «не только в Москве, но и в городах всего Московского государства никакого нищего по улицам бродящего не будет». Проект подразумевал, что существуют «бедные, увечные и старые люди, которые никакой работы работать не могут, а особенно служилого чина, которые тяжкими ранами на государевых службах изувечены, а приюта себе не имеют — и *должно* по смерти их кормить».

Дело это, считал царь, не только богоугодное, но и полезное для государства. Ведь помимо больных и увечных по улицам просит милостыню немало здоровых — приворовывают, наводят разбойников, да и детей своих иному не учат. Когда больные будут взяты на излечение в богадельни к докторам

Аптекарского приказа — улицы очистятся от заразы, неспособные работать старики будут в богадельнях накормлены и ухожены — соответственно, поддельным нищим придется покинуть улицы, они «принуждены будут хлеб свой заживать работой или каким ремеслом к общенародной пользе».

Проект можно было бы отнести к мечтаниям, если бы он не был приложен как общая мотивация ко вполне реальному указу Федора Алексеевича о строительстве богаделен в Знаменском монастыре в Китай-городе и на бывшем Гранатном дворе за Никитскими воротами. К каждой приписывались церковные и монастырские вотчины, причем указ прямо рассматривался как начало широкой работы по устройству учреждений общественного призрения во всем государстве, сбору для этого средств, распределению нищих по монастырям. Уже первый шаг был рассчитан на устройство до тысячи больных и стариков⁸⁵.

Не забывал Федор Алексеевич о милости к «тюремным сидельцам», стараясь избавить их от непомерных страданий. На 15-й день своего царствования он повелел ныне и впредь дела всех содержащихся в Разбойном приказе колодников решать незамедлительно «и колодников освобождать без всякого задержания»; те же дела, которые решить быстро в приказе нельзя, представлять на рассмотрение ему лично (№ 626). 13 ноября 1676 г. царь указал и бояре приговорили освобождать безусловно бедняг крестьян и холопов, которые под пыткой отвели от себя обвинения хозяев, но «взять тех людей и крестьян с распиской некому, а порук по ним нет, и затем сидят в тюрьме многое время». Чтобы избежать

этого впредь, велено было кормить таких обвиняемых в тюрьмах за счет хозяев, а не казны (№ 669).

Именные, то есть личные указы государя были кратки и энергичны. Например, узнав о практике разных приказов задерживать до надобности людей в тюрьме без обвинения, 6 мая 1677 г. «великий государь указал: колодников, которые присланы будут на Тюремный двор из разных приказов для бережения, не принимать» (№ 691). 29 января 1680 г. царь указал, «чтоб в городах в приказных избах и в тюрьмах колодников никого ни в каких делах многих дней не держали»: дела следовало решить и отчет о них прислать государю «без всяких проволочек». «А которые колодники в тех городах впредь будут — и их в приказных избах и в тюрьмах не держать» под угрозой пени в 100 рублей с каждого судьи-волочитчика⁸⁶.

31 марта 1680 г. государь именным указом объявил, что по городам посланы специальные «разборщики» для решения дел заключенных в тюрьмах «по указным новым статьям» (№ 815). Мотивы своего решения Федор Алексеевич ясно выразил в указе от 13 ноября 1680 г. о традиционных тюремных поборах: «Впредь тюремным сидельцам властного с новопроводных людей, которые посажены будут на Тюремный двор и за решетку, брать не велено, чтоб в том бедным людям тягот и мучительства не было» (№ 845).

В государстве, где «тяготы и мучительство» заключенных и кошмар бесконечного предварительного заключения до сих пор являются делом обычным, такие указы относительно уголовников звучат сказкой. Следует учесть также указы 1676—1679 гг. по гражданским делам, штрафами лишавшие сос-

тязающиеся стороны возможности вести ложные споры и волокитить друг друга, а также защищающие военнослужащих на действительной службе (№ 636, 653, 687, 740, 760, 680). А русский царь имел в виду всего лишь «схоластический» постулат, что надежда подданных на скорый и правый суд есть необходимое условие социального мира.

Больная «голова» государства

Сподвижник царя Федора историк Медведев благоразумно заметил, что «когда Господь Бог хочет какую страну... наказать — тогда прежде всего отнимает мудрых правителей и сострадателей людям благих». «Когда царские советники между собой о селах и о достоинствах или о корыстях бранятся — тогда... государство от смуты не вольно есть, а за смутой погибель государству последует», — писал Медведев о высшем управляющем звене⁸⁷, с недостатками которого Федору Алексеевичу пришлось столкнуться сразу по своем неожиданном восшествии на престол.

Царевич знал, конечно, что должен наследовать трон — он был торжественно «объявлен» Церкви, Двору и народу еще 1 сентября 1674 г., о чем по стране была разослана окружная грамота, сообщавшая о богатых пожалованиях всему дворянству в честь «той нашей царского величества и всемирной радости»⁸⁸. Но Алексей Михайлович правил столь долго и имел столь крепкий организм, что его недомогания не вызывали беспокойства даже у ближайших сотрудников.

В январе 1676 г. царь давал аудиенцию послам Генеральных штатов, на следующий день с царицами

ювельможами слушал знаменитого музыканта-вундеркинда, а назавтра занемог от простуды. Уже страдая от лихорадки, государь требовал ледяного кваса, не лечился; переговоры предполагалось отложить недели на две; через неделю положение больного сделалось безнадежным. 29 января Алексей Михайлович исповедался, причастился и в 4-м часу ночи на 30-е испустил дух.

Едва ударил большой колокол, извещающий о кончине государя, как толпа думных людей ввалилась в хоромы Федора Алексеевича и под руки повлекла его вниз, в Грановитую палату: у царевича так опухли ноги, что уже днем он не мог ходить. Тело отца еще не успело остынуть, как Федор Алексеевич был усажен на принесенный из казны парадный трон и обряжен в царское облачение. Всю ночь и все утро присягали новому царю придворные, духовенство, офицеры и приказные, дворцовые служители и случившиеся в столице выборные городовые дворяне. На похоронах Алексея Михайловича 30 января Федора несли на носилках.

Приведение к присяге продолжалось на площадях Кремля, в стрелецких и солдатских слободах, в московских приходских церквях, крестоцеловальные грамоты рассылались по всей стране (по крайней мере до 10 февраля). Первый именной указ Федор Алексеевич издал 31 января: он требовал, чтобы придворные, не приехавшие во дворец по болезни, осматривались и приводились к присяге разрядными дьяками «у приходских церквей, где кто живет»⁸⁹. Этот указ, нервная поспешность присяги новому царю и недостойная скоропалительность прощания с почившим государем выдавали страх перед меж-

доусобицей и смутой, которые мог породить пустующий престол.

Объявлялось, что Алексей Михайлович перед смертью завещал царство старшему сыну, но ходили слухи, что первый министр завершившегося царствования боярин А. С. Матвеев пытался посадить на трон Петра Алексеевича. В этом была логика — мать младшего царевича и родственники по ее линии Нарышкины были ставленниками Матвеева, который мог бы сделаться при Петре всемогущим регентом. Говорили, что канцлер Матвеев убеждал умирающего царя и бояр, что Федор Алексеевич очень болен, даже «мало надежд на его жизнь», Иван Алексеевич тоже неспособен править, тогда как Петр на диво здоров. И в этих разговорах был смысл, поскольку состояние Федора вызывало острое беспокойство: по слухам, его тетки и сестры неотлучно находились у постели нового царя⁹⁰.

Легко представить себе, что сторонники Федора Алексеевича питали самое черное недоверие к *Алтекарскому приказу*, который с 1672 г. возглавлялся А. С. Матвеевым. 1 февраля тот был удален от должности, а 8 числа руководство царской медициной принял безупречный кандидат — боярин Н. И. Одоевский. Неделью он входил в дела — 14 же февраля устроил консилиум шести ведущих медиков страны. Обследование нового царя и анализы показали, «что его государская болезнь не от внешнего случая и ни от какой порчи (так! — *Авт.*), но от его царского величества природы... та де цинга была отца его государева... в персоне». Обострения бывают сезонные, вылечить Федора можно «только исподволь, а не скорым временем», с помощью внутренних и внешних укрепляющих средств, «сухой ванны», ма-

зей на «ножки». Боярская дума с удовлетворением услыхала, что «вся его государская утроба здорова», только организм ослаблен⁹¹.

Бояре облегченно вздохнули: можно было думать о новом распределении власти в Думе, где главными лицами, по мнению голландских послов, были Б. М. Хитрово («который у нынешнего царя получил наибольшее влияние из всех министров»), Ю. А. Долгоруков, Н. И. Одоевский и А. С. Матвеев, который даже при иностранцах не мог сдерживать слез, но уже 31 января гарантировал, что для него «при дворе и теперь все останется по-прежнему», «что все те же господа останутся у власти, кроме разве того, что *ввиду малолетства его царского величества четверо знатнейших будут управлять наряду с ним*»⁹². Очевидно, под четвертым имелся в виду боярин И. М. Милославский, с которым Хитрово и Долгоруков, по словам В. Н. Татищева, предусмотрительно решили разделить власть, не дожидаясь на себя гнева родственника Федора по матери⁹³.

Подразумевалось, что вся система власти останется как при Алексее Михайловиче. Тогда малочисленная Боярская дума (около 70 человек, из которых около 23—25 бояр, считая вместе с пребывавшими на воеводствах и в посольствах) выдвигала лишь несколько активных членов, пользовавшихся особым доверием царя, который руководил с помощью первого министра-фаворита (типа А. Л. Ордина-Нащокина и А. С. Матвеева) и контролировал администрацию через личную канцелярию — *Приказ тайных дел*. Традиция, правда, требовала свержения старого фаворита Матвеева и унижения Нарышкиных, но Федор Алексеевич оказался неожиданно глух к наветам обиженных Матвеевым.

Согласно «Истории о невинном заточении»⁹³ Матвеева», царя уговаривали самые близкие люди, против временщика выдвигали страшные обвинения — но Федор Алексеевич согласился удалить Матвеева от Двора лишь через полгода, в июле. Понадобились новые ужасные клеветы, чтобы спустя год, в июне 1677-го, царь согласился заменить недоверие на ссылку, причем самым сильным для него обвинением стало, видимо, незаконное обогащение боярина.

Упорно не желал молодой царь допускать расправу с ненавистными родне его матери Нарышкиными. Отец второй жены Алексея Михайловича боярин Кирилл Полуэктович Нарышкин уступил руководство важнейшими финансовыми приказами — Большой казны и Большого прихода — лишь 17 октября 1676 г. В 1677 г. братья царицы Иван и Афанасий Нарышкины были приговорены Думой к смерти по обвинению в подготовке убийства государя; Федор Алексеевич лично заменил казнь не-далекой ссылкой.

В связи с этим страшным делом появился указ от 26 октября 1677 г. о постройке для царицы Натальи Кирилловны и царевича Петра новых хором в дальнем углу дворцового комплекса. Но мать и сын воспротивились, обратились к царю — и остались в своих хоромах, примыкающих прямо к палатам Федора Алексеевича, с гульбищами и окнами на одном уровне! Говорили, что Федор Алексеевич запретил приближенным впредь упоминать при нем о малейшем ущемлении прав младшего брата и мачехи; государь сам переехал в новые хоромы⁹⁴.

Характерно, что даже такие яркие апологеты Петра (и ненавистники Милославских), как А. А. Мат-

веев, В. Н. Татищев и П. Н. Крекшин, писали о самом добром и заботливом, прямо-таки отцовском отношении Федора Алексеевича к его маленькому крестнику. Хоть царь и поддавался влияниям, в важных вопросах, в отношении к родственникам и прежде всего в функционировании госаппарата он вел свою линию.

Укрепление Боярской думы

Так же как надежда А. С. Матвеева остаться у власти, не сбылось его предсказание о боярском регентстве при Федоре. Уже на третий день царствования юный государь дал понять, что имеет свое представление об обязанностях царя и предназначении Боярской думы. Больной, едва способный передвигаться, оглушенный смертью отца и суетой ближних людей, Федор Алексеевич немедленно сел за дела сам и с обычным для его последующих распоряжений лаконизмом указал: «*Боярам, окольничим и думным людям съезжаться в Верх в первом часу (т.е. с рассветом. — Авт.) и сидеть за делами*» (№ 621).

Отношение к Боярской думе как к постоянно действующему высшему государственному учреждению заметно сказалось на увеличении числа думцев. Согласно общей таблице, составленной американским историком Р. О. Крамми, в первый год царствования Михаила Романова (1613) в Думе было 29 человек, а в последний (1645) — 28 (хотя в отдельные годы их число поднималось до 37). С первого полного года царствования Алексея Михайловича (1646) до 1659 г. число думцев непрерывно росло от 39 до 71 человека, но затем стабилизировалось

(с колебаниями в разные годы от 65 до 74) — и в последний год царствования составляло 70 человек.

Краткое царствование Федора Алексеевича положило начало резкому скачку численности Думы: начав с 66 человек (1676), он довел их число до 99 (1681), царевна Софья и В. В. Голицын (1682—1689) расширили список до 145 человек, а Нарышкины к 1690 г. — до 153-х. При этом число думных дьяков, долго остававшееся стабильным (около 3) и резко возросшее в конце царствования Алексея до 8 (с 1666 по 1675), вновь стабилизировалось (от 8 до 10 при Федоре, хотя бывало и 11, с 11 до 6 при Софье и 9 при Нарышкиных). Число думных дворян, выросшее при Алексее с 1 до 22, Федор Алексеевич сократил до 19 (в 1678 г. их было всего 14). Число окольничих при нем хоть и возросло с 13 до 26, но оставалось в пределах их численности при отце (скачок до 54 произошел в последующие годы).

Небывалое увеличение численности Думы в царствование Федора Алексеевича произошло за счет лиц первого ранга, главных и равноправных (по идее) заседателей высшего коллегиального государственного учреждения. В 1676 г. Дума насчитывала 23 боярина, а в 1681 г. — 44 (к 1690 г. их стало 52). Между тем при Михаиле бояр никогда не было более 28 (число падало до 14), при Алексее — более 32 (а бывало и 22)⁹⁵.

Увеличение числа бояр при Федоре, в отличие от правлений царевны Софьи и Нарышкиных, не давало значительного перевеса каким-либо семейным группировкам. Распределение высших чинов между родами не было следствием одоления противников в политической борьбе, когда в Думу вры-

валось, бывало, чуть не с десятков представителей фамилий фаворитов (пример — Нарышкины с клевретами после пропетровского переворота весной 1682 г.). В царствование Федора Алексеевича сидячие места в Думе (принадлежавшие только занимавшему трон царю и располагавшимся на лавках боярам) в основном соответствовали знатности родов, их военным заслугам, роли в дворцовом управлении и лишь в последнюю очередь — личной близости к государю.

Среди бояр Федора число членов знатнейшего рода Одоевских порой доходило до 4-х — столько же стало к концу царствования прославившихся боевыми заслугами Ромодановских. До 3-х мест занимали между боярами привилегированные Голицыны и Шереметевы, выслужившиеся Долгоруковы и Прозоровские. По двое были представлены фамилии Куракиных, Хованских, Черкасских, Хитрово, Стрешневых и Милославских. Хотя такие властолюбцы, как Милославские, могли несколько расширить свои позиции за счет чина окольничего (Матвей Богданович с июня 1676 г.), получать который знатнейшие 16 родов не могли (а еще 4 рода не хотели), и создания разного альянсов решительного преобладания в Думе царя Федора не имели ни они, ни какой-либо другой из аристократических кланов. Сама борьба между группировками, изрядно разбавленными притоком новых выслуженных бояр, в 1676 — 1681 гг. явно поутихла⁹⁶.

Расширение Боярской думы при Федоре соответствовало общим интересам верхушки Государева двора — как аристократии, так и служилых выдвиженцев. Последние в 1676—1681 гг. ощутимо набирают силу, ярче проявляют себя как сословная

группа в законодательных и исполнительных делах. Боярская дума в полном составе (за исключением отъехавших на службу воевод и дипломатов) усиленно разрабатывала, например, поместно-вотчинное законодательство в интересах родового дворянства.

Федором Алексеевичем и Думой неоднократно утверждались даже не отдельные законы, а целые серии (из десятков статей) дополнений к Соборному уложению 1649 г. (№ 633, 634, 644, 700, 814, 860). Эти, и еще более 70 отдельных узаконений⁹⁷, последовательно укрепляли и расширяли земле- и душевладение служилых феодалов, заботливо оберегали родовую собственность, все более сближали поместья с вотчинами и увеличивали вторые за счет первых. С одной стороны, дворянство ограждалось от притока лиц из податных сословий⁹⁸, с другой — постепенно, но настойчиво положение поместных крестьян сближалось с вотчинными и дворовыми. Правительство указами 1681—1682 гг. постановило записывать крепостных крестьян за владельцами в *приказе Холопьевого суда*, подобно холопам⁹⁹. Нет сомнений, что государь одобрял эту начатую не при нем и не на нем кончившуюся юридическую деятельность (и расширял сферу ее применения передачей дворянству значительных фондов дворцовых земель).

Надо, однако, отметить, что личное участие в отлаженном процессе не очень занимало царя. Если дополнительные статьи к Уложению по вопросам судопроизводства были утверждены Федором Алексеевичем на основе справки из Судного приказа, но без Думы (19 декабря 1681), именным указом¹⁰⁰, то поместно-вотчинные узаконения в некоторых слу-

чаях вводились в действие без царя, одним боярским приговором (№ 682, 686, 687).

Формула «*государь указал и бояре приговорили*» менялась в таких случаях на «*по указу великого государя бояре приговорили*», т.е. фиксировала трансляцию полномочий сюзерена на высшее государственное учреждение. Еще дальше этот процесс зашел в области административной практики, к которой государь, как мы помним, прилежал с первых дней царствования. 4 августа 1676 г. Федор Алексеевич указал: «Из приказов судьям дела, которых им в приказе вершить невозможно, вносить к боярам для вершения поденно». Этим государь устанавливал обязанности и для себя, ибо, по заведенному обычаю, получал предварительное уведомление о всех текущих делах (традиционная помета на которых гласила: «государю ведомо и боярам чтено»).

В пятницу Думе докладывались дела из Разряда, Посольского и подчиненных ему приказов, в понедельник — из Большой казны, Иноземного, Рейтарского, Большого прихода и Ямского, во вторник — из Казанского дворца. Поместного, Сибирского и Челобитного, в среду — из Большого дворца, Судного дворцового, Оружейного, Костромской чети и Пушкарского, в четверг — из Владимирского и Московского судебных, Земского, в новую пятницу — из Стрелецкого, Разбойного, Хлебного и Устюжской четверти. Поскольку число центральных ведомств не укладывалось в пятидневную рабочую неделю царя и Боярской думы, график вынужденно был сделан скользящим (№ 656).

Расправная палата

Отъезды государя из Москвы не должны были нарушать ритм работы связки центральных ведомств и Думы. Для таких случаев (решения текущих дел как бы вместо государя — «в цареве место») издавна в Москве оставлялась группа доверенных лиц. Сложность состояла в том, что назначение в Москву «для дел» было почетным и Федор Алексеевич не мог отказать в нем как представителям аристократии, ссылавшимся на «старину», так и своим приближенным. Сохранившиеся записи об этих назначениях в дворцовых разрядах с сентября по декабрь 1676 г. и с марта 1678 г. по октябрь 1680 г. показывают, что из 18 назначавшихся «в цареве место» бояр 11 оставались координировать работу приказов от 1 до 3 раз, 5 бояр — по 6—7 раз. Последние (за исключением знатнейшего старого князя И. А. Воротынского) были пожалованы в бояре самим Федором Алексеевичем и (включая старика) состояли в ближней свите государя (это видно по их участию в выездах): Ф. Г. Ромодановский, С. А. Хованский, И. Б. Троекуров, В. С. Волынский.

Не составляли стабильную часть комиссий также окольные и думные дворяне: всего 17 лиц. Из окольных трое назначались по разу, трое — по два, четверо — по три и всего двое (И. С. Хитрово и А. И. Чириков) — по четыре раза. Из думных дворян по одному разу попали в московскую административную комиссию двое, В. Я. Дашков — четыре раза, И. А. Желябужский (с которым мы встречались в Конюшенном приказе) и опытный Г. С. Караулов — по шесть раз.

Конечно, стабильность управления в значительной степени обеспечивали приказные профессионалы, ведавшие делопроизводством: *печатник* Дементий Минич Башмаков (36 раз) и *думный разрядный дьяк* В. Г. Семенов (32 раза), — лишь трижды им в помощь назначались другие дьяки. Отказавшись от отцовской практики передачи государственных печатей «первому министру», как бы представлявшему царя в правительстве (к этому вернулась потом Софья), Федор Алексеевич вместе с тем склонен был подчеркнуть значение самих печатей: великой, малой и средней. 22 октября 1676 г. он распорядился даже сделать особую «свою государеву печать» для Земского приказа, судьям которого запретил скреплять документы личными печатями (№ 665). В 1680 г. государь настолько осерчал на дворян за несвоевременную выплату печатных пошлин, что чуть было не конфисковал у виновных дворы и вотчины для «продажи охочим людям», однако «на милость положил» и продлил срок выплат в Печатный приказ, чтобы «платили... не дожидаясь на себя... опалы» (№ 801).

Наличие постоянного представителя Разряда и *канцлера* (как называли печатника иноземцы) придавало московской комиссии черты государственного учреждения, которые Федор Алексеевич постарался усилить относительной стабильностью председательства. Старые (с 1660-х гг.) опытные бояре знатнейших княжеских родов не загружались назначениями в приказы и оставались «в цареве место» почти постоянно: Яков Никитич Одоевский 16 раз, Алексей Андреевич Голицын 12 раз.

Постепенно Я. Н. Одоевский превращался как бы в постоянного председателя московской комиссии, а А. А. Голицын в его заместителя. Характерна, например, такая запись в Дворцовых разрядах (9 августа 1680 г.): государь «указал на Москве на своем государеве дворе быть боярину князю Алексею Андреевичу Голицыну потому, что боярин князь Яков Никитич Одоевской по его государеву указу отпущен в деревню»¹⁰¹. Логичным завершением этого процесса стало превращение комиссии Боярской думы по решению спорных приказных дел в постоянную Расправную палату (по месту заседаний она называлась также *Золотой*).

18 октября 1680 г. Федор Алексеевич издал именной указ: «Боярам, и окольным, и думным людям сидеть в Палате, и слушать изо всех приказов спорных дел, и челобитные принимать, и его великого государя указ по тем делам и по челобитным чинить по его великого государя указу и по Уложению» (№ 838). Следующий указ о Расправной палате живо напоминает распоряжения Петра I Сенату. 12 августа 1681 г. государь повелел: «Боярам, и окольным, и думным людям, которые сидят у расправных дел в Золотой палате с боярином со князем Никитою Ивановичем Одоевским в товарищах, как учнут дела чьи, или свойственников их слушать — и тем в то время из палаты выходить, а в палате в то время им не быть» (№ 885).

Расправная палата сняла с царя и Боярской думы огромное количество текущих частных дел и неудивительно, что с ее созданием процесс реформ заметно активизировался. Но забота Федора Алексеевича с самого начала распространялась не только на первый эшелон, а на всю структуру государствен-

ного управления, которая за шесть лет приобрела значительно более четкий и эффективный характер — в соответствии с идеальными представлениями царя о «голове» государственного организма.

Центральные ведомства

Прежде всего Федор упразднил приказ *Тайных дел*, подчеркнув тем самым, что отказывается использовать учреждение, стоящее вне единой административной системы¹⁰². Аналогично (но в конце 1677 г.) был упразднен *Монастырский* приказ, столь ненавистный некогда Никону. Его дела ушли вместе с последним судьей И. С. Хитрово в Большой дворец, денежные счета — в *Новую четверть*; церковное управление осталось, как и следовало ожидать, в патриарших приказах. В конце царствования «серьезная перестройка с целью упрощения и дальнейшей централизации» (по словам современного историка Н. Ф. Демидовой) затронула множество приказов.

Финансовые дела объединялись в приказе *Большой казны*, поместно-вотчинные последовательно концентрировались в *Поместном* приказе, служебные — в *Разрядном*, «с изъятием из их ведения территориальных приказов». Общее количество центральных ведомств сократилось в царствование Федора Алексеевича с 43 до 38, зато штаты их значительно пополнились подьячими. Н. Ф. Демидова подсчитала, что при Алексее Михайловиче (1664) на 43 приказа их приходилось 771, при Федоре (1677) на то же число учреждений — 1477, а к концу его царствования в 38 приказах было уже 1702 подьячих!

Более детальный подсчет по Поместному приказу подтверждает, что «резкое увеличение количества подьячих... приходится на вторую половину 70-х — начало 80-х годов». Крупнейшие ведомства насчитывают более 400 сотрудников, средние — 70 — 90 подьячих, мелкие — 30 — 50. При этом количество судей (из бояр и окольничих) падает с 43 до 31, а дьяков остается почти столько же (приказных — 128 — 129, думных в приказах — 6 — 4)¹⁰³.

Именные указы Федора Алексеевича от 26 ноября 1679 г. и 26 октября 1680 г. устанавливали *единое время работы* сотрудников центральных ведомств, от бояр-судей до подьячих: пять часов с утра и пять часов с вечера (час начала работы менялся при переходе с летнего на зимнее время) с традиционным перерывом на обед и послеобеденный отдых (№ 777, 839). Царский указ от 23 февраля 1677 г. повышал статус управлявшегося дьяками Разряда: отныне из этого приказа всем учреждениям (кроме возглавляемых боярами и окольничими) посылались не *памяти* (как равным) — а *указы* (№ 677).

Тенденции к иерархичности соответствовал указ Федора Алексеевича от 30 апреля 1680 г. о *единоначалии в приказах*: имена товарищей (помощников и заместителей) главного судьи в бумагах приказа более писать было не велено (№ 820)¹⁰⁴. Наконец, 21 декабря того же года «думных дьяков, которые... были и впредь будут в посылках с боярами и воеводами или одни — велеть их... писать с вичем» — т.е. с полным отчеством, как высшие чины Государева двора, например: не «Иванов сын», а «Иванович» (№ 851).

Склонность Федора Алексеевича перед принятием решений иметь полную информацию (благодаря ко-

торой в его царствование было создано множество великолепных для исследователей сводных материалов) проявилась в указе от 9 ноября 1680 г. о составлении отчетов по составу кадров, дел и состоянию финансов всех центральных ведомств (№ 842). Проведя лично и с помощью Думы огромную работу по дополнению Уложения, царь 16 декабря 1681 г. потребовал от приказов генеральной справки о всех материалах после 1649 г., которые еще могут быть пригодны для совершенствования законодательства (№ 900).

Реформа местного управления

Кому-то может показаться, что Федор просто плыл по течению, принимая логичные решения, соответствующие интересам большинства в своем окружении. На самом деле он, пусть не всегда удачно, пытался переломить ход событий, диктовавшийся столкновением личных и групповых интересов. Так, во второй половине XVII в., и до и после Федора Алексеевича, перемены в верхах сопровождались чувствительным изменением состава властей имущих, метко окрещенных «временщиками». Юный царь попытался после смерти отца избежать междоусобицы в верхах, особенно опасной, когда страна вела тяжелую войну с Турцией и Крымом. 17 марта 1676 г. Федор Алексеевич запретил подавать на пересуд дела, решенные до 29 января, до смерти отца (№ 636), а 30 июня указал и утвердил в Думе общий закон о штрафах за подачу на пересуд неправых поместно-вотчинных дел (№ 653). Впоследствии Дума самостоятельно издала развернутое толкование этого

закона (№ 687) и установила ответственность за неисполнение приговора суда (№ 760).

В том же 1676 г. государь указал, что претенденты на новые назначения в воеводстве и приказы должны регистрироваться за полгода и получать должностные инструкции за месяц до назначения (№ 661). Федор Алексеевич специально интересовался, на какие должности существует особый спрос. Очевидно, выявившиеся из сопоставлений мотивы были весьма неутешительны — и 22 августа 1677 г. царь вообще запретил перемены в высшей центральной и местной администрации, даже уже объявленные (№ 704). Война в это время вступила в решающую стадию.

Желающие (и имеющие родовое право) «покориться» на воеводстве плохо вписывались в концепцию укрепления власти на местах. 17 мая 1676 г. царь вынужден был именным указом запретить воеводам и местным приказным людям «ведать» денежные сборы с таможен и «кружечных дворов» (казенных виноторговых предприятий). Местные администраторы не имели права вмешиваться в работу голов и целовальников, которые «денежную казну собирают по мирским выборам за верою» (т.е. под присягой; № 642). Однако до радикальной финансовой реформы ввести воеводское единовластие на местах значило бы дать волю злоупотреблениям.

Историки, вообще крайне невнимательно относящиеся к опубликованным прямо в Полном собрании законов указам Федора Алексеевича, не интересовал даже тот факт, что указы *об отмене старых форм прямого обложения и о единовластии городских воевод* были подписаны Федором Алексеевичем в один день, 27 ноября 1679 г. (№ 780, 779). Между тем по масштабу перемен, по мотивации и

даже по форме эти указы являются одними из ярчайших юридических актов XVII столетия.

Первый объявляет податным сословиям, что царь велел весь приведенный в указе длинный список денежных сборов, «которые они платили наперед сего по сошному письму в разных приказах и сверх того по воеводским прихотям (так!) — для многих их податей и тягостей *отставить и впредь* до валовых писцов с них тех денег *не собирать*». Здесь я предлагаю остановиться и подумать, на что, кроме налогов, испокон веков сетует русский человек? Правильно, на великое изобилие и разнообразие местных властей!

Их сметает с лица земли второй указ Федора Алексеевича, заслуживающий более подробного цитирования, которое, несмотря на некоторую архаичность лексики, звучит как музыка и для современного россиянина: «В городах быть одним воеводам, — а городельцам, и сыщикам, и губным старостам, и ямским приказчикам, и осадным, и пушкарским, и засечным, и у житниц головам, и для денежного и хлебного сбора с Москвы присыльным сборщикам — не быть!»

Все их функции ведено *«ведать воеводам одним, чтоб впредь градским и уездным людям в кормах лишних тягостей не было»*. «В кормах» — какое точное выражение: всю банду чиновников народу надо кормить! Федор Алексеевич вполне, видимо, ощущал патетичность момента и давал населению возможность выплеснуть эмоции: «И губные избы во всех городах сломать!» Можно было бы употребить эти здания по-другому, но подданным было предоставлено полное удовлетворение.

Далее указ предлагал использовать губных подьячих в воеводских канцеляриях (*приказных из-*

бах), а все остальное бывшее начальство «написать в службу... Кто в какую пригодится». Прокормление местного аппарата возлагалось на судные пошлины и «всякие денежные неокладные доходы» от услуг населению. Содержание самого воеводы в этом указе вообще не предусматривалось: плакала старинная система «кормлений», причем горячими слезами...

В грамоте на Чердынь рассказывается, как Федор Алексеевич пришел к указу от 5 августа (в ПСЗ он датирован 17 мая) 1676 г. «для прибыли нашей великого государя казны... таможенные и кабацкие сборы ведать верным головам и целовальникам, а воеводам и приказным людям таможенных и кружечных дворов голов и целовальников в сборах ни в чем не ведать». Оказывается, вскоре по восшествии на престол царь обнаружил большие недоимки косвенных налогов и, прежде чем в лучших традициях возопить: «Запорю! Разорю!» — велел допросить виновных.

«И головы и целовальники, — гласит грамота, — в расспросах сказали: учинились де у них те недоборы от воеводских налогов и приметов». Царь рассудил, что прежде, чем учинять жестокое наказание лично ответственным выборным смотрителям таможен и кабаков и «доправлять» недоимки на выбравших их людях, следует исключить вмешательство в их деятельность безответственных лиц¹⁰⁵. Оберегать сборщиков косвенных налогов от произвола воевод побуждали интересы казны — но в более широком понимании они же заставляли царя заботиться о благосостоянии всего податного населения.

В указе 1677 г. (также изложенном в грамоте на Чердынь) государь пресекал разные способы запускания воеводами рук в казну: запретил выборных голов и целовальников переменять, велел их «в тюрьму

без вины, для своей корысти, не сажать», поручений им не давать и перемещениям не мешать, иногородних в их угодья «для своей корысти не пропускать». Однако помимо вымогательства у материально ответственных лиц воеводы имели возможности воздействовать на весь посадский и уездный «мир».

Запрещая воеводам и подьячим взимать с населения «месячные кормы» и все виды поборов на свое содержание, не ведя администрации «в денежные их сборы и в мирские дела вступаться и воли у них в их мирском окладе и в иных делах отнимать», Федор Алексеевич ссылался на просьбы налогоплательщиков-тяглецов и старинные указы царей (1627, 1668). Не исключено, что это было распоряжение юного государя для ограниченной местности — своего рода репетиция перед состоявшейся два года спустя полной отменой кормлений.

Льготное налогообложение

Еще более тщательно готовилась связанная с реформой администрации перемена системы прямого обложения (к счастью, неплохо исследованная)¹⁰⁶. Указ Федора Алексеевича о посылке по всем городам валовых писцов состоялся еще в марте 1677 г., но основной объем работы по полной переписи дворов в Российском государстве был выполнен в 1678 — к осени 1679 г. Правительство Федора Алексеевича исходило из правильной оценки новой социально-экономической ситуации, когда существенная часть производительного населения не владела ни землей, ни угодьями, подлежавшими старинному обложению по сошному письму, но почти все россияне имели дворы.

Введение подворного обложения, несмотря на сопротивление ему (особенно духовных владельцев, и так плативших на содержание регулярной армии больше, чем светские феодалы¹⁰⁷), распространило государственное тягло на безземельных *бобылей* (часто не без успеха занимавшихся торгами и промыслами), на все категории *задворных* и *деловых людей* (полных, кабальных и добровольных), на *монастырских детенышей*, сельских ремесленников и т.п.

Суть реформы сводилась к тому, чтобы вместо многочисленных прямых налогов собирать один — стрелецкие деньги, разверстывая платежи по дворам — «*по животам* (имуществу) и *по промыслам*» их владельцев (а не по площади и качеству пахотной земли, как встарь). Государство шло навстречу пожеланиям посадских и волостных «миров» и устанавливало только общую сумму — ту часть планируемого государственного дохода, которую следовало собрать с местности — а уж тяглое население само делило ее по дворам, в зависимости от состоятельности владельца. Для тяглецов было безразлично, что при введении нового оклада царь, во-первых, *простил* все старые *недоимки*, во-вторых — *снизил оклад* в целом.

Читателю, который сейчас пытается припомнить, когда это российское правительство снижало налоги, будет небезынтересно узнать, что царь Федор Алексеевич вполне сознавал революционность своего начинания, прямо вытекавшего из его представления о долге перед народом. Указ о новом налогодобложении был торжественно утвержден по особой формуле: «Советовав мы, великий государь... с великим господином святейшим Иоакимом патриархом... указали и бояре наши приговорили».

Высшая светская власть в союзе с духовной постановила «в платеже всяких денежных доходов *перед* прежним *полюготить* и прежние оклады... что было положено по сошному письму и платили в разных приказах до валовых писцов отставить. А вместо тех денежных доходов... впредь иметь... с прежних и с прибылых дворов по нынешним переписным книгам, указною статьею, с *убавкою*, и вводить их (тяглецов.— Авт.) теми сборами в одном Стрелецком приказе, чтобы им в том *лишней волокиты и убытков не было*».

«И они бы,— гласили царские грамоты, разосланные по всем уголкам страны,—...посадские и уездные люди, видя нашу государскую милость к себе, те деньги... платили без доимки все сполна, в год на два срока, декабря да марта в первых числах. И оклад велеть положить на дворы, смотря по тяглу и промыслу... чтобы богатые и полные люди *пред бедными в льготе, а бедные перед богатыми в тягости не были*». Каждому уездному городу была предложена не просто новая сумма налога, но подробная справка, позволяющая в полной мере оценить нововведение. Вятчанам, например, сообщалось, что по указу Алексея Михайловича их оклады по сошному письму были с 1673 г. увеличены, причем тяглецы «по тому окладу тех денег ни в котором году сполна не выплачивали и запустили доимку многую, и били челом... что у них многие тягла запустели, и взять тех денег не на ком, и остальные посадские и уездные люди от непомерного платежа бегут в Сибирские разные города».

Царская грамота уточняла, что оклад был, не считая мелких пошлин и повинностей, на год 18 272 руб. 11 алтын и полденьги, к нынешнему

году было взято 76 183 руб. 16 алт. и 6,5 деньги, недоимки накопились 25 139 руб. 25 алт. и 3 деньги. Ныне население Вятки увеличилось (сравнительно, видимо, с 1646 г.) на 2079 дворов и составляет 13 134 двора, платить же придется 17 074 руб. 6 алт. 4 деньги (что составляет в среднем 1 руб. 10 алт. с двора), что меньше старого оклада на 1198 руб. 4 алт. с полуденьгою в год¹⁰⁸. В отличие от позднейших демагогов, Федор Алексеевич подкреплял свои возвышенные декларации цифрами.

Государь не устал рассылать по стране все новые и новые грамоты с разъяснением налоговой реформы, не забывая указать, чтобы местные власти «сию нашу государеву грамоту велели у съезжей избы в торговые дни честь всем вслух не единожды, чтобы наше великого государя жалованье и милостивое призрение от таких тягостей (какие были. — Авт.) им, посадским и уездным людям, было ведомо!»¹⁰⁹

Поскольку с ряда местностей и категорий населения вместо стрелецких денег брали хлебом, Федор Алексеевич в конце того же, 1679 г. распорядился брать этот налог не иначе как в «торговую таможенную орленую меру» (№ 770). Он позаботился об изготовлении должного числа этих казенных мер из старых медных денег, оставшихся в казне после их отмены (№ 817), чтобы склонные к злоупотреблениям не прикрывались жалобами на недостаток мер под печатями¹¹⁰.

Милостивая забота царя, однако, обязывала подданных отвечать таким же истовым служением «все-народной пользе» и исправно платить налоги. За поддержку выплат и самую малую недоимку Федор Алексеевич обещал виновным «великую опалу и жестокое наказание безо всякой пощады». Это звучало тем более серьезно, что Стрелецкий приказ, куда должен был

стекаться новый единый налог, возглавил боярин князь Юрий Алексеевич Долгоруков — тот самый, на которого уповал протопоп Аввакум, умоляя дать ему войско для истребления никониан: «А что, государь-царь, как бы ты мне дал волю, я бы их, что Илия пророк, всех перепластал во един час! ...Да воевода бы мне крепкий, умной — князь Юрий Алексеевич Долгорукой! Перво бы Никона, собаку, и рассекли начетверо, а потом бы никониан. Князь Юрий Алексеевич, не согрешим, небось, но и венцы победные примем!»¹¹¹ Аввакум имел веские основания писать Федору Алексеевичу, который сыграл в его и Никона жизни важную роль. Нам важнее вспомнить, почему из всех российских полководцев протопоп избрал Долгорукова: прекрасно проявивший себя на войне воевода успел «прославиться» кровавой и беспощадной расправой над восстанием Степана Разина...

Нет сомнений, что с недоимщиками было бы поступлено, как обещано, но 5 сентября 1681 г. Федор Алексеевич обратился с запросом, что же делать для своевременного и полного сбора налога, к самым компетентным в денежных делах людям — *гостям*. Надо заметить, что, продолжая меркантилистскую политику Алексея Михайловича, молодой царь не только заботился о развитии, защите и упорядочении русской торговли и промышленности¹¹², включая поиск полезных ископаемых¹¹³, но и не брезговал лично общаться с купцами — как русскими, так и иностранными. Последним он, между прочим, ежегодно позволял «видеть его великого государя пресветлые очи и быть у его руки» в конце Святой недели. А с русскими купцами (также являвшимися *к руке*) по государеву указу еще 23 февраля 1676 г. бояре во главе с М. Ю. Долгоруковым (сыном Юрия Алек-

сеевича) обстоятельно и результативно обсуждали развитие армянской и персидской торговли¹¹⁴.

Указ от 5 сентября 1681 г., требовавший учесть жалобы налогоплательщиков и понизить налог (установленный в 1679 г.), был крупной победой Федора Алексеевича и его единомышленников в трудной и драматичной борьбе¹¹⁵. Правительству удавалось сбалансировать годовой бюджет, но наличных не хватало постоянно и все попытки обеспечить их резерв развеивались пороховым дымом на полях Украины, где русские регулярные полки сражались с лучшими армиями Блистательной Порты. Деньги, эта *кровь войны* Нового времени, буквально утекали в песок Приднепровья. А сниженные налоги собирались с недоимками!

Кровь войны

Федор Алексеевич, как многие российские самодержцы, подвергался сильному давлению партии войны до победного конца — до разгрома «агарян» и освобождения всех поработенных христианских братьев, до восстановления креста над Святой Софией и утверждения двуглавого орла над Босфором. Эти идеи, ставшие чуть не общим местом публицистики¹¹⁶, требовали безжалостно выжать экономику России во имя ее миссии, тогда как другие основополагающие с точки зрения Федора идеи гласили, что сила и слава государства требуют прежде всего мира и благосостояния подданных.

Деньги нужны были позарез, поэтому царю приходилось идти на любые меры, отстаивая лишь уже проведенные реформы. 3 февраля 1680 г. он именным

указом потребовал от придворных (стольников, стряпчих, дворян московских и жильцов) под угрозой конфискации имущества срочно вернуть казне деньги, соболей и «мягкую рухлядь», взятые займы еще до 1676 г., выплатить поруки за неисправных подрядчиков и «винных уговорщиков», за которых дворяне много лет ручались. Конечно, царь не мог пойти на широкую конфискацию «животов» и имений, но угроза была серьезна¹¹⁷.

/ Легко себе представить, как это охладило пыл экстремистов, полагавших, что расплачиваться за их воинственность будут другие. Между тем в Печатном приказе (у Д. М. Башмакова) была уже составлена сводная ведомость о долгах московского и городского дворянства, накопившихся по всем центральным ведомствам, и 3 марта 1680 г. царь отдал именной указ о взыскании этих недоимок «разборщиками» на местах, по всем городам (№ 798). Заодно 7 марта Федор Алексеевич велел провести генеральную ревизию всех прихода-расходных дел центральных ведомств, где в «столах» подьячих и впрямь задерживалось немало казны (деньги даже отдавались в рост частным лицам; № 802). В конце года, 17 декабря, государь указал всем приказам срочно выплатить недоимки с 1676 г.: недостающее, подсчитав, «очистить» в текущем году и о выполнении доложить ему и Боярской думе, чтобы сбором «всего сполна, без недобора», «к нему, великому государю, показать службу свою и раденье» (№ 849).

Личная нота прозвучала в этом именном указе не случайно. Тяжелая рука Ю. А. Долгорукова так и не опустилась на тяглецов, вселенский праведник недоимок не наступил, но документы просто вопиют о положении казны к концу войны. Например, 22 февраля 1681 г.

«великий государь указал и бояре приговорили: его, великого государя, денежные всякие доходы на прошлые с 1676 по нынешний 1681 год из доимки во всех приказах собирать с великим поспешением, а собирая — отсылать в Разряд на дачу... жалованья ратным людям, которым следует быть на его государеве службе в нынешнем... году» (№ 861).

Дело спасли экстренные налоги и откупа, на которые Федор Алексеевич вынужден был пойти уже с весны 1678 г. 22 апреля на жалованье ратным людям со всех животов и промыслов податного *черного* населения было указано взять 10-ю деньгу: $\frac{1}{10}$ имущества¹¹⁸. В следующем году сбор 10-й деньги начался уже в январе (хотя тянулся и в апреле)¹¹⁹. Указ 21 февраля 1679 г. о сборе по полтине (50 коп.) со всех крестьянских крепостных дворов был оформлен как торжественный запрос царя по «совету» с патриархом и «разговору» с боярами, «на избавление св. Божьих церквей и для сохранения православных христиан... против наступления турецкого султана» (№ 750).

Учитывая, как затягивался сбор 10-й деньги, *полтинный налог* царь велел выплатить «за крестьян своих» их владельцам — и сам платил за свои дворцовые села. С задержавших выплату Федор Алексеевич грозил «взять вдвое», а тех, кто, имея средства, «возьмут с крестьян своих», обещал послать в действующую армию «самих», без замены. Грамота от 25 марта, правда, разъясняет, что полтина бралась со дворов, которые не были обложены 10-й деньгой¹²⁰.

Это разъяснение вошло и в торжественные грамоты весны 1680 г., в которых царь, «советовав» с патриархом и «поговоря» с боярами, велел взять на жалованье действующей армии по полтине с

дворцовых, церковно-монастырских и частновладельческих крестьян (за исключением принадлежащих дворянам в полках), а с купцов, промышленников и горожан — 10-ю деньгу. Полтины, как и прежде, велено было «заплатить тем вышеписанных чинов людям... из своих прожитков» и лишь «по конечной самой нужде» собрать с крестьян, но не позже марта¹²¹.

С осени 1678 г. Федор Алексеевич обдумывал и другую необходимую меру — массовый сбор *даточных людей* для пополнения армии. Дело об этом¹²² велось со всей обстоятельностью: 9 октября царь запросил в приказах и получил подробные справки о погодном сборе рекрутов в прежние годы и общей численности крестьянских и бобыльских дворов по городам и уездам. Только за 1678 г. было проведено четыре сбора рекрутов, причем записанных при сборах 1678—1681 гг. нельзя было заменять.

Из даточных указом от 19 ноября 1678 г. формировались новые пехотные полки. Людей брали много — по одному с 25 дворов служилых людей, а с церковных земель и городского населения на их содержание ежегодно взимали по рублю с двора. Мало того, экстренно собирали подводы с проводниками (по одной с 60 дворов в новгородских землях) и деньги на лошадей под артиллерию и обоз (по полуполтине с церковно-монастырских крестьян и бобыльских дворов); деньги, как и прежде, старались взять с церковных и монастырских властей сразу, в Москве¹²³.

Та же необходимость получить деньги пусть в меньшем количестве, но быстро, вынудила Федора Алексеевича ввести *откупа на косвенные налоги* — главную составляющую государственного бюджета. В

1679/80 финансовом году, например, из прихода в 1 220 367 руб.¹²⁴ 53% дали таможенные и кабацкие сборы, 44% — прямое обложение и 2,7% — мелкие пошлины (разумеется, 62,2% расходов ушло на армию). При этом и без откупов продажа водки столь повреждала нравы, что в 1678/79 г. патриарх Иоаким предложил выборных голов и целовальников по кабакам «к вере не приводить, чтобы клятвы и душевредства не было»: лучше ужесточить контроль и наказания казнокрадов.

«А бояре говорили: и за верой (под присягой) у голов и у целовальников было воровство многое, а без подкрепления верой опасно воровства и больше прежнего!» Присягу все же отменили — души надо было спасать — и в кабаках, как предполагалось, «объявилось многое воровство». Но денежное дело изощряет ум: недостачу выборные воры объяснили конкуренцией воров-откупщиков, понастроивших кабаков вокруг городов (в города их не пускали) — Москву они просто обложили питейными заведениями¹²⁵. Немедленно после заключения мира с Турцией и Крымом царь и бояре, выслушав доклад, отменили кабацкие откупа и установили единую (высокую) цену на вино.

13 января 1681 г. был подписан Бахчисарайский договор, а 25 января появился указ о закрытии питейных откупов под Москвой (№ 859). 11, 18 и 20 июля государь и Дума приняли развернутые указы об отмене всех откупов, как кабацких, так и таможенных, по всей территории государства, мотивируя свое решение большими потерями казны и незаконным обогащением откупщиков. В ноябре сбор косвенных налогов велено было вести в приказе Большой казны¹²⁶. Под контролем опытных чинов-

ников, надеялся Федор Алексеевич, его именные указы 1677 и 1680 гг. об упрощении и унификации таможенных сборов с русских и иностранных купцов будут все же выполняться (№ 713, 831, 833).

Для общего блага

Наступление мира в 1681 г. особенно запомнилось современникам потому, что Федор Алексеевич незамедлительно продолжил реформу налогообложения, отказавшись, разумеется, от экстренных поборов. Страна должна была почувствовать радость мирного благосостояния, и тяглецы ее восчувствовали. 3 мая в Успенском соборе перед патриархом, духовенством, двором, представителями воинства и купечества было прочтено торжественное обращение государя, подводящее итог долгой войне и характеризующее 20-летний мирный договор с Турцией и Крымом.

Особая благодарность Федора Алексеевича была обращена (даже до похвалы московским стрельцам) к гостям и купчинам Гостиной и Суконной сотен, которые платили «по его государскому указу в его государскую казну на жалованье ратным людям десятиные, и задаточные, и иные денежные многие (поборы), не жалея пожитков своих, желая при помощи Божией на неприятеля победы». Царь не просто пожаловал купцов своим милостивым словом и обещал, что их усердие будет у него «незабвенно». Он простил купечеству все долги, уже подсчитанные и сведенные воедино в документах специально созданного Доимочного приказа¹²⁷.

Вскоре Федор Алексеевич, «слушав о доимочных деньгах докладные выписки всех городов, милосер-

дую о них без их челобитья, пожаловал посадских и уездных людей»: *прощены были все недоимки 1676—1679 гг.* Текущий оклад и недоимки 1680 г. в указе было «велено взять сполна». Но одновременно предлагалось прислать от каждого уездного города по двое выборных представителей тяглецов в Москву для ответа на вопрос: *«Нынешней платеж стрелецких денег платить им в мочь, или не в мочь, и для чего не в мочь? И что (они) иных податей в нашу казну платят и изделья делают? — Чтоб они о том о всем объявили совершенную правду!»*

Съехавшиеся к Москве выборные, разумеется, приводили разные доводы и объяснения, почему они «оскудели и разорились вконец». Учитывая действительно тяжелые экстренные поборы, государь 19 декабря вообще простил недоимку и впредь велел прямой налог *«брать по новому окладу московских гостей перед прежним с убавкой»*, о чем подробно сообщалось в каждый уездный город¹²⁸. Работа комиссии московских купцов, созданной указом от 5 сентября 1681 г. (о котором уже упоминалось: прим. 115), воистину потрясла воображение россиян.

Опираясь на указания Федора Алексеевича об облегчении и более справедливом распределении налога, комиссия учла, что по окладу 1679 г. от прямого обложения должно было быть получено 152 657 руб. 30 алт. и 4,5 деньги, тогда как по справке Стрелецкого приказа на мирное содержание регулярных полков требовалось всего 107 227 руб. в год. Это дало основание для сокращения суммы прямого обложения, которая была распределена по территории государства в зависимости от степени экономического развития каждого района — всего по 10-ти разрядам. 78 городов с уездами были отнесены к низшим

категориям и должны были платить в среднем от 80 коп. до 1 руб. с двора, остальные 43 города — от 1 руб. 10 коп. до 2-х руб. с двора; высшей ставкой облагались, разумеется, крупнейшие торгово-промышленные центры. Эта раскладка оказалась столь удачной, что продержалась до первой четверти XVIII в.¹²⁹

Налоги были распределены, но оставались еще и повинности, в том числе служба в выборных должностях, часто весьма обременительная. Федор Алексеевич, совершенствуя сбор косвенных налогов (см., например, «Наказ большой Московской таможне» 1681 г.; № 873), добился огромного роста казенной прибыли¹³⁰, используя выборных голов и ценовальников (№ 872, 874, 876, 879, 880, 882, 904), но отдавал себе отчет, что эта многочисленная армия служащих «за верой» отрывается от своих дел и, если не ворует, особенно страдает от тягла.

11 декабря 1681 г. государь повелел призвать четырех гостей и по два человека от «всех городов, кроме Сибирских, и из дворцовых сел и волостей, из которых бывают у его государевых таможенных и у кабацких соборов, по два человека самых лучших, и добрых, и знающих к такому делу», с заверенными миром полными росписями тяглецов и их служб. Аналогичные данные следовало принести на собор парам подьячих из всех территориальных приказов. Возглавить Собор «двойников» было поручено боярину князю Василию Васильевичу Голицыну, окольничему И. И. Чаадаеву и думному дьяку А. Кириллову.

Собор «двойников» должен был выработать предложения, *«чтобы всем по его государскому милостивому рассмотрению служить и всякия подати платить в равенстве и не в тягость»* (№ 899). К сожалению, «двойники» собрались в Москве, когда

государь был уже смертельно болен. Указом Петра Алексеевича от 6 мая 1682 г. они были распущены по домам без упоминания результатов совещаний¹³¹. Даже Голицын, которого некоторые историки считают инициатором реформ времен Федора, сделавшись после его смерти первым министром и канцлером, не продолжил ни это, ни какое-либо другое реформаторское начинание, касающееся тягловцев.

Больше успеха имела другая комиссия, созданная царским указом с боярским приговором от 7 декабря 1681 г. *«для ратных и земских дел»*. Помимо военных чинов и приглашавшихся в Москву представителей дворянства, в нее привлекались посадские люди, уже занимавшиеся по линии Стрелецкого приказа налоговыми окладами («окладчики»), и те выборные из городов, которых еще предполагалось призвать на собор «двойников»¹³². Выборные тягловцы нужны были, разумеется, для рассмотрения «земских» дел, в частности, в полный рост стоявшей проблемы генерального размежевания земельных владений.

Идея валового межевания и описания земель как гарантии против земельных захватов буквально витала в воздухе; дворянство осаждало Федора Алексеевича коллективными челобитными, требующими наконец решить этот вопрос¹³³. Царский указ о посылке во все города валовых писцов вышел в марте 1677 г., а уже 7 октября государь вынужден был послать вслед за ними чиновников для наказания дворян, казаков и крестьян, которые, «скопясь многолюдством, бунтом со всяким оружием к межевщикам на землю приходили, и их с земли сбили, и мерить не дали» (№ 734). Новое решение о посылке межевиков было принято царем и Думой 12 декабря 1679 г. (№ 785), еще одно — 26 марта 1680 г. (№ 813).

Однако самые строгие указы верховной власти не выполнялись, натолкнувшись на неразрешимые противоречия интересов местных землевладельцев. 16 мая 1680 г. Федор Алексеевич должен был обещать московскому дворянству и приказным «нарочно» ускорить посылку межевиков в Московский уезд. Царь отметил, что даже среди высшего слоя землевладельцев «учинились споры многие, и за то у вас чинятся между собой бои и грабеж, а у иных и смертные убийства; и вам бы те все споры и ссоры... оставить, покамест те ваши спорные земли и всякие угоды межевики разведут» (№ 822). Специально для межевания земель в Московском уезде были разработаны «дополнительные статьи к наказу писцам» (№ 830, 832).

17 и 18 сентября 1680 г. государь именными указами ввел штрафы вместо битья кнутом за порчу межей (а то пришлось бы и бояр высечь) и запретил отвод писцов по подозрению «в недружбе» местным владельцам (№ 834, 835). Выезд писцов на межевание был едва ли не опаснее, чем ратников на войну: кого не прибьют на меже — того оклеветают. Посему Федор Алексеевич мудро распорядился с писцов клятв не брать и ни за какие вины по Уложению не наказывать: только в случае, если будет доказано неправомерное межевание, отбирать половину поместий и вотчин — и столько же отнимать у хозяина, обвинившего писца неверно. Половина поместья в том и другом случае оставлялись жене и детям виновного (№ 886).

Через четыре дня, 16 августа 1681 г., бояре приговорили уполномочить писцов расследовать «бой, и грабеж, и смертное убийство» из-за земельных споров (№ 888), 17 августа — утвердили их материальное обеспечение (№ 889), а 26-го — снабдили

обширной инструкцией о межевании поместно-вотчинных земель (№ 890). Однако 26 октября Думе пришлось вновь рассматривать проблему ответственности за беззакония при межевании (№ 893), а Федор Алексеевич буквально до смерти не мог избавиться от споров по этим вопросам (№ 910, 911).

Утомившись уговаривать помещиков не учинять из-за земли и угодьев «ссор, и боев, и грабежей, и убийства» (указ об ожидании вскоре межевщиков от 4 мая 1681 г.; № 866), государь решил передать спорные вопросы на обсуждение земских представителей, причем проявил изрядное хитроумие. Из собравшихся «для ратных и земских дел» дворян были сформированы две команды под предводительством стольников — князей издавна соперничавших фамилий. В феврале и марте команды Ивана Голицына и Андрея Хованского основательнейшим образом проработали статьи составленных еще в 1681 г., но не удовлетворявших спорщиков *правил межевания*.

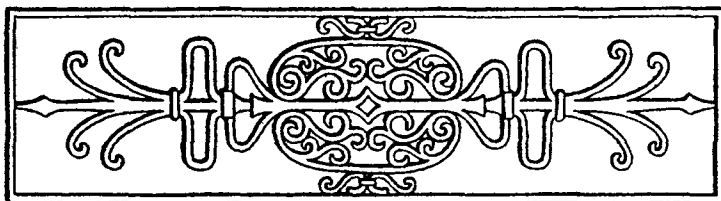
Соборный эксперимент царя Федора вновь оказался на диво удачным. Аргументированные каждой стороной поправки были сведены в один текст с ремарками типа: «Иван Голицын с товарищи говорили — быть той статье по прежнему наказу. А... Андрей Хованский с товарищи говорили — пополнить». Заслушав доклад, бояре смогли всего за два заседания, 7 и 15 марта, утвердить новый писцовый наказ, лишь в некоторых случаях внеся поправки в исходный текст.

Это было тем легче сделать, что в главных вопросах выборные были едины. Например, каждая из команд привела свои аргументы, почему при трехпольной системе следует измерять все три поля, а не одно (с традиционной ремаркой «а в дву по тому

ж»); бояре постановили: «мерить все три поля». Старый наказ предлагал записывать вотчины, поступившие во владение монастырей после Уложения 1649 г., «особой статьей». Дворяне потребовали, чтобы все такие вотчины, не укрепленные за духовными владельцами царским именным указом, «отписывать на государя для того, что по Уложению в монастыри вотчин давать и продавать не велено», — бояре согласились с выборными¹³⁴.

Историкам, которые склонны приписывать деяния Федора Алексеевича Боярской думе, царевне Софье или отдельным придворным группировкам, не мешало бы обратить внимание, что даже такой центральный вопрос глубоко интересовавшего высшее дворянство поместно-вотчинного землевладения, как генеральное межевание, вопрос, почти решенный к моменту кончины государя, был после его смерти отложен на десятилетия.

Начато было при Федоре и решение чисто военных вопросов, порученных комиссии В. В. Голицына (о ней мы еще расскажем). Здесь также инициатором, и не просто в титулатуре, выступает Федор Алексеевич. Царь требовал продумать, какие новшества следует внести в организацию российской армии и ее боевое искусство, чтобы ответить на вызов времени. Опыт был накоплен большой: ведь почти все годы царствования Федора Алексеевича шла война.

Глава третья ТАЙНЫ ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ

Первая большая война с Турцией (если не считать похода турок и татар на Астрахань в 1569 г.) оказалась тяжелым, но весьма полезным испытанием сил Российского государства (1672—1681). Она началась под знаком прекрасной идеи оборонительного союза славянских государств против османско-крымской агрессии в Европе. Блестяще сформулированная в речи царевича Алексея Алексеевича в конце 1667 г., эта идея была своевременно реализована в русско-польском союзном договоре весной 1672 г. (№ 513), накануне вторжения неприятеля в Речь Посполитую.

Мощь мусульманского нашествия, казалось Алексею Михайловичу и его фавориту А. С. Матвееву, должна была заставить христианскую Европу хоть на время забыть распри. В октябре 1672 г., после

взятия турками Каменца-Подольского, Россия объявила войну общему врагу Креста Христова. Русские дипломаты отправились в Священную Римскую империю германской нации, Англию, Францию, Испанию, Швецию, Голландию, Курляндию, Бранденбург, Саксонию, Венецию, Рим и традиционно неприязель Турции Иран с предложениями о совместном выступлении против агрессора¹³⁵.

Не дожидаясь помощи (и в итоге не получив ее), Россия и Левобережная Украина зимой — весной 1673 г. начали военные действия против опаснейшего неприятеля, имея в лице Речи Посполитой крайне ненадежного союзника. Вскоре кровавые бои шли на огромном фронте от Днестра до Азова. Турецкий султан лично командовал наступлением на Правобережье, крымский хан пытался прорвать укрепленную границу России. В свою очередь русские полки пробили выход в Азовское море, в которое впервые вышел под командой Г. И. Косагова построенный на воронежских верфях (задолго до Петра!) современный военно-морской флот, и совершали вместе с казаками налеты на Крым.

Неизвестная война

Великая, страшная и опустошительная война России и Украины против Турции и Крыма, как водится, не попала в поле зрения историков, до сих пор твердящих о «войне 1677—1678 гг.», реже о «войне 1676—1681 гг.», как будто ее начал Федор Алексеевич, и упорно не замечающих попыток воронежского историка В. П. Загоровского рассказать правду о «русско-турецкой войне 1673—1681 гг.»¹³⁶. Особого

рода издевательством (наверное, непреднамеренным) выглядят слова новейшего исследователя о «польско-турецкой войне», и даже об «участии России и Крымского ханства в польско-турецкой войне 1672—1676 гг.»¹³⁷. Дело тут не в уподоблении суверенного Российского государства Крыму, вассалу турецкого султана, а в непонимании ситуации, в которой оказалась Россия в результате крушения политического курса А. С. Матвеева.

Тонкий придворный интриган и энергичный государственный деятель недооценил остроту внутри-европейского конфликта, вылившегося в войну западных стран между собой. А в лице Польши Матвеев приобрел слабого, ненадежного и даже опасного союзника. Мало того, что поляки год за годом отказывались координировать военные усилия с Россией и сами не столько сражались, сколько были сражаемы. Матвееву стоило чрезвычайных усилий удерживать Речь Посполитую от прямого предательства.

В самом начале войны Речь Посполитая заключила с Турцией сепаратный Бучачский договор, «уступив» мусульманам и их вассалу гетману П. Дорошенко большую часть Правобережной Украины, включая находившийся под протекторатом России Киев — т.е. не только нарушив союзный договор, но прямо подставляя Россию под удар. Матвеев не признал изменнический договор, а Алексей Михайлович в ответ на наглые угрозы польских послов вынужден был заметить: «Великие послы съезжаются для умножения братской дружбы между их государями, а не для угроз: неприлично стращать мечом того, кто и сам, с помощью Божией, меч в руках держит!»

Ратификацию Бучачского договора удалось сорвать, на польский престол был избран воинственный великий гетман Ян Собеский, и осенью 1673 г. Речь Посполитая вновь вступила в войну. Но битва за Правобережье развернулась прежде всего между русско-украинскими войсками Г. Г. Ромодановского и гетмана И. Самойловича — и турецко-крымскими армиями с их союзником гетманом П. Дорошенко. К осени 1675 г. оба гетмана с ужасом глядели на превращенную в пустыню Правобережную Украину: один клял свое решение искать «обороны турецкой и крымской», а другой заметил, что Дорошенко уже «не над кем гетманить, потому что от Днестра до Днепра нигде духа человеческого нет...»¹³⁸.

К воцарению Федора Алексеевича Россия пришла с повышенными налогами и постоянными экстренными поборами, с ограниченными мобилизационными ресурсами и распыленными на огромном фронте регулярными войсками. Правда, осенью 1675 г. удалось заключить договор с Империей о взаимопомощи: довольно странный, учитывая, что Вена в союзе с Испанией, Голландией и Пруссией сражалась против Франции, Англии и Швеции (1672—1679) и обещала выступить против Турции, ежели Россия нападет на Швецию! Но и на этот договор Вена пошла, напуганная слухами о намерении Польши прекратить войну с турками и татарами и напасть на Австрию, тогда как русская дипломатия знала о сепаратных переговорах Яна Собеского с Турцией и Крымом, направленных против России.

Располагая Чигирином — военно-политическим центром Правобережья и отличной крепостью, — турки, согласно данным разведки, планировали нанести сокрушительный удар по Киеву, единствен-

ному не разоренному городу на той стороне Днепра. Уже летом 1676 г. стало ясно, что политический курс Матвеева (вопреки традиции «смены караула» оставленного Федором Алексеевичем во главе Посольского приказа) терпит полное крушение. В октябре, как и предполагалось, Ян Собеский окончательно вышел из войны, заключив с Османской Портой позорный Журавинский мир. Король не только предал союзника, «уступив» туркам Украину, но обещал Турции и Крыму военную помощь против России!

Однако и враги, и предатели опоздали. Федор Алексеевич верно определил центральное звено событий и продемонстрировал — в укор будущим усердным хвалителям Петра, — что править из дворца можно эффективнее, чем бросаться лично исполнять какое-то одно дело. Суть была в верной оценке способностей помощников и исполнителей. 4 мая 1676 г. князь Василий Васильевич Голицын, которого Алексей Михайлович 18 лет продержал в стольниках, был первым в новом царствовании пожалован боярством и с чрезвычайными секретными полномочиями выехал на Украину¹³⁹.

Под воздействием выдающегося дипломатического ума В. В. Голицына правобережная украинская старшина, пребывавшая перед тем в «разброде и шатании», дружно отвернулась от Дорошенко. Между тем конный корпус полковника Г. И. Косагова с отборными казаками совершил бросок к Чигирину. От 15 тысяч русских и 4-х с лишним полков левобережных казаков чигиринцы легко могли отсидеться. Но, склонившись на убеждения Голицына и памятуя репутацию Косагова как непобедимого военачальника (и известного соратника запорожского

кошевого Ивана Серко), почли за благо сдаться. После кратких переговоров Дорошенко сам сложил клейноты и сдал крепость с 250-ю пушками.

27 сентября Федор Алексеевич милостиво принял опытного воителя Ивана Ивановича Ржевского (для склонных улыбнуться замечу, что на протяжении трехсот с лишним лет не было года, когда бы русская армия обходилась без офицера из рода Ржевских). Думный дворянин доложил о победе от имени командующего Г. Г. Ромодановского и гетмана И. Самойловича, а 17 октября, явно в пику поспешившим скрыться с поля боя полякам, перед царем и Боярской думой были брошены клейноты Правобережной Украины вместе с турецким бунчуком и магометанскими знаменами, взятыми в Чигирине¹⁴⁰.

Теперь двуглавый орел закрывал своими крыльями почти всю Украину и было точно известно, где произойдут решающие бои. Турки не могли двинуться на Киев, не взяв Чигирин. Царь и Боярская дума, однако, внимательно изучили роспись киевских укреплений и поручили инженерам под командой воеводы (сначала А. А. Голицына, затем И. Б. Троекурова) «тотчас» начать подготовку к обороне¹⁴¹. Чигиринский замок с осени 1676 г. укрепляли 1200 *выборных* (гвардейских) солдат полковника Матвея Осиповича Кровкова — одного из создателей русской регулярной пехоты¹⁴². Нижний деревянный город готовили к обороне присягнувшие на верность чигиринцы и казачьи полки гетмана Самойловича.

Предстоящая кампания изначально представлялась Москве как столкновение технического и военного искусства двух держав. Превратить Чигирин в современную крепость должен был инженер-пол-

ковник Николай фон Зален, в 1677 г. туда же был направлен инженер-полковник Яков фон Фростен¹⁴³. Еще в 1676 г. Федор Алексеевич позаботился о переводе к весне 1677 г. на Украину одного из лучших солдатских полков — выборного полка генерал-майора Аггея Алексеевича Шепелева¹⁴⁴. Общее командование обороной Чигирина было поручено генерал-майору Трауэрнихту. Даже гетман Самойлович, вызвавшийся было побить турок со своими казаками (чтобы русские только охраняли Левобережье), выступая на соединение с армией Ромодановского, почел за благо выпросить у государя Севский драгунский полк полковника Гамильтона.

Стратегические вопросы войны на Украине должен был решать князь В. В. Голицын. Ему, а не командующему основной армией князю Ромодановскому, в 1676 и 1677 гг. было поручено даже определять время отвода войск на зимние квартиры¹⁴⁵. Это нарушение обычной субординации, когда воевода значительно меньшего полка писался первым, а командующий основными силами — всего лишь в «товарищах», сошло Федору Алексеевичу с рук, поскольку Ромодановский и Голицын имели один придворный чин (хотя история местнических споров знала примеры отказа подчиняться и менее экстравагантным решениям царя). С недостатком старой чиновной системы государь впервые остро столкнулся при отправлении из Москвы Трауэрнихта: Ямской приказ отказался давать ему подводы, не имея прецедента для его чина, и Федору Алексеевичу пришлось пожаловать генерал-майора в стольники; царь запомнил этот случай.

Государь и Боярская дума осуществляли верховное руководство военными действиями, получая точ-

ные отчеты воевод и специальных чиновников (для чего по Калужской дороге была устроена скорая почта) и сравнивая их с данными разведки, находившейся в ведении Посольского и Разрядного приказов. Однако помимо собственно подготовки и ведения боевых действий Федор Алексеевич и его помощники (особенно В. В. Голицын) размышляли над военно-политической ситуацией в целом, и их выводы приходили в драматическое противоречие с результатами военных действий. Именно здесь кроется разгадка тайны Чигиринских походов 1677 и 1678 гг., не раскрытой авторами подробнейших военно-исторических исследований¹⁴⁶.

План обеих кампаний был традиционен. Русские и украинские войска оставались на базах, во избежание неожиданных изменений направления турецко-крымского удара, пока не подтверждалось наступление неприятеля на Чигирин. Крепость оборонялась, получая достаточно подкреплений, до подхода основной армии, которая и наносила супостатам сокрушительный удар, благо ей не приходилось гоняться за врагом: это было немаловажно, поскольку ударной силой русских были пехотные стрелецкие и солдатские полки и артиллерийский корпус (*Пушкарский полк*).

Трудно отказаться от детального описания Чигиринских походов, представлявших, пожалуй, самое красочное и величественное зрелище в истории Восточной Европы XVII в. Однако остановлюсь только на принципиальных моментах, необходимых для понимания государственной деятельности царя Федора. Прежде всего, несмотря на огромную военную мощь Османской империи, русские и украинские войска были решительно настроены на победу. Была

ли в том заслуга пропаганды, или на людей воздействовало очевидное сосредоточение сил государства в одном решающем месте, но даже чигиринские казаки, которым русское и украинское начальство первоначально не очень-то доверяло, не проявляли ни малейших колебаний. Высокий боевой дух отмечает даже старый ворчун полковник Патрик Гордон (впоследствии генерал), подробные дневники которого с избытком сообщают нам о всевозможных недостатках российских войск¹⁴⁷.

Первый Чигиринский поход

20 июня 1677 г. турецкая армия выступила от Дуная под командованием Ибрагим-паши по прозвищу Шайтан. Она включала около 60 тысяч турок (по турецким сообщениям число колеблется от 40 до 80 тысяч), в том числе отборную конницу *спаги* и 10 — 15 тысяч *янычар*. Еще около 19 тысяч составляли вспомогательные войска молдаван и валахов и столь же неохотно выступившая Крымская орда (до 40 тыс. всадников). Традиционно тяжелая османская артиллерия насчитывала 35 стволов 20-, 36-фунтовых пушек и 80-фунтовых мортир. Соединившись с крымчаками на Днестровской переправе под Тигином, турки 3 августа обложили Чигирин, стоящий на каменной горе над правым притоком Днепра р. Тясмин.

За одну ночь они построили две батареи и под прикрытием огня быстро повели осадные работы по системе Вобана, прокладывая зигзагообразные траншеи к Спасской башне, которая вскоре была уничтожена мощным огнем с возведенных турками новых

батарей (ближайшая располагалась в 60 метрах). Не было равных туркам и в их излюбленных подкопах. Хотя от перебежчиков (среди которых оказался даже негр) генерал-майор Трауэрнихт знал примерное расположение подземных галерей, ни обрушить их огнем пушек, ни перехватить контрподкопами не удалось. Турки проходили через землю и сплошную скалу, взрывая бастионы нижнего и башни верхнего города.

Здания Чигирина были уничтожены (бомбами разнесло даже пожитки опытного фон Фростена), крепостная артиллерия в значительной мере подавлена, но неприятеля, по инженерной науке и в согласии с традицией, встречали запасные оборонительные линии и ретраншементы. Наибольший успех осажденным давало массовое применение *ручных* гранат, производством и совершенствованием которых успешно занимались тульские заводы. Благодаря гранатам россияне производили страшное опустошение среди осаждающих и разрушали их работы на вылазках (крупными силами их было проведено около 10), так что туркам пришлось превратить свои шанцы чуть не в пещеры; гранатами же был отбит генеральный штурм после взрыва подкопов. В конце концов турки стали прекращать атаки, едва завидев новые укрепления позади взорванных ими.

Трехнедельная безуспешная осада произвела на турок удручающее впечатление. По выражению гетмана Самойловича, Чигиринская крепость «костью им в горле стала». Российский же гарнизон, несмотря на «великое утеснение от верховных нарядных гранат» из османских мортир, пребывал в праздничном настроении. Московские стрельцы (вместе с выборными солдатами их насчитывалось до 5 тысяч) хо-

дили на вылазки «как на праздник», при полной парадной форме — то есть в суконных кафтанах цвета своих полков с золотыми, серебряными и цветными парчовыми нашивками, красочных перевязях-бандалерах (на них подвешивались сабля и патроны) и блестящих стальных касках. Солдаты, к слову сказать, выглядели скромнее: в черных латах обычного европейского образца (кираса, набедренники и шлем с полями).

Победный настрой заслонил даже пресловутое противоречие между «хохлами» и «москалями»: «казаки приходили из нижнего города в верхний и русским людям помогали, и русские люди ходили в нижний, бились вместе с казаками». Принявший православие генерал-майор Афанасий Трауэрнихт был, по рассказам Гордона, человеком сложным, однако своевольные казаки признали в нем человека знающего и неробкого и слушались беспрекословно. Все обращения Юрия Хмельницкого, привезенного турками в обозе и призывавшего перейти под его знамена, оставались безответными; до осады дезертиров хватало, но к туркам и Хмельницкому не перешел никто.

Гарнизон был совершенно уверен в помощи армий Г. Г. Ромодановского и И. Самойловича, 10 августа соединившихся на Артаполате и двигавшихся к Днепру (при мягком подстегивании из Москвы). Блокада представлялась осажденным временной и ненадежной — и действительно, 20 августа отряд подполковника Фаддея Тумашева (615 белгородских драгун и 800 гетманских сердюков) с распущенными знаменами и трубным игранием вошел в Чигирин по мосту через Тясьмин.

Тем временем Ромодановский выбрал место для форсирования Днепра на Бужинском перевозе и

готовился продемонстрировать туркам классическую операцию. Князь располагал 32 000 воинов (с полками «прибылой рати» В. Д. Долгорукова — до 49 000) и имел в тылу 15-тысячную армию В. В. Голицына, но с пользой пустить в дело мог около 67% от этого числа, входивших в регулярные полки: демонстрировать неприятелю толпы дворянского ополчения с холопами воевода не имел никакого желания.

Более всего Ромодановский полагался на солдат и стрельцов, вооруженных единообразными мушкетами и холодным оружием (сабли, шпаги, бердыши и пики). Стрельцы объединялись по 500 человек в приказы во главе с головами и полуголовами, солдаты — в полки по 1600 человек (реально всегда было меньше) во главе с полковниками. Те и другие имели полковую артиллерию и *гренадеров*. Драгуны представляли собой солдат, посаженных на коней, вооруженных облегченными мушкетами с кремневыми ударными замками и шпагами, но на них воевода не слишком-то полагался, как и на обычных (не гвардейских) солдат: те и другие в мирное время крестьянствовали.

Конница Ромодановского состояла из полков в 1000 человек, постоянно квартирующих в городах Белгородского военного округа — *разряда* (дворяне из центральных уездов, по сути, были не в счет), которым князь ведал не одно десятилетие. Это были *рейтары* в латах и шлемах, каждый с карабином, парой пистолетов и палахом или саблей. Их полк делился на 10 рот по три капральства в каждой. К рейтарскому полку обычно приписывался эскадрон *копейщиков* — тяжелой кавалерии для атаки с копьем и пистолетом в руках при поддержке огня рейтар; также и к полкам копейщиков приписывался

эскадрон рейтар. Сравнительно малочисленные *гусары* имели легкие латы с наручами и короткие копья вдобавок к саблям и пистолетам¹⁴⁸.

Наконец, Ромодановский имел *конную артиллерию* драгун и довольно маневренный *Пушкарский полк*: всего 126 стволов литых полевых пушек и гаубиц, стрелявших 1—10-фунтовыми ядрами и гранатами. Эту силу князь лично расставил на берегу Днепра, где противоположный берег понижался и полуостровом вдавался в реку. В ночь на 27 августа солдатские полки Верстова и Воейкова и казачьи Левенца и Барсука на барках пересекли реку и отбросили заслон крымских татар. Артиллерия с другого берега подавила начавшуюся было стрельбу турок. Высадившиеся окопались, а затем, по совету Гордона, расширили плацдарм, построив укрепленную линию длиной более 3 км.

Ромодановский действовал планомерно, посылая в лодки новый полк, как только для него готовилось укрепление. Лишь во второй половине дня 27 августа турки вновь атаковали, но были отброшены плотным огнем полковой артиллерии и мушкетов выборных солдат А. А. Шепелева и М. О. Кровкова. Командующий успел перебросить полки Гордона, Гранта, Россворма, кавалерию полковника Г. И. Косагова и казаков Новицкого (Нежинский, Гадячский и Полтавский полки). Переправа 15-тысячного корпуса обошлась потерей нескольких десятков человек, при этом занятый ими плацдарм был хорошо укреплен.

Вообще-то переправа перед лицом неприятеля считалась в XVII в. отчаянным подвигом и сопровождалась серьезными потерями (читай французскую историю), поэтому Ибрагим-паша не сразу по-

верил донесениям, а, поверив, сделал худшее, что мог выдумать: беспорядочно бросил основную часть армии на плацдарм. Возможно, турки и татары не собирались проявлять чудеса героизма, но когда наступающие дрогнули под плотным огнем русской артиллерии, Косагов бросился врукопашную, и только тяжесть его кавалерии остановила избиение за пять верст от берега. На поле боя остались тела сына крымского хана, сыновей паши, множества турецких офицеров и крымских мурз, всего около 20 тысяч трупов. Российские войска потеряли 2460 человек убитыми и около 5 тысяч ранеными.

В ночь на 29 августа Ромодановский и Самойлович еще не завершили переправу, а войско Ибрагим-паши уже бежало в сторону Буга, бросив артиллерию, обоз и продовольствие. Догнать и побить удалось лишь арьбергартный отряд. Российская армия простояла под Чигирином с 5 по 10 сентября, занимаясь починкой сильно разрушенных укреплений, и отправилась на зимние квартиры. Федор Алексеевич мог заняться своим излюбленным делом — награждением участников похода (в основном передачей части поместий в вотчину и пожалованием новых земель, № 640, 671, 684, 736, 739, 743, 776, 793), заботой о раненых (№ 732), обеспечением льгот участникам военных действий (№ 680, 710, 733, 760, 783, 794) и т.п.

Второй Чигиринский поход

Осенью 1677 г. и зимой 1678 г. Федор Алексеевич был весьма озабочен сбором припасов «на оборону Киева против наступающих неприятелей», переводя

туда из Севска Патрика Гордона в новом чине генерал-майора для командования драгунским и солдатскими полками и составления сметы всего необходимого. При этом Гордон, не успев получить царского указа от 5 ноября, 15 ноября сам явился в Москву с готовыми росписями сил и средств, потребных для защиты Киева, так что уже 26 и 27 ноября государь с боярами смогли отдать соответствующие распоряжения¹⁴⁹.

Известно, как поощряется в России подобная сметливость: Гордон со своими драгунами и солдатами был отправлен оборонять Чигирин, правда, со специальным указанием Федора Алексеевича не употреблять ценного специалиста-фортификатора ни в каких вылазках. По просьбе Самойловича назначить комендантом города «знатную особу» воеводой в Чигирин был послан Иван Иванович Ржевский, произведенный 7 марта 1677 г. в окольничие¹⁵⁰. Нужно было восстановить, расширить и перепланировать замок, что и было выполнено к 1 июня, когда Ржевский отослал царю Федору Алексеевичу подробный план и описание новой крепости¹⁵¹.

Кампания 1678 г. началась так, словно прошлогодняя война была лишь генеральной репетицией. Отборную турецкую армию, собравшуюся к концу апреля у Исакчи, провожал в поход сам султан Магомет IV. Командование взял на себя великий визирь Кара-Мустафа — известный полководец, несколько лет спустя осаждавший Вену. На пути к Днестру к 80 тысячам турок присоединилось около 5 тысяч молдован и валахов во главе со своими господами; за Бугом в войско влились 4 тысячи казаков Юрия Хмельницкого и около 30 тысяч татар хана Мурат-Гирея. На этот раз помимо 25 осадных пушек и

12 mortir турки везли с собой 80 полевых орудий, не слишком маневренных, но пригодных в оборонительном сражении.

Гарнизон Чигирина из стрельцов, солдат и казаков насчитывал 13 600 человек при 82-х пушках и четырех мортирах. Уже в апреле переправился через Днепр и укрепился среди лесов и болот в трех верстах от крепости почти десяти тысячный корпус генерал-майора Г. И. Косагова. Знаменитый воин послал в Чигирин всего 2,5 тысячи человек, удерживая с остальными переправы через Днепр и Тясьмин. 50-тысячная армия Г. Г. Ромодановского выступила из Курска 17 апреля и в середине июня соединилась на Артаполате с 30 тысячами казаков Самойловича, а также донцами под командой прославленных атаманов М. Самарина и Ф. Минаева. 26 июня главные силы россиян стояли уже на Днепре.

Ромодановский и Самойлович имели прекрасную возможность предупредить турок под Чигирином и навязать Кара-Мустафе наиболее выгодное для них встречное сражение, тем более что они располагали достаточной информацией о неприятеле. Однако военачальники повели себя столь загадочно, что исследователи до сих пор тщетно искали разумное объяснение их маневрам. Вместо того чтобы переправиться через Днепр на заранее выбранном и охраняемом Косаговым месте, воевода и гетман предприняли боковое движение вверх по реке, форсировали Сулу и только 6 июля вновь вышли к Днепру у Бужинского перевоза.

Турки подступили к Чигирину 8 июля и обложили его на следующий день, не зная о близости российской армии. Как бы для их удобства Косагов

9 числа получил приказ всеми силами сопроводить в крепость 2200 человек подкрепления — и, с понятными чувствами, выполнил его, оставив укрепленный лагерь и брод через Тясьмин, немедленно занятый 10-тысячным отрядом татар. Со скрежетом зубовным Косагов выполнил приказ, оставил татар в покое, отступил к главной армии и буквально растворился: с этого времени участие одного из лучших русских полководцев в кампании не прослеживается.

Ромодановский и Самойлович полностью переправились, когда татары наткнулись на 10-тысячный корпус из рейтар, драгун и солдат думного генерала Венедикта Андреевича Змеева. Неприятель в панике бежал, но Ромодановский и не подумал вновь занять переправу через Тясьмин. Кара-Мустафа, напротив, уяснил себе обстановку и 12 июля бросил в атаку 20-тысячное турецкое войско и крымскую орду. Левой фланговой корпус Змеева был опрокинут, но оправился и контратаковал, когда неприятель был остановлен сосредоточенным огнем Пушкарского полка стольника Семена Федоровича Грибоедова. Турки и татары бежали с поля. Противник неудачно атаковал и 15 июля, но Ромодановский стоял как вкопанный, не делая попыток к наступлению или даже преследованию.

Это объясняют тем, что воевода имел четкий царский указ не начинать активных действий до прибытия князя Каспулата Муцаловича Черкасского, отправленного вербовать калмыков и прочих степных всадников по действительно имевшей место просьбе Самойловича к Федору Алексеевичу. Но сам государев указ настоятельно нуждается в объяснении: какое значение имела бы целая орда степняков в

современных боевых действиях, где даже регулярная конница русских и турок в основном оставалась в резервах? 28 июля Черкасский привел к более чем 80-тысячной русско-казацкой армии от 2 до 4 тысяч «бедных, голодных и оборванных наездников». 31 июля Ромодановский начал наступление к Чигирину.

Героическая оборона города шла уже три недели. Защитники Чигирина знали, что на них смотрит вся страна, более того, весь христианский и мусульманский мир. Пастыри Великой, Малой и Белой России служили молебны о победе над супостатами и призывали христиан к посту и молитве в час великого испытания¹⁵². Покоренные турками христианские народы во главе с Константинопольским патриархом с тайной надеждой смотрели на чигиринскую твердыню, а многие просвещаемые Россией и сопредельные инородцы ждали ее поражения, чтобы злобно броситься на охраняемые русскими законами мирные селения.

Подвиги защитников Чигирина, на которых ежедневно обрушивалось до 1000 ядер и бомб, потрясает даже в скупом и ворчливом изложении Гордона. При осаде и обороне города были продемонстрированы самые передовые достижения фортификационной, минной и артиллерийской науки. Турки сопровождали атаку огнем через головы наступающих и, не отводя войск, сносили пушками и мортирами вторые линии укреплений. Они применили собственные ручные гранаты, создали специальные штурмовые отряды. Осажденные несли потери, но отражали все штурмы, восстанавливали укрепления и сдерживали турецкий натиск вылазками, целых три недели не зная, где находится русско-украинская армия.

Согласно французским источникам, Кара-Мустафа отчаялся взять крепость в кампанию 1678 г. Только решение военного совета, на котором незначительное большинство поддержало *дефтердаря* («великого дьяка» по русской терминологии) Ахмет-пашу, вынудило визиря продолжать осаду. Военный совет определил также навести через Тясьмин мосты и занять на том берегу господствующие высоты свежими янычарскими корпусами Каплан-паши и Кер-Гасан-паши численностью в 10 тысяч человек с 50-ю пушками и вспомогательными отрядами татар.

Ромодановский вновь опоздал. Его передовые отряды пробились 31 июля к Кувечинскому перевозу через Тясьмин, но были остановлены янычарским огнем с *Чигиринских гор*. К 1 августа, когда русские начали решительное сражение, янычары основательно окопались на Стрелковой горе, по которой круто поднимался с приднепровской равнины Кувечинский взвоз. Ночная атака русских 1 августа не удалась. Видя, что малой кровью уже не обойтись, Ромодановский решил дать туркам показательный урок. Против лучшей османской пехоты, находившейся в самом выгодном положении и имевшей сильную артиллерийскую поддержку, наступала русская регулярная пехота, по условиям местности почти лишенная артиллерийского прикрытия.

Вперед выдвинулся правый фланг Ромодановского: дивизии генерал-поручика Аггея Алексеевича Шепелева и генерал-майора Матвея Осиповича Кровкова, всего 6 тысяч выборных солдат с резервом из 10-тысячного корпуса конницы и пехоты думного генерала Венедикта Андреевича Змеева. В чрезвычайно трудных условиях, под ужасающим огнем неприятеля солдаты карабкались на гору. Несколько

атак было отбито, но русские не отступили. Генералы Шепелев и Кровков вышли перед строем и сами повели солдат в бой, надев шляпы на шпаги. Ретраншементы и батареи янычар были взяты штурмом, русские были уже в турецком лагере, однако ожесточенное сражение продолжалось.

Шепелев своею рукой срубил бунчук паши, но получил тяжкую рану, а Каплан-паша сумел фланговой атакой отрезать ворвавшихся на гору солдат. Рейтары, драгуны и городовые солдаты Змеева не смогли оказать выборным солдатам своевременной поддержки. Дело спасли 9 стрелецких полков (6 тысяч человек) центра армии Ромодановского. Они ворвались на гору, когда построившиеся в каре и огородившиеся рогатками выборные солдаты уже отбивались прикладами мушкетов. За стрельцами на Стрелковой горе появился корпус Змеева, затем 15-тысячный отряд конницы и пехоты центрального резерва. Конница преследовала турок и крымского хана до горящих мостов через Тясьмин, даже в главный турецкий лагерь ворвались казаки (они составляли левый фланг под командой Самойловича). Победа показала столь серьезное превосходство русской регулярной пехоты над турецкой, что стала важным фактором дальнейшего развития отношений между государствами.

Падение Чигирина

Во всех московских церквях пелись благодарственные молебны; однако положение Чигирина не изменилось. Имея подробные отчеты из армии и крепости, планы и карты, царь Федор Алексеевич

хорошо представлял себе, как разворачиваются военные события, мог почти увидеть их глазами участников событий. С 31 июля, заметив движение турок за Тясмином и узнав от перебежчиков и пленных его значение, чигиринцы ожидали русско-украинскую армию, не обращая особого внимания на взрывы очередных турецких подкопов и усиленную бомбардировку. 3 августа канонада за Тясмином подсказала, что помощь близка...

К вечеру комендант Чигирин Иван Иванович Ржевский вышел на *раскат* (башню): Чигиринские высоты цвели русскими знаменами. Непобедимый воевода, отстоявший от неприятеля немало городов, видел «великого государя полковое знамя... камчатное красное, расписанное: образ Спаса Нерукотворного, по сторонам ангелы и в середине звезды, написано золотом и серебром... древко писано золотом с красками, на древке яблоко и в нем крест серебряный золоченый». Знамена солдатских полков были «писаны золотом и серебром по белой тафте, на двух знаменах орлы распластанные, на третьем лев; кресты, и подписи, и травы писаны золотом же и серебром». Красные солдатские знамена имели «в середине кресты, и месяцы, и звезды белой тафты», зеленые — «кресты, и месяцы, и звезды красной тафты». Особо красочно были расписаны длинные знамена конницы¹⁵³.

Прямое попадание турецкого ядра затмило глаза Ржевского; в тот же день стало известно о тяжелом ранении Шепелева (бытующие в литературе сведения о его смерти несколько преувеличены). Избранный офицерским советом в коменданты крепости Патрик Гордон напрасно требовал продолжить наступление на главный турецкий лагерь. Ромодановский и Са-

войлович, расположившиеся буквально в трех верстах от Чигирин, не трогались с места. Русско-украинские войска, казалось, безучастно наблюдали, как турки с отчаянной энергией штурмуют город. Только маленький отряд Косагова (кого в данном случае называют *полковником*; и в самом деле, где был его корпус?) сразился с турками на Тясминском островке да генерал Вульф устроил на другом острове батарею.

Предположение, что Ромодановский «не рискнул» переправляться через Тясмин перед лицом сильной армии Кара-Мустафы, противоречит всему опыту замечательного полководца, который начал свою карьеру, атаковав превосходящие силы поляков вплавь через озеро, с саблей в зубах, и истребил войска коронного гетмана С. Потоцкого в горящем Слонигородке (1655). Тясмин — не Днепр, к тому же один из мостов вел прямо в Чигирин, представлявший собой готовый плацдарм для вспомогательного удара. С Ромодановским должно было произойти нечто очень серьезное, чтобы воевода ограничился сменой значительной части гарнизона Чигирин и мелкими, притом безуспешными, операциями против турок на протяжении целой недели. Притом странное оцепенение приключилось не только с ним, но и с десятками видных русских воевод и генералов, отважных полковников и казачьих атаманов...

Русско-украинское командование не пошло даже на то, чтобы отвлекающими ударами помочь чигиринцам отвоевать потерянные валы и бастионы, а то и выбить турок из передовых траншей. Кольцо осады было сжато уже до предела; город со дня на день должен был пасть. Ромодановский знал о приближающемся генеральном штурме и писал об этом

коменданту; Гордон отвечал, что не боится и отстоит город, но сие от него не зависело. 11 августа страшные взрывы потрясли Чигирин и турки ринулись в проломы. Казаки (украинские летописцы пишут, что по случаю воскресенья они были в стельку пьяны) бросились в беспорядочное бегство, мост под их тяжестью обрушился, и масса людей погибла.

Русские войска держались стойко; стоявшие в нижнем городе эскадроны полковника фон Вестгофа полегли почти целиком. Отразив штурм замка, Гордон, с четырьмя наполовину русскими, наполовину украинскими регулярными полками (Курским, Озерским, Сумским и Ахтырским), отбил ворота горящего нижнего города, возвел новые укрепления и обеспечил связь замка с переправой. Он посылал гонца за гонцом, прося у Ромодановского всего 5 или 6 тысяч воинов, чтобы отбить весь нижний город, однако не получил подмоги. Командование решило оставить крепость самым странным образом, без письменного приказа: посланному велено было лишь объявить об этом у ворот, не въезжая в замок!

В результате первыми стали отступать к лагерю Ромодановского войска, охранявшие ворота, на которые немедля напали турки. Затем по одному ринулись прочь из города полковники с воинами, которых сумели собрать. Гордон получил-таки письменный приказ, без которого отказывался двигаться с места, в третьем часу ночи, через посыльного полковника московских стрельцов Александра Карандеева (как увидим, это было не случайно). Подготовив к уничтожению тяжелое вооружение и запасы, храбрый шотландец одним из последних с пистолетом и шпагой пробился к переправе, удерживаемой кучкой казаков.

Те из защитников Чигирина, кто не смог пробиться, вернулись на бастионы замка. Они взорвали пороховые погреба, когда замок был занят турками, захватив с собой более 4 тысяч неприятелей. Бездарная эвакуация Чигирина стоила жизни полковникам Корнелию фон Бокховену и Прохору Протасову, трем капитанам, четырем лейтенантам и до 600 стрельцов и драгун (для сравнения, за все время боев русский гарнизон потерял убитыми 1300 человек). Разъяренный Гордон тут же выложил Ромодановскому и воеводам, что он о них думает, но — что любопытно — не получил ни слова в ответ. «Так был защищаем и потерян Чигирин, — записал шотландец в своем дневнике, — он был оставлен, но не покорен»¹⁵⁴.

Ромодановский словно дожидался этого. Он немедленно со всей распорядительностью организовал отступление армии к Днепру. Русские войска шли в отличном порядке *batallion querre*, огражденные обозами, с лучшей пехотой в арьергарде; кавалерия была спешена. Многочисленные атаки турок и татар не могли задержать движения российских войск, и Кара-Мустафа сумел сосредоточить против их фронта достаточно сил лишь после того, как они заняли старый укрепленный лагерь на берегу Днепра.

С 14 августа между армиями Кара-Мустафы и Ромодановского происходили огневые и рукопашные бои, причем русские солдаты и стрельцы временами атаковали неприятеля, не дожидаясь и не слушая приказов. Только распоряжение об общем наступлении 17 августа дисциплинировало русско-украинскую армию. Устрашенные яростной общей атакой, турки и татары бежали к Чигирину, россияне же, подобрав трофеи, отправились через Днепр восвояси.

Возвращение было траурным. Турки, срыв остатки Чигирина, торжествовали победу, которую не испортил даже атаман Серко, сжегший мосты через Буг. В России (не говоря об Украине!) ужасались магометанской силе; патриарх Иоаким 26 августа, после окончания военных действий, призвал всю страну молиться «за великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича... и за всех людей от нашествия варваров»¹⁵⁵. Московское правительство старалось приукрасить итоги кампании; русские потери убитыми и пропавшими без вести определялись им всего в 3290 человек и ранеными — в 5430 человек, тогда как турецкие — в 30 — 60 тысяч¹⁵⁶.

Слухи об измене полководцев ширились с каждым шагом отступающих войск. Бескомпромиссный запорожский кошевой Иван Серко, разорвавший мирный договор с татарами ради участия в кампании, резал прямо в глаза Самойловичу: «Не только мы, низовое войско Запорожское, но и весь свет великороссийский и малороссийский ясно видит неспособность вашу и князя Ромодановского и нежелание оказать помощь» Правобережью из-за застарелой злобы к Чигирину и всему Заднепровью. «Пропал Чигирин и вся тогобочная Украина, — писал о мнении малороссиян Самуил Величко, — от неспособности и коварства Ромодановского и, без сомнения, неприязни к ним Самойловича».

Ходил слух, что Ромодановский вступил в переговоры с крымским ханом, у которого томился в плену его сын Андрей, и хан обещал содрать с того кожу, если Чигирин не будет сдан. В Москве говорили, что в одном Чигирине погибло до 30 тысяч, а в армии еще больше россиян померло от болезни. «Обвинения против князя Ромодановского так ве-

лики, — доносил нидерландский резидент в Москве Иоганн Вильгельм ван Келлер, — что если они подтвердятся, то он рискует потерять не только место, но и жизнь. Ни он, ни сын его не являлись еще в Москву; впрочем, ему и опасно показаться сюда, чтобы народ не взволновался; так сильно против него негодование»¹⁵⁷.

Обвинения звучали тем более остро, что князь Григорий Григорьевич Ромодановский был истинным благодетелем и защитником Украины, сражаясь за нее от самой Переяславской рады; с 1657 г. он бессменно командовал Белгородским полком (затем разрядом) — главной русской армией на юго-западе. Еще недавно украинцы славили его бесчисленные победы над поляками, татарами, гетманами-изменниками и турками, умоляли московское правительство ни в коем случае не лишать их руководства честного и бескорыстного воеводы (этим качествам отдает дань С. М. Соловьев). В Москве считали белгородского воеводу незаменимым и с трудом давали ему самый малый отпуск. Григорий Григорьевич и его сын, товарищ в боевых походах князь Михаил, могли оправдаться перед современниками и потомками — оправдаться документально, — но предпочли молчать.

Как человек чести, Ромодановский не мог указать на главных виновников падения Чигирина: царя Федора Алексеевича и его ближайших советников (начиная с князя В. В. Голицына). Ромодановский предпочел подать в отставку; отводом армии на зимние квартиры командовал уже В. В. Голицын¹⁵⁸. 15 мая 1682 г. Григорий Григорьевич был разорван на части, защищая царский дворец от восставших стрельцов и солдат; сын его князь Михаил чудом

спасся от позорной смерти (и позже был обвинен Петром I в сговоре со стрельцами). Оба тщетно надеялись, что история восстановит их доброе имя: хотя важнейшие документы были опубликованы и использовались историками (например, А. Поповым), отечественная историография, по обыкновению, не оспорила распространенного мнения. Впрочем, судите сами.

История секретного указа

23 сентября 1677 г. царь Федор Алексеевич в келье Троице-Сергиева монастыря принял посланца от гетмана Самойловича с подробным докладом о победе над Ибрагим-пашой, уже сделав распоряжения, направленные на свертывание войны с турками. Прежде всего государь распорядился отозвать русские войска из-под Азова, где они успешно действовали при поддержке флота. С азовскими властями было заключено перемирие, состоялся обмен пленными, и русские полки на 47 кораблях ушли вверх по Дону, разрушив свою крепость¹⁵⁹. Боярская дума обсудила вопрос о разрушении Чигирина; для консультаций по этой проблеме на Украине был назначен стольник Василий Михайлович Тяпкин, бывший резидент в Варшаве, именно 23 сентября получивший верительные грамоты и наказ (инструкцию)¹⁶⁰.

Выбор Тяпкина, лучше всех знавшего положение в Польше, был не случаен: истекал срок Андрусовского перемирия 1667 г., по которому Россия обязалась вернуть Речи Посполитой Киев. Поскольку отдавать Киев Федор Алексеевич не собирался, не-

избежным было серьезное дипломатическое столкновение, крайне осложненное мнением панов: заняв Чигирин, царь «отобрал у нас всю Украину!». По польской логике, уступка Украины туркам ничего не значила в отношениях с Москвой, зато Журавинский мир с Портой и Крымом позволял Речи Посполитой воевать с бывшим союзником за Киев, Смоленск, Невель, Себеж и другие города. Хотя среди шляхты не было единодушия, значительная часть ее мечтала взять реванш над Россией за поражение в прошлой войне. Даже если бы удалось отстоять Чигирин от турок, за него, вполне вероятно, пришлось бы сразиться с поляками...

Ромодановский не принимал этих сомнений и отвечал Тяпкину четко: «Разорить и не держать Чигирин отнюдь невозможно, и зело бесславно, и от неприятеля страшно и убыточно. Не только (Правобережной) Украине, но и самому Киеву зело будет тяжко». Гетман Самойлович заявил еще резче: «Прежде, нежели разрушать Чигиринские укрепления или позволять неприятелю завладеть ими, пусть объявят всей Украине, что она великому государю его царскому величеству ни на что не потребна, для того и Чигирин разорен!»

Не ограничиваясь протоколом переговоров с Тяпкиным, Ромодановский и Самойлович с военачальниками составили доклад государю о военно-стратегическом значении Чигирина для Украины и самой России (поскольку от него до Путивля не более тридцати миль), о его ценности как крепости, возле которой сосредоточены все окрестные лесные запасы и, главное, как политического центра, на который ориентируется Правобережье.

Эти ответы не убедили Боярскую думу и вслед за Тяпкиным на Украину был отправлен уже упоминавшийся стольник и полковник Александр Федорович Карандеев с сомнениями по поводу удобства расположения Чигирина и предложением построить вместо него новую крепость на Днепре (на которую по меньшей мере не претендовали бы поляки). Съехавшись в Рыльске на совещание, Ромодановский и Самойлович составили новый доклад о необходимости удержания именно Чигирина, а вскоре воевода получил указ Федора Алексеевича лично прибыть в Москву.

Протоколов заседаний Думы не велось, но, судя по донесениям нидерландского резидента Келлера, доверенного лица русского правительства¹⁶¹, вопрос стоял ребром: главнокомандующим чуть было не назначили В. В. Голицына, что означало бы сдачу Чигирина, но победили сторонники Ромодановского, взявшего защиту крепости на свою ответственность¹⁶². Царь Федор Алексеевич щедро наградил всех военачальников; Ромодановскому при особой грамоте с перечислением его военных подвигов было пожаловано из дворцовых земель село Ромодановское в Калужском уезде — давно утраченное этой княжеской фамилией родовое гнездо¹⁶³.

Это не говорит о том, что Ромодановского заранее предназначили в жертву. Власти, начиная с Федора Алексеевича, все еще пребывали в сомнении, тем более что король Ян Собеский, не имевший в Раде решительного перевеса для разрыва с Россией, оттягивал переговоры с Москвой, ожидая развития военных событий. Желая определиться, Федор Алексеевич в ноябре 1677 г. послал в Варшаву окольничего И. И. Чаадаева и дьяка Е. И. Украинцева

с сообщением, что Россия не уступит Киева, но король отправил их восвояси с ответом, что все вопросы будут решать великие послы Речи Посполитой (которые под разными предложениями задерживались)¹⁶⁴.

Дело осложняли украинцы, справедливо возмущавшиеся перед Карандеевым и в отписках в Москву самой мыслью о возможности переговоров с поляками о Киеве или Чигирине¹⁶⁵. Крымские власти, всегда с опасением относившиеся к экспансии турок в Северном Причерноморье, только оправлялись от потрясения, связанного с переменой их верхушки разгневанным после похода 1677 г. султаном Магомедом IV: был поставлен новый хан, *нурадин-султан* и *калга* (командующие правым и левым крыльями орды). Понятно, что прибывшие в Москву посланники хана говорили о мире только при условии уступки Чигирина и всей Правобережной Украины туркам.

Федору Алексеевичу были известны претензии Турции на господство над мусульманским миром, в частности, мечты Стамбула об обладании Кавказом, Астраханью и Казанью. Царя страшила огромная финансовая мощь Османской империи, способной, при сосредоточении усилий на одном театре военных действий, привести Российское государство к полному истощению. В то же время Франция, в целом одобрявшая войну турок с Россией, подталкивала султана перенести основные усилия на запад, где заманчиво маячила восставшая против Габсбургов Венгрия. Это давало надежду, что турки предпочтут отложить трудную и не слишком выгодную войну с Россией ради лакомого куска Священной Римской империи германской нации.

В конце 1677 г. в Думе победило мнение, что, получив отпор на Украине, турки пойдут на мир с Россией, чтобы освободить руки для войны на западе. Была объявлена мобилизация, начата перестройка Чигирина, и комендантом его назначен непреклонный Ржевский. Одновременно в Константинополь был отправлен уже бывавший там опытный дипломат стольник А. Поросукров с письмом Федора Алексеевича к Магомету IV. Государь, изучивший русско-турецкую дипломатическую переписку с 1613 г., в самых изысканных выражениях предлагал султану помириться на завоеванном, то есть оставив Чигирин за Россией. Турки приняли Поросукрова любезно, но не дали аудиенции у султана, который считал делом чести отвоевать Чигирин, причем доброжелатели России, и прежде всего патриарх Константинопольский, предупреждали, что успех похода Кара-Мустафы будет означать величайшую опасность для Российского государства.

Тем не менее Поросукров был отпущен с заявлением, что Оттоманская Порта заключит мир в обмен на Правобережную Украину, если русские послы встретят великого визиря Кара-Мустафу в десяти переходах от Дуная. Турецкая армия уже выступила, и Поросукров спешно послал отчет из Валахии¹⁶⁶. 12 апреля 1678 г. царь Федор Алексеевич по совету с патриархом Иоакимом и боярами указал послать Ромодановскому «тайные вести» от Поросукрова, повелел командующему выступать в поход и... начать переговоры с Кара-Мустафой на рубеже Буга.

Этот указ с подробной инструкцией, как надлежит говорить с турками о древней «исконной братской дружбе и любви» между царями и султанами, отражал сомнения и колебания московского прави-

тельства, уверявшего, что «его царскому величеству подлинно известно, как он, Мустафа, будучи у султанова величества еще первым пашой, всегда султаново величество наговаривал ко всякому добру и к поддержанию исконной дружбы с великим государем». Важно было, что переговоры поручались только русскому командованию: известить или не известить о них гетмана Самойловича было делом Ромодановского (пункт 14).

Итак, Ромодановский должен был всячески оправдываться за шедшие с 1673 г. военные действия, при этом заявляя, что Чигирин и вся Украина, «которая зовется Малой Россией», с древности принадлежала предкам Федора Алексеевича и лишь «на некоторое время от подданства... отлучилась», «а у турецких султанов никогда Малая Россия в подданстве не бывала». Так что если турки не откажутся от своих притязаний, «кроворазлитие» падет на их головы¹⁶⁷.

Эта инструкция осталась бы только в летописи дипломатических казусов, если бы 11 июля, когда армия Ромодановского переправлялась через Днепр и уже вступила в бой, Федор Алексеевич не послал командующему собственный, именной указ, как бы в дополнение прежнего наказа, но без совета с патриархом и боярами. Изумительно, что документ, опубликованный в Собрании государственных грамот и договоров (т. IV, № 112, с. 365 — 366) и Полном собрании законов Российской империи (т. 2, № 729, с. 166 — 168), так и не привлек должного внимания историков.

Между тем свою главную мысль царь выразил определенно: «Буде никакими мерами до покоя приступить, кроме Чигирина, визирь не похочет, и

вам бы (Г. Г. Ромодановскому с его сыном и заместителем князем Михаилом.— Авт.) *хотя то учинить, чтоб тот Чигирин, для учинения во обеих сторонах вечного мира, свести, и впредь на том месте... городов не строить*» (для максимальной точности цитаты из указа не адаптированы). О военных действиях Федор Алексеевич вообще не говорит — благо Ромодановскому было дано время для переговоров с Кара-Мустафой под предлогом ожидания войск Черкасского. Другое дело, что разрушение Чигирина было крайней уступкой.

Добиваясь мира, Ромодановский путем переговоров должен был стараться, чтобы русско-турецкое соглашение «малороссийским жителям не ко утешению было» и чтобы новая граница не привела к столкновению с Речью Посполитой. Требуя от командующего «почасту» извещать Посольский приказ о ходе переговоров, Федор Алексеевич на самом деле хотел от Ромодановского невозможного, например, советоваться о разрушении Чигирина с Самойловичем и «того смотреть и остерегаться накрепко, чтоб то Чигиринское сведение не противно было малороссийским жителям».

«А сее бы нашу великаго государя грамоту держали у себя тайно,— писал в конце Федор Алексеевич,— и никто б о сем нашем великаго государя указе, кроме вас, не ведал». Это было тем легче сделать, что Посольский приказ, через который шла переписка, почти все царствование Федора Алексеевича был лишен боярина-судьи и ведался дьяками. Конечно, приказ был подотчетен Боярской думе и она должна была в итоге получить доклад о секретных мероприятиях. Но, учитывая, что думные люди и ранее испытывали колебания в вопросе о

продолжении войны, инициатива государя не должна была встретить серьезного сопротивления. Уже по крайней мере, никто не заступился за бедного Ромодановского!

Не утаить шила в мешке было и в армии: даже до Гордона дошел слух, что воевода получил в десятых числах июля царское предписание вывести чигиринский гарнизон и взорвать крепость, если нельзя будет удержать ее¹⁶⁸. Это было не совсем то, о чем писал царь в известной нам грамоте, но именно так указ Федора Алексеевича был реализован: русское командование предприняло все, чтобы турки *сами* взяли Чигирин и чтобы у казаков было меньше поводов для возмущения (именно они первыми бежали из крепости!).

Кто-то может сказать, что это была грубая работа, как будто от Ромодановского, в его состоянии, можно было требовать утонченности — если он вообще не впал в апатию, предоставив действовать В. В. Голицыну и таким деятелям, как полковник Карандеев. Я же прошу обратить внимание на то, что князья Ромодановские выполнили свой долг перед государем до конца. Никто из современников не заподозрил в чигиринской трагедии замысла московского правительства: даже поляки, даже Юрий Хмельницкий, для которых такие сведения или хотя бы намеки были бы на вес золота!

Цена мира

Последствия падения Чигирина и так были велики. Не говоря о невинно убиенных Ржевском с товарищами, царь Федор грустил о г. Каневе, взятом

турками и татарами под водительством Ю. Хмельницкого, о перешедших на сторону неприятеля Черкассах, Корсуне, Жаботине и вообще значительной части Правобережья. Правда, гетманский сын Семен Самойлович вновь привел к покорности Канев, Корсунь, Черкассы и др. — но не к добру, ибо по приказу отца выжег города, местечки, села и деревни на западной стороне Днепра, «чтоб впредь неприятельским людям пристанища не было»¹⁶⁹.

Не лучше обстояли дела на востоке, где падение Чигирина было воспринято как признак слабости «Белого царя». Государь упорно, но не слишком результативно требовал от воевод усмирять казаков в их перманентной войне с кочевниками (атаманы-молодцы действительно временами перегибали палку, добираясь до самых туркмен и персов). Бои казаков с калмыками, вытекающие из взаимных обид, велись столь самозабвенно, что последние нападали даже на «умиротворителей»-стрельцов¹⁷⁰. С весны 1678 г. усилились столкновения казаков с калмыками на Яике, в Красноярском, Тобольском и Кузнецком уездах, с киргизами в Красноярском и Томском уездах, с татарами и башкирами в районах Уфы, Кунгура и Тюмени¹⁷¹.

Напрасно государь с января до июня 1678 г. призывал послужить на Украине калмыков тайши Аюки, ногайцев и едисанских татар: те откликнулись в крайне незначительном числе, дожидаясь исхода кампании¹⁷². Любопытны, но малоэффективны были попытки Федора Алексеевича применить ученое понятие *милосердия* к окраинным народам (как, впрочем, и урезонить своих воевод). В Охотске Юрий Крыжановский и приказный Петр Ярыжкин с трудом отбили от тунгусов. Несмотря на то что пов-

станцы убили сообщников дани, царь после основательного расследования злоупотреблений администрации велел новому воеводе «жить... с великим опасением, и к иноземцам держать ласку и привет, и тайным и всяким обычаем проводить в них шатости», действуя исключительно мирно. Русских же участников конфликта воевода Бибииков должен был «бить кнутом на козле и в проводку без всякой поноровки, и сослать в Даурские остроги в пешую службу, и животы их взять в нашу, великого государя, казну».

Бибииков, отличавшийся общими для всех воевод пороками, от такой милосердной политики пострадал — был убит аборигенами со всем отрядом русских людей. Оставшиеся в живых товарищи его были царским указом казнены за «тунгусам обиды и налоги великие». Эта история не остановила Федора Алексеевича, и после донесений о волнениях тунгусов от енисейского воеводы государь указал расспросить переселенных казаками инородцев: «по своей ли они воле в то зимовье пошли или их взяли казаки поневоле, и для чего, и какой тесноты им те казаки не чинили ль? И где они хотят жить?.. И где они жить захотят, и им тут жить и велеть, а ясак платить равный прежнему». На этот раз, правда, помимо казаков казнить было велено и двух тунгусов-убийц¹⁷³.

Памятуя о восстании башкир при Алексее Михайловиче, царь Федор 17 апреля 1678 г. подтвердил запрещение русским вступаться в их земли в Уфимском уезде¹⁷⁴. В благодарность за трогательную заботу об инородцах государь получил сообщение, что башкиры подбивают татар воевать против русских. 15 декабря 1678 г. они «говорили, что твой, великого

государя, город Чигирин турецкие и крымские люди взяли и твоих государевых людей побили, а они дескать потому и будут воевать, что у них одна родня и душа: турецкие и крымские там станут биться, а они, башкиры и татары — станут здесь биться и воевать»¹⁷⁵.

Уже 10 ноября 1678 г. Федор Алексеевич вынужден был издать указ об укреплении вооруженных сил в Сибири (на основе исторической справки о мерах правительства по защите мирного населения с 1668 г.). 3 декабря он уточнил указ в связи с вестями о готовящихся нападениях на Красноярск, Енисейск и Даурские остроги. 3 февраля 1679 г. появилась царская грамота в Тобольск об утеснениях русских и ясачных татар от калмыков, 4-го — в Якутск о столкновениях с тунгусами, затем распоряжения об обороне потребовались во множестве: в указах упоминаются ханты, самоеды, коряки и т.п.

Наиболее опасной была выявившаяся в феврале подготовка похода калмыков и киргизов, «со многими немирных земель иноземцами», на Красноярский, Кузнецкий и Томский уезды. Кроме того, 11 марта государь предупреждал чердынского воеводу о набегах татар и башкир на Кунгур и Сибирские уезды, а 10 июня — о набегах татар и башкир на Пермь Великую¹⁷⁶. Впрочем, русские воеводы и поселенцы не дожидались особых распоряжений по защите своих жилищ и жилищ: немногие особо крупные отряды кочевников имели успех, но к осени и об их судьбе поступили в Москву утешительные известия.

Киргизский князь Шанда с союзниками был разбит и обезглавлен под Томском, успев сжечь Ачинский острог и несколько деревень. Калмыки и туvinцы с сообщниками разных племен уничтожили

16 русских деревень и множество татарских селений, осадили Красноярск и четырежды приступали к городу, прежде чем были отбиты воеводой Загряжским и затем потоплены в Енисее атаманом Родионом Кольцовым. Успокоившись, царь послал суровый выговор красноярцам, которые, не вынеся вида безнаказанно свирепствующих вокруг города туvinцев, вывели на стены и расстреляли их *аманатов* (заложников). Воевода же Даниил Загряжский, не удержавший своевольных красноярцев от сего поступка (ибо готовился к вылазке, чтобы изрубить злодеев), был царским указом посажен в тюрьму.

В мерах к бунтовщикам государь ограничился тем, что, милостиво приняв в Москве послов сибирского калмыцкого хана Бошохты и мирных тайшей, велел впредь восточных инородцев к Москве не пускать, наложил на ряд племен экономические санкции и постарался ограничить поступление к ним современного оружия (а то кочевники располагали даже винтовками, которые в значительном числе поступили на вооружение русской регулярной армии только при канцлере В. В. Голицыне)¹⁷⁷.

Нельзя, однако, сказать, что отзвуки сдачи Чигирина на востоке совсем ничему не научили Федора Алексеевича. Первым в Европе получив подробные сведения о Цинской империи, которые привез оттуда посланник Николай Милеску-Спафарий (они стали весьма популярны в России и на Западе), царь живо прореагировал на первые известия об опасности для пограничного Албазина и Нерчинска. Федор Алексеевич собирался удержать границу по Амуру, хотя последних донесений (март 1682 г.) получить, видимо, не успел¹⁷⁸. Из-за придворных интриг правительство Софьи пошло на неоправданные уступки

цинам (подтвержденные правительством Нарышкиных) и создало повод для продолжающегося по сей день пограничного спора.

Возникает вопрос, чего же добился царь Федор, с таким трудом и издержками сровняв с землей Чигирин? Правда, он надеялся на лучший исход переговоров, которыми можно объяснить отвергнутое турецким военным советом предложение Кара-Мустафы отступить от крепости. В реально сложившейся ситуации ближайшая выгода была получена в ходе переговоров с великими и полномочными послами Речи Посполитой в Москве, закончившихся еще до падения Чигирина (в основном договорились к 18 июля, текстами разменялись 3 августа).

На переговорах, подробно описанных в русских документах и записках участников польского посольства Бернгарда Таннера¹⁷⁹, представители Речи Посполитой предлагали заключить не *вечный мир* (как хотел Федор Алексеевич), а перемирие, при условии передачи на их сторону Киева, Смоленска, Невеля, Себежа и Велижа. В ходе упорных многодневных дебатов, когда обе стороны не раз угрожали оружием (царь даже заявил, что готов заключить союз против Польши с султаном), удалось склонить поляков ограничить свои аппетиты Невелем и Велижем вкупе с полумиллионом золотых (100 тыс. руб.). Город Себеж и еще 100 тыс. руб. Федор Алексеевич обещал передать полякам после ратификации договора королем (№ 730).

Уступчивость поляков в немалой мере объяснялась тем, что вопрос о Чигирине выпал из договора. Послы Речи Посполитой, требовавшие, чтобы он был отложен «до комиссии», были уверены, что таким образом всегда будут иметь повод расторгнуть до-

говор, удержав полученное. Понятно, что они тщательно избегали и разговора о союзе против турок: даже вопрос о «не заключении договоров одному государю без другого с султаном турецким и ханом крымским» был отложен «до комиссии будущей с посредниками». Поляки столь уповали на истощение России в войне с турками, что князь Чарторыйский однажды сгоряча предложил, чтобы Чигирин и Правобережная Украина оставалась за царем все перемирие (до июня 1693 г.).

Фактическое исчезновение вопроса о Чигирине из русско-польских и русско-турецких отношений стало для Яна Собеского и панов Рады пренеприятнейшей неожиданностью. Сняты были также многие противоречия государя с оппозицией при московском дворе, в которой особенно замечен был патриарх Иоаким, ради мира готовый на любые уступки соседям и до крайности опасавшийся «агарян». Дошло до того, что шведский посол в Польше заявлял: «Лихи на нас были ближние бояре, особенно Матвеев, они отвращали от мира покойного государя; но теперь дай Бог здоровья патриарху московскому; он нынешнего молодого государя духовными беседами склонил к вечному миру с нами!» Благодарили Иоакима и поляки: 14 июля он пришел на переговоры, шедшие на грани разрыва, и потребовал уступить Речи Посполитой города и казну, внеся в договор только статью об охране православия. Он же стоял на стороне поляков в вопросе об исключении из договора статьи о русско-польском союзе. Требования Иоакима, доведенные и до государя, были удовлетворены¹⁸⁰.

После распространения в России вестей о падении Чигирина правительство, кажется, подыгрывало

Иоакиму, объявившему Отечество в опасности. Разрядная записная книга о «полковых делах» (с ноября 1678 по сентябрь 1679 г.) наполнена указами царя Федора Алексеевича (именными, вместе с Боярской думой и по «совету» с патриархом) о необходимости единодушно, «без нетчиков» и «без мест» выступать «против турецкого султана с войсками и крымского хана с ордами» в составе нескольких армий под общим командованием князя Михаила Алегуковича Черкасского и князя Михаила Юрьевича Долгорукова. Распоряжения государя, помимо обычной предусмотрительности и склонности опираться на точные «доклады» об обстоятельствах прошлых лет, отличаются особенной резкостью и даже суровостью, обещая виновным по различным случаям «быть в жестоком наказании, и в разорении, и в ссылке без всякого милосердия и пощады»¹⁸¹.

Общая разрядная записная книга 1678—1679 гг., хотя и сохранилась не полностью¹⁸², ясно свидетельствует, сколь видное место занимали военные дела в расписании занятий царя Федора Алексеевича. В поход вновь, и очень сурово, требовалось выслать из Соли-Камской выборных солдат А. А. Шепелева, заменив раненых и убитых солдатскими детьми и родственниками¹⁸³. Отъявленных дезертиров вешали, чтоб другим бегать из полков «было неповадно».

Летом 1679 г. против ожидаемого похода турок и татар на рубежах было сосредоточено: в Большом полку дворянской и регулярной конницы 7214 чел., стрельцов и солдат 5229 чел. (итого 12 443); в Новгородском полку конных и пеших 3808 чел.; в Казанском разряде конных 7013 чел., пеших 2 292 чел. (итого 9305); в приданном Казанскому разряду стрелецком корпусе Г. А. Козловского 4484 чел.; в Ря-

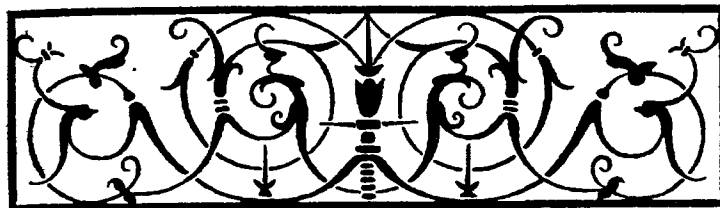
занском разряде, Севском полку и приданных им частях 6988 конных и 12 272 пеших (итого 19 260); в Белгородском полку 12 488 пеших и конных; в корпусе думного генерала В. А. Змеева было 10 239 конных, 7947 пеших (итого 18 186), в корпусе генерал-поручика Г. И. Косагова на Украине 2212 русских и 6930 украинских воинов (итого 9142). Одна полевая сила составляла более 89 тыс. чел., не считая полков, занимавших укрепленные черты и стоявших «в полевых городах за чертою»¹⁸⁴.

В 1680 г. главнокомандующим над армиями, которые должны были своими внушительными маневрами сдерживать воинственность турок и татар, был поставлен князь В. В. Голицын. В царских грамотах о мобилизации не шла речь о мирных переговорах: они еще с января вещали, «что турецкой султан собирает великие свои войска и непременно хочет по весне приходить под Киев», а крымский хан уже выступил в поход¹⁸⁵. Действительно, на укрепленных рубежах шли, как и в предыдущие годы, военные действия¹⁸⁶, но это были довольно обыкновенные бои со степными разбойниками. Армии турок так и не дождались, хотя даже после заключения мира с Оттоманской Портой и Крымским ханством, в марте и апреле 1681 г., царские грамоты, например, на Белоозеро требовали обязательной высылки на службу московских и городовых дворян, копейщиков и рейтар, также и солдат в полки Тамбовского и Казанского разрядов¹⁸⁷.

По прошествии столетий очевидно, что правительство Федора Алексеевича изрядно преувеличивало опасность нового турецкого нашествия. Сражения янычар и спаги с русскими регулярными частями в 1677—1678 гг. произвели на турок столь

удручающее впечатление, что Кара-Мустафа и сам султан Магомет IV почли за лучшее не посылать их вновь «на погибель», тем паче что престижный вопрос о Чигирине был снят. Зато в 1687 г., когда В. В. Голицын уже в чине канцлера, дворового воеводы и главнокомандующего двинул полки на юг, янычары в страхе завопили, что «русские идут на Стамбул!», и, по обыкновению, учинили бунт, а фанатики начали бросаться с минаретов, чтобы не попасть живьем в руки «гяуров»¹⁸⁸.

Именно заключение Бахчисарайского мира, ставшее возможным после разрушения Чигирина, дало России преимущество после смерти Федора. Европейские страны, не желавшие помочь России в войне с Турцией в 1670-х гг., в следующем десятилетии были готовы на большие уступки Москве, лишь бы она согласилась помочь им отразить мощное наступление турок на запад.

Глава четвертая ВОЕННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Важно заметить, что мобилизации 1679—1681 гг. сильно отличались от старинного сбора всех военно-обязанных и «даточных» и перемещения к одной границе значительных числом, но мало организованных полчищ. В условиях продолжающейся войны царь Федор Алексеевич энергично осуществлял военные реформы, изменившие саму структуру российской армии. Реформы эти хотя в общем часто упоминаются в литературе, но рисуются достаточно туманно, чтобы читатель не отдавал себе ясного отчета, что именно разрушал и что «впервые» создавал в армии Петр I.

Состояние полков и разрядов

Характерно идущее еще от В. Н. Татищева мнение, что сформированные царем Алексеем Михайловичем регулярные рейтарские, копейные и сол-

датские полки при преемниках его «упущены были и все они вскоре крестьянами сделались». В лучшем состоянии находились стрелецкие и выборные солдатские полки, «однако же и те допущением многих ненадлежащих вольностей, а наипаче торгом, приведены в дерзость»¹⁸⁹. Между тем реформа Федора началась как раз с расформирования окрестянившихся полков: драгунских на юге и солдатских на севере.

Четыре полка драгун Белгородского разряда были расформированы, «и к началу 80-х годов XVII в. драгуны полностью исчезли из состава ратных людей полковой службы»¹⁹⁰. Часть их обратилась в тяглых крестьян, часть перешла в солдаты и на городовую службу. В Сибири, согласно указу Федора Алексеевича от 22 сентября 1679 г., возвращались из драгун в прежние звания завербованные с 1663 г. ямщики, посадские люди и крестьяне. Это было связано вообще с политикой избавления от «белых» (нетяглых) дворов, афористически выраженной в именном указе Федора Алексеевича от 29 октября 1677 г.: «Беломестцев, которые живут на тяглых землях, а по договору тяглою с той земли не платят — и тех сводить!» (№ 707). Поэтому в Сибири в тягло возвращались также все записные с 1663 г. в пушкарки, *затинщики* (стрелки из крепостных пищалей) и беломестные казаки, но, поскольку последних оставалось еще много, их велено было перевести в городовую службу и драгуны. Предусмотрительное правительство даже повелело казакам сделать к мушкетам новые ложки для установки кремневых замков (вместо фитильных *жагров*), высылавшихся из Москвы¹⁹¹. Сибирские драгуны предназначались для защиты мелких поселений.

«Сыграли свою роль в защите северных границ и олонекские солдаты, обученные в 1649 г. князем Ф. Ф. Волконским в количестве почти 8 тысяч (еще тысяча была рекрутирована в Старорусском уезде). Однако опыт создания своего рода военных поселений, когда под ружье ставилось чуть не все трудоспособное население, оказался неудачен. Вопреки мнению авторитетного современного историка русской армии А. В. Чернова, правительство Алексея Михайловича не «освободило крестьян от солдатской службы»: в 1676 г. крестьяне-солдаты были челом Федору Алексеевичу о своем обнищании; 7 февраля 1679 г. царь еще приказывал их призывать, но 18 февраля и 7 апреля 1680 г., изучив докладную выписку, постановил отказаться от использования их в военных действиях и вместо службы брать сверх прежних рублевых и полтинных налогов по полтине с олонекского двора, грозя воеводе за поноровку «жестоким наказанием без всякой пощады»¹⁹².

Поскольку непривилегированные «*служилые по прибору*» получали казенное оружие и обмундирование, а во время действительной службы — жалование, они лучше обеспечивались казной в районах, почти постоянно находившихся на военном положении. Таких районов или *разрядов*, со сложившейся военно-территориальной организацией, к царствованию Федора Алексеевича было уже несколько. Самый старый, созданный еще в середине 1640-х гг. *Белгородский* разряд, по росписи 1677/78 г. включал 61 город с воеводским управлением, несколько крепостей и слобод «за чертой» и стоявший наподобие острова внутри территории разряда дворовый (царский) город Романов. Существовавшие с XVI в. раз-

ряды, такие как Береговой и Рязанский, были упразднены в связи с переносом границ, зато на западе возникли *Новгородский* и *Смоленский* разряды, с юга к ним примкнул выделенный из Белгородского *Севский* разряд, с востока Белгородский продолжился *Казанским* разрядом, а в Сибири были организованы *Тобольский*, *Томский* и *Енисейский* разряды.

Удобство разрядного управления состояло в том, что первый воевода каждого разряда являлся главой местной администрации в мирное время и командующим армией — в военное. При царе Федоре Алексеевиче южные и юго-восточные города получали имевшееся на более спокойных территориях полноценное воеводское и местное приказное управление (благодаря чему общее количество приказных изб в России возросло с 284 до 299). Поскольку же разряды по значению и территории значительно выходили за рамки старых уездов, то, например, белгородский воевода превратился в *разрядного* воеводу, а его приказная изба — в *разрядную* приказную избу, т.е. произошло делегирование на места части функций Разрядного приказа¹⁹³.

Далее, со стабилизацией состава и расположения полков входившие в разряды города превращались в города полковые и корпусные (генеральские). Например, в Белгородском разряде квартировали в соответствующих городах и носили их имена по рейтарскому и солдатскому полку в Курске, Белгороде, Козлове, Мценске и Ельце. Понятно, что местный воевода должен был иметь чин не ниже генерал-майора. Известны также рейтарские полки этого разряда: Обоянский и Ливенский; солдатские: Старооскольский, Яблоновский, Хотмыжский, Ефре-

мовский, Коротоякский, Усманский, Воронежский и Добренский; регулярные казахи: Ахтырский и Сумский. Это не значило, что полки были укомплектованы жителями одного города и уезда. Так случалось (например, Курский рейтарский полк), однако не всегда: например, в Яблоновском солдатском полку из 1011 солдат 443 были местными, остальные — из Усерда, Ольшанска и Острогожска.

Трудности комплектования регулярных полков правительство с середины XVII в. преодолевало массовыми «разборами» и мобилизацией людских ресурсов из центральных уездов; переводом на рубежи дворян и принудительным набором «даточных» крестьян, записывавшихся в пожизненную солдатчину. Земли вокруг укрепленных рубежей испокон веков были причиной постоянной головной боли правительства. Они требовали людей и ресурсов, из-за нехватки людей частенько приходилось приостанавливать там сыск беглых, норовивших записаться в городскую службу (пушкари, затинщики, воротники и т.п.). В свою очередь оттуда бежали «даточные», а сконцентрированное в полках дворянство нищало до полной потери социального лица.

Так, в результате смотров 1677—1679 гг. Федор Алексеевич обнаружил, что на одного дворянина и сына боярского в южных городах приходилось в среднем меньше одного тяглого двора; атемарские дворяне владели по 1 — 3 крестьянскому и бобыльскому двору. В центральных уездах положение было лучше, но в целом земельный голод вполне объяснял и оправдывал ощутимое стремление дворянства к военным захватам¹⁹⁴. Стоять на краю черноземов и быть нищими в виду бескрайнего Дикого поля из-за

какой-то там турецкой и татарской опасности — ей-богу, призыв к истребительной войне с полумесяцем падал на благодатную почву.

Чрезвычайно любопытно наблюдать, с какой последовательностью царь Федор Алексеевич, уклоняясь от экстремизма во внешней политике, принялся кардинально решать весь этот комплекс взаимосвязанных проблем. Среди его деяний справедливо выделяют *военно-окружную реформу 1679 г.*, представляющую собой всероссийский «разбор» военнослужащих, завершившийся составлением «Росписи перечневой ратным людям, которые в 1680 году расписаны в полки по разрядам».

Военно-окружная реформа

Отныне система военных округов охватывала и Центральную Россию: для комплектования и содержания приграничных округов, к которым, вместо упраздненного *Тульского*, прибавился *Тамбовский* разряд, — были созданы разряды *Московский* и *Владимирский* и восстановлен *Рязанский*. Таким образом, вся территория государства (черносошные крестьяне и промышленники северных уездов содержали выборных солдат) была организационно приспособлена к регулярной военной службе. Следует лишь уточнить, что разрядов было не 9, как считается с легкой руки А. В. Чернова, а 12 (три сибирских разряда не попали в «Роспись» 1680 г.). Впрочем, в начале 1682 г. их число сократилось до 11: маленький Тамбовский разряд был влит в Белгородский.

Разрядный приказ оставался главным центральным военным ведомством — своего рода министерством обороны (поэтому Федор Алексеевич временно поставил его над другими приказами, № 677). Управление вооруженными силами дальних окраин осталось в территориальных приказах: *Сибирском*, *Казанском* и *Малороссийском*. 7 ноября 1680 г. царь Федор Алексеевич объединил управление *Разрядным*, *Рейтарским*, *Пушкарским* и *Иноземным* приказами (последний ведал солдатами) в руках одного человека — князя М. Ю. Долгорукова, отец которого возглавлял *Стрелецкий* приказ. 12 ноября государь издал развернутый именной указ о распределении военного управления (№ 844), которым снимались последние противоречия в связи с осуществленной военно-окружной реформой: отныне Новгородский, Смоленский, Большого дворца и иные приказы (кроме названных) полностью теряли военные функции и не должны были мешать деятельности разрядных командиров¹⁹⁵.

Социальное значение военно-окружной реформы было заложено в инструкции «разборщикам» ратных людей. Федор Алексеевич считал, что числиться в «полковой» (*действительной*) службе могут лишь ратные люди регулярных полков (стоявших в пограничных разрядах), причем дворяне — в коннице, «служилые по прибору» — в пехоте. Возможно, драгуны пострадали именно потому, что не вписывались в эту четкую систему. Городовая служба — как дворянские сотни, так и городовые стрельцы, казаки, пушкари, воротники, затинщики — старательно искоренялась: всех годных к строевой службе велено было писать в полки. Недворян брали в солдаты, но поскольку тем надо было платить жалованье, а

многие люди городской службы служили без него, с земель, в качестве переходной меры государь позволил части их служить через год: год в городской службе без жалования, год в полковой на солдатском содержании.

Московские стрельцы, давно превратившиеся в гвардию (ср. № 791), посылавшиеся как ударные войска чуть не во все походы и поддерживавшие свою честь в кампаниях 1677—1678 гг., были сохранены. Однако и их организация подверглась изменениям. Старинные стрелецкие *приказы* были слиты в тысячные полки, головы переименованы в полковников, полуголовы — в подполковников, сотники — в капитанов (№ 819). *Выборные солдаты* к концу царствования Федора Алексеевича, как гвардия, квартировали под Москвой в Бутырках.

Производя генеральную запись в солдаты, правительство не упустило возможности разобратся с беглыми. Прежде всего Федор Алексеевич отменил указ своего отца о запрещении выдачи беглых крестьян и холопов, записанных в ратную службу и «надобных к походу»: по мнению нового государя, военная опасность не должна была препятствовать возвращению крепостных владельцам (1676). С набором даточных (1678) начались их побег и соответственно сыск, массово проведенный (по переписям) в 1678 и 1680—1681 гг.¹⁹⁶

Разбор конницы состоял в выписке из нее всех недворян в солдаты; с частью обедневших дворян и детей боярских, не способных к службе в рейтарах и копейщиках, поступали также — это был необходимый элемент *очистки дворянского сословия* от деклассированных лиц. Взамен в регулярные полки

вливалась масса призываемого на обязательную службу дворянства из центральных уездов.

В целом по девяти разрядам (не считая Сибири) полученная царем Федором итоговая роспись показала 61 288 солдат в 41 полку (37% численности армии), 20 048 стрельцов в 21 полку (12%), 30 472 рейтара и копейщика в 26 полках (18,5%), 14 865 казаков в 4 полках (9%). В старинной дворянской сотенной службе оставалось 16 097 человек (10%) — из них к Государеву двору относилось 6 385 человек, остальные, видимо, служили от городов по выбору или еще не были разверстаны в полки. Дворян сопровождало 11 830 военных холопов (7,5%), еще 10 тысяч конников было набрано из даточных (6%) в явном противоречии с идеей сословного разделения конницы и пехоты.

Видимо, составителям росписи тоже показались странными эти результаты, за счет дворянской и даточной конницы дающие ей превосходство над главной ударной силой кампаний 1677—1678 гг.: пехотой (51% конных и 49% пеших). Пересчитав ратных людей без Московского разряда, получили иную картину: 43 908 конных рейтар и драгун, 76 158 стрельцов и солдат и 14 865 казаков в полках. Иными словами, в основном составе армии пехоты было в полтора (а без казаков — почти в два) раза больше, чем конницы. В то же время роспись 1680 г. настоятельно требовала от Федора Алексеевича заняться Московским разрядом — последним бастионом старого дворянского ополчения.

Учитывая, что, согласно «Росписи перечневой» 1680 г., гетман Самойлович должен был выставить в поле ровно 50 тыс. казаков, Российское государство имело одну из самых больших армий в христианской

Европе. Памятуя, что парад всегда дешевле войны, Федор Алексеевич старался максимально продемонстрировать это супостатам. Уже в походе 1679 г. участвовало 400 (!) орудий, а в 1680 г. В. В. Голицын вывел на рубежи 129 300 русских ратников (52,5% солдат и стрельцов, 26,5% рейтар, 8% казаков и столько же дворянских ополченцев), то есть всего перед султаном и ханом маячило чуть не 180 тыс. воинов, до зубов и самым современным образом вооруженных¹⁹⁷.

Наступление на Дикое поле

В. В. Голицын имел целью убедить «агарян» отказать от мысли о большой войне. Но чтобы удержать от стремления к ней собственное воинство, царь должен был хоть частично удовлетворить запросы дворянства из наличных земельных запасов. И таковые имелись: дворянство заглядывалось на дворцовые владения, составлявшие по переписи 1678 г. 88 тысяч крестьянских дворов, тогда как все вместе бояре, окольниковичие и думные дворяне владели 45 тысячами дворов. Еще более лакомыми выглядели церковные владения, в которых числился 116 461 двор! За одним патриархом было более 7 тыс. дворов, тогда как самый богатый боярин имел около 4600 дворов, а боярин в среднем — всего 830 (окольниковичий — 230, думный дворянин — 150 и т.д.)¹⁹⁸.

Федор Алексеевич, как и полагается мудрому монарху, нашел компромиссный выход в освоении уже занятого войсками участка Дикого поля. Он не сделал здесь открытия, но проводил свою политику настойчиво и последовательно. Уже 3 марта 1676 г.

молодой царь слушал с боярами докладную выписку о реализации указов Алексея Михайловича от 21 июня 1672 г. и 2 мая 1673 г. о раздаче церкви и «всяких чинов служилым людям для хлебного по-полнения» земель на *ближних* южных рубежах. По дворянскому челобитью Федор Алексеевич указал удовлетворять нужды служилых в земле также и свободными землями *дальних*, наиболее важных в военном отношении городов юго-запада (№ 632).

14 апреля 1676 г. государь вновь вернулся к указу 1672 г., по которому обещались очень большие поместные прибавки московскому дворянству (боярам — по 1000 четвертей, окольниковичим — по 800 и т.п., даже стрелецким сотникам и сокольникам по 100), и дополнительно разрешил «в украинных городах из диких полей продавать в вотчину, а брать за четверть по полтине» (т.е. чуть не даром) — до половины прибавки к окладам (№ 638).

18 августа 1676 г. за боевые подвиги под командой князя Г. Г. Ромодановского все дворянство Севского полка (вплоть до служивших в солдатах и казаках) было пожаловано поместными окладами и деньгами (№ 658). 11 марта 1677 г. этот именной указ был расширен боярским приговором об отдаче дворянам пограничных городов в поместья тех земель, на которых они поселились (№ 682). Пожалование дикими полями частенько превосходило оклады дворян — посему, рассмотрев доклад, царь и бояре приговорили наделять землями по новым указам, а не по окладам, и сохранить систему продажи половины поместий в вотчины по полтине за четверть (№ 690, 4 мая 1677 г.).

В сочетании с указами о сыске беглых (№ 768 и др.) крепостническое землевладение в царствова-

ние Федора Алексеевича сделало решительный шаг на юг¹⁹⁹. Правительство неоднократно с удовлетворением отмечало рост «хлебного пополнения» — поток товарного зерна с юга оживлял торговлю. Уже в 1678 г. крестьянское население южной границы достигало 470 тысяч человек (в 1646 г. было около 230 тыс.) прежде всего благодаря государственной политике освоения и защиты земель²⁰⁰.

Крупнейшим мероприятием царя Федора было *возведение Изюмской черты*, отодвинувшей укрепленную границу в западной половине старой *Белгородской черты* на 150 — 200 км к югу и защитившей от татарских вторжений территорию в 30 тысяч квадратных километров²⁰¹. Разумеется, государь не прочертил ее на карте указательным перстом: замысел капитального сооружения рождался постепенно и история Изюмской черты хорошо иллюстрирует роль Федора Алексеевича в работе государственного механизма.

Все началось с пролома в Белгородской черте восточнее Нового Оскола, сотворенного ханом Селим-Гиреем в 1673 г., когда тот по приказу султана бросил «весь Крым» на русскую границу. Татарам особо поразбойничать не дали, но потом «проломное место» так и не заделали, отвлекшись боями на Правобережье и под Азовом. Разрядный приказ обратил внимание на пролом только в 1677 г., когда во время Чигиринской кампании Мурза Ахмет-ага проскочил через «обожженный вал» и взял в «полон» 525 человек в Новооскольском и Верхососенском уездах. Вторую попытку татар прорваться в том же году сурово пресекли ратники П. И. Хованского, но Разряд поручил ему разобраться: надо ли исп-

равлять старый вал или строить новые укрепления южнее?

Местные знатоки советовали построить деревоземляные укрепления впереди Новооскольского вала по большой дуге: г. Усерд — Валуйский лес — г. Новый Оскол. Сие и велено было исполнить царским указом, хотя неизвестно, насколько Федор Алексеевич вслушивался в это одно из текущих дел. В 1678 г. временный воевода Белгородского разряда (оставшийся в отсутствие Г. Г. Ромодановского на рубеже) должен был стоять именно в Новом Осколе и строить передовые укрепления силами служилых людей. Военная обстановка, однако, позволила начать строительство только в 1679 г.

К этому времени царь проникся значением укрепленных линий. 25 июня 1678 г. Федор Алексеевич и бояре пришли в ужас, слушав докладную выписку о состоянии старых засечных черт, которыми ведал Пушкарский стол Рейтарского приказа²⁰². Славные некогда засеки — Тульская, Веневская, Каширская, Рязанская, Ряжская, Шацкая, Козельская, Перемышльская и Лихвинская (532 версты с 32-мя воротами) были еще с 1640-х гг. перекрыты выдвинутыми далеко на юг Белгородской и Сызранской укрепленными линиями, тянувшимися от Ахтырки до Симбирска.

Понятно, что сторожей у старых засек почти не стало, зато покрылись они мирными поселениями, нанесшими заповедным местам столь значительный урон, что, согласно докладу, «со 171 (1662/63) по нынешний по 186 (1678) год за засечные порухи доведется взять пени 57 520 рублей, кроме того, что в некоторых местах посеченных деревьев и сметить нельзя». Приказные, констатировав непопра-

вимую «поруху» засек, вопрошали: следует ли вообще ими заниматься и не снять ли дозорщиков?

Федор Алексеевич и бояре были в этот момент особо озабочены событиями у Чигирина и указали сурово: все «дозреть и описать полностью», вторгшиеся в засеки села и деревни отписать на государя и всех жителей бросить на восстановление укреплений, «чтобы в том засечном деле никого в избытках не было»; где леса сведены совсем — «сделать земляной вал и рвы, и надолбы, и иные крепости, какие пристойно».

Суровость указа была чрезмерной: повелевалось «помещиковым и вотчинниковым людям и крестьянам за те засечные порухи чинить жестокое наказание — бить кнутом в городах в торговые дни при многих людях, чтоб на то смотря иным также не повадно было в засеки ходить; ...а коли те люди... вновь начнут в засеках какие порухи творить — и им за то быть казненным смертью!».

Выразив таким образом готовность биться с «агарянами» хоть на старых засеках, царь Федор в итоге все же снизил цену за *поруху* засеки (сравнительно с указом 1663 г.), сторожей положил оставить по росписи 1638 г. (!) и повелел «до его государева указа сошных людей к засекам с оружием... никого не брать и убытки и налоги им не чинить». Это был уже нормальный голос государя, понимавшего, что благодаря строительству более далеких рубежей засеки-ветераны превратились в совершенно мирное место.

Многочисленные частные распоряжения Федора Алексеевича свидетельствуют, что он внимательно следил за развитием событий на юге в 1679 г., когда армия М. А. Черкасского должна была лишь удер-

живать турок от войны. Стремление не усугублять конфликт было настолько явным, что порывистого генерала Г. И. Косагова с его лихим корпусом (рейтары полковников М. Гопта и Ф. Ульфа, Сумский и Ахтырский казачьи и Яблоновский солдатский полки) оставили в тылу, на Белгородской черте. Вообще на черте осталось более 16 тысяч из подвижных войск Белгородского разряда, так что многочисленные орды татар даже не пытались к ней подойти (правда, ратники Косагова нашли и побили их в степи).

Указ использовать на строительстве новых укреплений с 1 сентября 1679 г. не только мобилизованное местное население, но и регулярные полки, явно был санкционирован свыше: вряд ли подписавший эту разрядную грамоту дьяк Ф. Л. Шакловитый (будущий фаворит царевны Софьи) при своем хитроумии пошел бы на резкий конфликт с воеводами Я. С. Борятинским и Г. И. Косаговым, заставляя их буквально рыть землю. Первый свернул работу в октябре, когда люди разбежались из-за дождей и морозов. Косагов увел свой корпус еще раньше и сказался больным, однако события следующего года изменили его отношение к строительству.

В январе 1680 г. хан Мурат-Гирей провел орду Муравским шляхом, погромил Харьковщину и пограбил земли в степях «за чертой». Крымчаки, видя воевод спокойно стоящими на черте, обнаглели до того, что подходили к полевым городкам Ахтырского и Сумского полков и даже к Белгороду. С другой стороны, украинцы с той стороны Днепра, в большом числе бежавшие на Левобережье «от войны турецкого султана и крымского хана», просились жить на русской, а не гетманской территории. 5 марта

1680 г. Федор Алексеевич указал и бояре приговорили поселить их перед чертой и пока не обременять ничем, а вскоре указано было строить новую черту дальше на юге.

Строительство началось силами русских войск, причем его предписывалось держать в строгой тайне, чтобы татары думали, что Москва готовит поход на Крым. На строительстве особо отличился Г. И. Косагов, получивший (сравнительно с главным воеводой П. В. Меньшим Шереметевым и воеводой А. С. Опухтиным) самый длинный передовой участок. Мало того, что генерал закончил работу раньше других, да еще соорудил остроконечные выступы вала в Дикое поле (для фланкирования огня): уже к 20 июня он составил «Книги описные и мерные новой черте» и предложил свой, более радикальный план ее завершения.

Косагов считал необходимым продвинуть черту дальше на юг (чтобы не оставлять в поле «за крепостями» уже существующие города). Генерал указал на военно-инженерные преимущества своего плана черты, на острие которой был бы возведен город «Великой Изюм», и на стратегическое удобство выдвинутого в Дикое поле огромного клина укрепления, не только пересекающего татарские шляхи, но подтягивающегося почти к г. Тору и его соляным промыслам. В направленных воеводе П. В. Шереметеву 20 и 22 июня документах Косагов доказывал, что ему нужно лишь 10 тысяч пополнения, чтобы «все дело» закончить за лето.

Шереметев, по воеводскому обыкновению, ответил, что строительство 1 сажени (более 2-х метров) вала следует поручать одному, а не пяти человекам; что же касается «другой черты» и пополнения —

это как царь «учинит»! К сожалению, царского указа по этому поводу не удалось обнаружить в разбросанных по разным архивным фондам и не полностью сохранившихся документах. Однако, судя по тому, что Косагов продолжил строительство *по своему плану*, а в указе царя с боярским приговором от 14 августа (всем воеводам «за валовое дело с милостивым словом и похвалою», по которому строители были отпущены по домам) ничего об изменениях не говорится, распоряжение Федора Алексеевича было получено.

Воевода П. И. Хованский, назначенный царским указом от 17 августа 1680 г. для продолжения работ силами 21 638 чел. «с великим поспешением», в основном завершил укрепления к концу сентября. Косагов находился поблизости, «в степи, на вершинах Козинских», и в ходе работ присоединился к Хованскому; *черта была построена по его проекту*. Судя по распоряжениям Федора Алексеевича об обороне границы, он еще в октябре недостаточно представлял себе конфигурацию и мощь новой черты, что неудивительно, поскольку Разрядный приказ не подал ему подробный отчет о строительстве, а «стрельные книги и чертеж новой черты» были получены в Москве 21 ноября 1680 г.

Царь лишь взял на себя ответственность одобрить инициативу генерала, которого хорошо знал и которому доверял во всем, за исключением хитроумных военных демонстраций в ходе переговоров с неприятелем. При спешном продолжении работ для царя были бы ошибочны и отсылка Косагова к местному начальству, и стремление самолично разобраться в деталях его предложений. Было бы весьма трудно закончить сооружение вала на сотни километров, с

толщиной в подошве до 8,5 и высотой до 7 м, со рвом до 5,3 м шириной и 6,4 м глубиной, с десятками крепостей — в наступившее с января 1681 г. перемирие силами одних крестьян.

Вот только риторика нет-нет да и подводила Федора Алексеевича. Его рассуждения о «всенародное пользе», «мирном и прибыльном прибывании» и справедливости следовало воспринимать с уточнением: *в рамках феодального государства*. А крепостные крестьяне Новосильского уезда поняли так, что, коли царь сделал безопасным огромный участок Дикого поля *для всех*, значит, «велено им, крестьянам, дать всем свободу, и выходить им из-за помещиков своих и вотчинников сентября до 1 числа 1680 года». Движение быстро распространилось на южные районы Белгородской черты — и вот уже толпы крестьян, «покинув дома свои, а иные села и деревни, в которых они жили, помещиков своих дворы пожгли» и пошли на новые земли Изюмской черты, объявляя, как доносили воеводы, «будто по твоему, великого государя, указу дана им воля и льгота на многие годы!».

28 июня Федор Алексеевич разослал по городам Белгородской черты указ «воров переимать всех», по двое от каждой группы повесить, остальных бить кнутом; над неповинуящимися «промышлять боем». Прорвавшихся в Изюмскую черту беглых «победил» полковник Т. Альбрехт с московскими стрельцами. Московское правительство, в 1630-х гг. записывавшее беглых даже в пограничные дворяне, а в 1675 г. не хотевшее выдавать их с границы, теперь имело возможность круто изменить политику на южных рубежах в интересах дворянства.

И в мирное время государь продолжал заботиться о новой черте. В 1681 г. были построены стены и башни замка и двух колец укреплений Изюма (всего на 3740 м), причем руководитель строительства Г. И. Косагов возвел одну из башен на свои деньги. 26 февраля 1682 г. генералу было поручено поставить на черте новые крепости, но вскоре после смерти Федора Алексеевича он был отозван и работы приостановлены, хотя укрепления уже показали великую пользу в отражении татарских набегов, не прекращавшихся ни в военное, ни в мирное время.

Разумеется, правительство В. В. Голицына, двигавшее крепости еще дальше в Дикое поле с намерением блокировать и со временем привести в подданство Крым, поддерживало Изюмскую черту, но уделяло большее внимание завершению *Новой черты*: от Верхнего Ломова через Пензу на Сызрань. Там тоже по завершению строительства (1676—1684 гг.) стремительно росло население и также особенно быстрыми темпами развивалось крепостничество. Вольные поселенцы предпочитали уходить за царские укрепления, в места опасные, но «привольные». Г. И. Косагов писал на этот счет кратко: «В прежних городках по Новой черте люди не пребывают от воеводского крохобочества: без милости бедных людей дерут»²⁰³.

Сам государь не был крохобором и широко жертвовал своими владениями. Если при его отце за тридцать лет было роздано 13 960 дворов дворцовых крестьян, то при Федоре за шесть лет — 6274 двора. Эти земли шли в основном в награду отличившимся высшим думным чинам. Например, признавая экстраординарные заслуги В. В. Голицына, царь пожаловал ему 2186 дворов, что выдвинуло князя в

группу богатейших людей страны (в 1678 г. весь род его имел 3541 двор). Однако раздачи дворцовых владений при Федоре выглядят ничтожными по сравнению с вакханалией правлений Софьи и Нарышкиных, когда за 17 лет (1682—1699) было пожаловано более 24 тысяч дворов, причем одни Нарышкины получили более 6500 дворов, «заслужив» их исключительно благодаря системе фаворитизма²⁰⁴.

Глава пятая ЦАРЬ И ЕГО ДВОР

Если при Федоре Алексеевиче в богатстве выдвинулись люди типа В. В. Голицына и Ромодановских, то после него богатели преимущественно царские родственники и фавориты: Милославские, Лопухины, Апраксины, Салтыковы, Хованские, Стрешневы, Б. А. Голицын и др. Не столь резко сказывался при нем *фаворитизм* и в распределении административной власти между знатнейшими родами.

Экспессы, разумеется, были. Царский родственник Иван Михайлович Милославский в безумной погоне за властью к началу 1679 г. взял в свои руки руководство 10-ю центральными ведомствами: Большим приходом, Большой казной, Новой, Владимирской, Галицкой и Новгородской четвертями, Иноземным, Рейтарским, Пушкарским и Казенным

приказами. Но продержался недолго. К концу года он потерял большинство постепенно приобретаемых должностей, в конце следующего — Иноземный и Рейтарский приказы, но не был устранен от участия в делах, как обычно бывало при падении временщика. Милославский сохранил важный приказ Большой казны, был вхож во дворец, заседал в Думе, и царь время от времени поддерживал его престиж, поручая объявлять свои указы.

Для сравнения следует вспомнить, что отец и сын Долгоруковы контролировали 7 в основном военных приказов, клан Хитрово до смерти 27 марта 1680 г. его главы Богдана Матвеевича держал в руках чуть не все дворцовое ведомство (6 приказов), в то время как могущественнейшие роды как бы не интересовались этим. Одоевские, например, ведали всего двумя приказами, а Голицыны некоторое время одним (Пушкарским), поскольку князь Василий Васильевич интересовался артиллерией.

Ближние люди

По дворцовым разрядам, в которых перечислены участники 39 загородных царских походов, хорошо видно, как менялись личные симпатии Федора Алексеевича. Неизменным и наивысшим его расположением пользовались трое: сравнительно молодые, лично им пожалованные в бояре князья В. В. Голицын и М. Г. Ромодановский, бывавшие в ближней свите всякий раз, когда возвращались из дальних походов (по 15 раз), и известный нам И. Б. Хитрово. Старого дядьку князя Ф. Ф. Куракина царь звал с собой часто (13 раз), но год от года все реже.

Это была большая честь, поэтому все знатные роды хоть по разу «отметились» в свите, но редко кто бывал в ней более двух-трех раз. По шесть раз приглашались не замеченные в политических интригах князья И. А. Воротынский и В. Д. Долгоруков, по семь — молодые князья Ю. П. Трубецкой, Н. С. и Ф. С. Урусовы, восемь раз — столь же далекий от придворной борьбы князь С. А. Хованский. Но если последний равномерно приглашался каждый год, то Урусовы попали в царскую компанию только в 1680 г. и стали явными фаворитами: Федор Алексеевич звал их в тот год гораздо чаще других.

Глава клана Урусовых князь Петр Семенович 6 раз появлялся в ближней свите в 1679 г. и столько же — в 1680 г. (итого 12 раз). Это было очень много — даже *кравчий с путем* Василий Федорович Одоевский, к которому был неизменно расположен государь, приглашался в походы всего 9 раз за все годы. На тот же, 1680 г. приходится охлаждение Федора Алексеевича к ряду деятелей: ни разу не появляются терявший власть боярин И. М. Милославский (до того отмеченный 10 раз), покинувший Сибирский приказ боярин Р. М. Стрешнев (ранее — 9 раз) и весьма возвысившийся в это время боярин князь М. Ю. Долгоруков (ранее — 11 раз). Урусовы, кстати, получили тогда один Пушкарский приказ — не престижный и не доходный. Так что если личные симпатии Федора Алексеевича и были связаны с властолюбием фаворитов, то изредка и слабо.

Не вдаваясь в детали, отмечу, что изучение состава всей царской свиты (до думных дворян) показывает, что с годами сокращается и стабилизируется круг близких Федору Алексеевичу лиц, почти прекращается родственный протекционизм и поли-

тические симпатии уступают личной дружбе. Царь сумел отстоять от высшей знати свое время отдыха (хотя и брал в походы дьяков — дела есть дела). Более того, вопреки устоявшейся традиции даже его женитьба не явилась результатом политических интриг!

Федор Алексеевич поступил столь экстравагантно для российских самодержцев и о его женитьбе ходило столько слухов, что удивляюсь, как никто не сказал, что он взял за себя сироту, чтобы не обогащать новых родственников (как было в обычае и чего царь действительно избегал). В любом случае история, лучше всех рассказанная В. Н. Татищевым, заслуживает упоминания. Все началось с участия государя в крестном ходе, что он проделывал постоянно и старательно (впрочем, это была его царская обязанность)²⁰⁵.

Дело было, видимо, весной или в начале лета 1679 г. — это не важно. Существеннее, что Федор Алексеевич был не вполне сосредоточен на возвышенном (мы уже видели его в монастыре стреляющим из лука и решающим государственные дела). Иначе он не проявил бы жгучего интереса к одной из девиц в толпе зрителей. Как человек решительный, царь не дал чудному видению пропасть — немедленно велел одному из постельничих (по Татищеву, это был Иван Максимович Языков) «о ней, кто она такова, обстоятельно осведомиться».

Как извернулся постельничий, тайна велика есть — но доложил государю, что это Агафья Симеоновна, дочь смоленского шляхтича Грушевского, живет сиротой в доме родной тетки, жены *думного дьяка* Заборовского. Здесь Татищев заблуждается: Семен Иванович Заборовский был пожалован в думные дья-

ки еще в 1649 г., в думные дворяне — в 1664 г., а с 1677 г. был уже *окольным* — разница не малая²⁰⁶. Так же историк ошибся, уверяя, что вся интрига была подкопом под Милославского (который пострадал дважды, но за несколько месяцев *до* и несколько месяцев *после* событий), и потому, возможно, преувеличивает роль Языкова, выдвинувшегося на первые роли позже: у Федора Алексеевича хватало и других доверенных приближенных.

Как бы то ни было, условно названный Языков в тот же день был отправлен в дом Заборовского, увидел девицу, обстоятельно все разузнал и доложил государю. Оставшаяся неизвестной Татищеву история девицы была проста. Грушевские, как и Заборовские, издавна служили частью в Речи Посполитой, частью в России. Отец Агафьи одно время управлял имениями литовского магната Михаила Паца (известного Федору Алексеевичу политика), затем служил пану Андрею Заборовскому, с помощью его московского родственника переехал в Россию, по обычаю отдав дочь на воспитание более знатному свойственнику, за коего выдал сестру. Ничего подозрительного в истории сей не обнаружив, Федор Алексеевич вскоре велел Заборовскому объявить, «чтоб он ту свою племянницу хранил и без указа замуж не выдавал».

Некоторое время это явное свидетельство о намерениях царя оставалось в тайне: государь размышлял, как подготовить родственников. Царевны-тетки и царевны-сестры, видимо, были в восторге: брату давно пора было жениться, так лучше, если новая царица будет не из какой-либо придворной партии. А вот Милославский действительно мог упереться, но не подозревая происки слишком мелких

для него тогда Языкова и А. Т. Лихачева, а имея в виду другую кандидатуру, из которой хотел извлечь личную пользу. Ведь сам Татищев упоминает, что временщик одобрил идею брака, но предложил «иных персон».

Взяв «время уведомиться», Милославский якобы сказал царю по-русски прямо: «Мать ее и она в некоторых непристойностях известны!» Федор Алексеевич впал в великую печаль, кушать перестал, наконец приближенные узнали причину. Языков и Лихачев немедленно поехали с царского изволения к Заборовским и предложили лучше сразу сказать правду «о состоянии» невесты, чем рисковать жизнью. Все пригорюнились, «каков стыд о таком деле девице говорить», однако Агафья, «узнав, что напрасная на нее некая клевета причину подает, сказала дяде, что она не стыдится сама оным великим господам истину сказать. И по требованию их выйдя, сказала, чтоб они о ее чести ни коего сомнения не имели и она их в том под потеряннем живота своего утверждает!»

Потрясенные откровенностью заявления, посланцы тем не менее поверили и, просияв, бросились к государю. Тот возрадовался, но решил еще раз проверить свои чувства. Выехав на прогулку в Воробьево, царь прогарцевал мимо двора Заборовских, якобы случайно увидев Агафью в чердачном окошке. Дело было решено. Вскоре, точнее — 18 июля 1680 г., он довольно скромно сыграл свадьбу, уведомив страну о своей радости лаконичной окружной грамотой²⁰⁷.

При дворе обычных для таких случаев перестановок не произошло. Правда, Татищев рассказывает, что Федор Алексеевич запретил Милославскому ез-

дить ко двору, и великодушная царица еле упросила супруга простить боярина, «рассудя слабость человеческую». Но однажды Милославский, доставляя по должности своей царице соболей и материи, был застигнут государем в подозрительном темном месте. Царь принял его ношу за личные подарки и разъярился: «Ты прежде непотребной ее поносил, а ныне хочешь дарами свои плутни закрыть!» Милославский был выгнан из дворца в шею и чуть не попал в ссылку, однако дело прояснилось Языковым и Лихачевым, которые почему-то выступили его заступниками. В документах ничего даже косвенно подтверждающего это не отмечено, и скорее всего, Татищев передает еще одну романтическую легенду²⁰⁸.

Производства в чины и раздачи наград в честь свадьбы не было. 11 июля 1681 г. Федор Алексеевич объявил стране о рождении царицей Агафьей Симеоновной царевича Илии Федоровича (№ 877 — первым, как и о браке, известив В. В. Голицына), а уже 14-го числа разослал необычно подробную грамоту о смерти и погребении своей супруги, на котором не присутствовал в горести (№ 878). Напрасно Сильвестр Медведев спешно переделывал радостную поэму, чтобы почтить одного царевича Илию — утром в четверг 21 июля младенец скончался; государь был в походе, поэтому погребение состоялось только в субботу²⁰⁹. Для Федора Алексеевича характерно, что именно теперь он проявил свою благодарность С. И. Заборовскому: 20 июля тот был произведен в бояре (незадолго до кончины), 15 августа его родич Сергей Матвеевич был пожалован в думные дворяне, а на следующий день И. М. Языков — в окольничие (боярином он стал позднее).

Второй брак и временщики

Еще более скромнен был второй брак государя с Марфой Матвеевной Апраксиной. Отец невесты — свойственник И. М. Языкова Матвей Васильевич Апраксин — не получил даже младшего думного чина, братья стали, по обычаю, комнатными стольниками, не более. О выборе супруги Федор Алексеевич объявил 12 февраля 1682 г., 15-го была скромно сыграна свадьба, без обычного чина и при запертом Кремле. Царь был уже очень болен, и лишь 21-го сумел принять придворных, гостей и посадских с подношениями, 23-го царь и царица дали свадебные «столы»²¹⁰. Сильвестр Медведев тепло поздравил новобрачных, уподобляя царя Геркулесу, Александру Великому, Титу, Августу, Соломону, Константину Великому.

Радуйся царю, от Бога избранный,
От него же нам, россиянам данный! —

восклидал поэт, уверяя:

Ничто в мире лучше, яко глава
Крепкого тела, егда умна, здрава²¹¹.

Глава была умна, но не здрава. До сей поры Федор Алексеевич и болея не выпускал из рук государственных дел, хотя временами был на грани смерти. Согласно донесениям нидерландского резидента Келлера, сильнейшая болезнь свалила царя в январе 1678 г., среди военных приготовлений. Вообще ослабленный зимой, Федор Алексеевич так простудился на крещенском водосвятии, что доктора

отчаялись, Дума, забросив дела, размышляла о престолонаследии. Однако государь пересилил болезнь и 10 мая ослепил великих послов Речи Посполитой роскошью и величием, которое, «к удивлению присутствующих, превосходило его возраст».

Демонстрируя выздоровление, Федор Алексеевич всенародно отпраздновал именины, а 7 августа самолично произнес перед послами речь по случаю ратификации мирного договора в хоромых, где свод был расписан «небесными созвездиями с зодиаком и течением планет», а стены увешаны французскими шпалерами «с изящными изображениями римских сражений»²¹². Зимой 1682 г. царь также надеялся на выздоровление, но оказался прикованным к постели настолько, что не мог контролировать исполнение своих распоряжений.

В феврале, марте и апреле 1682 г. правительство продолжало функционировать, но роль вхожих в комнаты больного *ближних людей* необычно повысилась — об этом с гневом или одобрением пишут все современники. Их влияние не касалось крупных государственных распоряжений, но стало ощутимо. Сторонник Матвеевых (если не сам граф А. А. Матвеев) уверяет, что благодаря ближним людям было изменено отношение царя к ссыльному временщику. За прозябавшее в Мезени и заваливавшее первых лиц Москвы жалобами семейство Матвеевых вступилась новая царица и ее братья-стольники, боярин и *оружничий* Иван Максимович Языков, «глубокий прежде площадных, потом и придворных обхождений проникатель» *постельничий* Алексей Тимофеевич Лихачев и его брат *стряпчий с ключом* Михаил. По словам сторонника Матвеевых, они стали «силь-

ным орудием к оправданию совершенной невинности тех оклеветанных»²¹³.

Братья Лихачевы и Языков выдвинулись по дворцовому ведомству. Языков с 1671 г. служил в Судном дворцовом приказе, при восшествии Федора на престол был пожалован в думные постельничие (хотя в Думе не заседал) и возглавил Царскую мастерскую палату с товарищем своим стряпчим М. Т. Лихачевым. С 16 августа 1680 г., получив чин окольничего, Языков стал руководить Оружейной, Золотой и Серебряной палатами, оставив Царскую мастерскую палату братьям Лихачевым. Федор Алексеевич, и без того любивший «художества», в это время особенно активно интересовался работой своих мастеров, чем и объясняется его сближение с распорядительными администраторами, на лету ловившими его мысли. Языков был пожалован в бояре — честь достойная царского оружничего, но Лихачевы при Федоре так и не получили думных чинов²¹⁴.

Поскольку Языков занял должности, принадлежавшие раньше умершему Б. М. Хитрово (но не непосредственно, а после В. Ф. Одоевского), сторонник Матвеевых заключил, что Языков, Лихачевы и Апраксины «положили жестокую бразду» клану Хитрово и И. М. Милославскому. Это преувеличение, как преувеличено и значение «реабилитации» Матвеевых: царь просто освободил их из-под надзора и позволил жить в г. Лух — в Москву они были вызваны лишь после его смерти. Напомню, что в то же время Федор Алексеевич освободил из заточения в Кирилло-Белозерском монастыре глубоко уважаемого им патриарха Никона,

разрешив тому жить в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре.

Против этого царского желания долго и упорно возражал патриарх Иоаким, положение Никона при Федоре в первые годы даже ухудшилось, но смертельно больной царь проявил особую твердость — и это милосердное деяние не приписывается придворным интриганам. В то же время, после долгого заточения, был сожжен протопоп Аввакум, ужаснувший Федора Алексеевича кроважадным фанатизмом — вплоть до выражения надежды на уничтожение «никонианской» Москвы турками, — и это распоряжение почему-то не приписано Языкову и Лихачевым²¹⁵.

Более серьезное обвинение против И. М. Языкова выдвинул Сильвестр Медведев, писавший о начавшихся зимой 1682 г. распрях в верхах и недовольстве народа правлением, не контролируемым больным Федором Алексеевичем. От сетований на то, что великие и малые начальники «мздоимательством очи себе ослепили», волнение народа переходило в гнев «от налогов начальнических и неправедных судов». В частности, когда стрельцы одного московского полка пожаловались государю на полковника, вычитавшего у них половину жалованья, и царь приказал провести расследование, именно Языков, «по наговору полковников стрельцких, велел о том розыск учинить неправедный и учинить челобитчикам, лучшим людям, жестокое наказание».

Языков вполне мог исказить смысл устного царского распоряжения или даже высказаться по этому мелкому вопросу от имени царя, но Медведев преувеличивает, называя его «первым государским со-

ветником» (это позволяет ему отвести обвинения от В. В. Голицына и других первых лиц Думы), а позднейшие историки усугубляют эту ошибку, говоря о «правительстве во главе с Языковым». Думаю, напрасно одному Языкову приписывается более трезвая реакция на вторую, общую челобитную стрельцов 23 апреля, когда правительство вынуждено было начать следствие о злоупотреблениях полковников.

Обвинение против Языкова поддерживает датский резидент Бутенант фон Розенбуш: тот будто бы неправильно информировал о просьбе стрельцов главу Стрелецкого приказа Долгорукова, а при наказании стрелецкого ходатая заявил, что это делается по царскому указу. Механизм поступка Языкова в общем понятен, тем более что все повести о начале Московского восстания 1682 г. упоминают о несправедливом следствии, проведенном *вопреки* справедливому царскому указу (только обвиняют не Языкова, а вообще начальство или дьяков Стрелецкого приказа)²¹⁶.

Любопытно, что народ, поднявшийся после смерти Федора Алексеевича на открытое восстание, тоже старательно преувеличивал роль «временщиков», отводя даже тень обвинений от государя — высшего защитника *всенародной правды*. В. И. Буганов и ряд других историков доказали, что восстание посадских людей в Москве во главе со стрельцами и солдатами, распространившееся в 1682 г. и на другие города России и Украины, было обусловлено общим ухудшением их положения, а не только новейшими несправедливостями, ставшими искрой для взрыва недовольства.

Принципиально важно для нас другое: восставшие, в первую очередь стрельцы и солдаты гвардии,

отстаивали те же идеи, что декларировал царь Федор Алексеевич: общая для всех правда, одинаковая государственная важность всех сословий, равное правосудие и т.п. Именно смерть великого государя и полное недоверие к верхам дворянства и Церкви, неспособных отстаивать общие интересы, стали спусковым крючком «Стрелецкого бунта». Современные источники практически единодушно свидетельствуют, что, как только патриарх и бояре посадили на престол 10-летнего Петра вместо 16-летнего (по тем временам взрослого) царевича Ивана, единокровного брата Федора, восстание стало неизбежным.

Если даже при царе Федоре бояре и приказные люди, вопреки его воле, попустительствовали неправде и всякому насилию, «что же ныне при сем государе царе Петре Алексеевиче, который еще млад и на управление Российского царства не способен, те бояре и правители станут в этом царстве творить? — вопрошали восставшие. — Ведаем, что не лучше нам бедным восхотят сотворить, но еще больше постараются во всем на нас величайшее ярмо неволи возложить, ибо, не имея над собой довольного ради царских юных лет правителя и от их неправды воздержателя, как волки будут нас, бедных овец, по своей воле в свое утешение и насыщение пожирать».

Не случайно, перебив особо ненавистных лиц во дворце, в приказах и армии, стрельцы и солдаты объявили их государственными изменниками, которые и самого царя Федора извели. Не напрасно, получив возмещение всех своих материальных требований, они воздвигли на Красной площади памятник победе над неправдой, взяли у правительства жалованные грамоты *для всех служилых по прибору*, посадили на престол несправедливо обойденного Ивана

Алексеевича, назвались «надворной пехотой» (в противовес дворянской коннице) и хотели остаться при троне гарантами *общей правды*. «Чаяли... государством управлять», «хотели... правительство стяжать» — с испугом повторял годами позже представитель верхов²¹⁷.

Самого Сильвестра Медведева ужасала мысль, что «невегласы мужики» посмели присвоить себе право на идеи «премудрых мужей», а «верхи» перетрусили и разбежались, предоставив спасать себя девице! Конечно, хотя Долгоруковы и Ромодановские пали в первые часы бунта, В. В. Голицын, Одоевские и другие представители высшей знати, Ф. Л. Шакловитый, Е. И. Украинцев и их товарищи-приказные не разбежались из Москвы вслед за большинством дворян и администраторов. Даже нелюбимый Сильвестром патриарх Иоаким, несмотря на «страхование», помогал царевне Софье шаг за шагом, неделя за неделей «утишать» народное волнение.

Мирное подавление самого опасного городского восстания XVII в. в России не было импровизацией одной царевны Софьи, как, публицистически заостряя, старается показать Медведев. Но «мужеская» царевна оказалась действительно необходима для «премудрого» обращения с народом. И без нее в России, скорее всего, не произошло бы революции типа английской (как пугал Медведев) и государство бы не пало, но самые опытные и храбрые представители господствующего сословия не смогли бы победить, не пролив реки крови. Именно такую ситуацию хотел сделать невозможной Федор Алексеевич, когда упорно старался изменить облик дворянства, бюрократии и особенно их высшего слоя.

Народ, поднявшийся на «временщиков», почти никогда не называл по именам тех из них, кто возвысился при Федоре. Действительно, я могу назвать лишь один явный случай непонятого возвышения в его царствование, когда «врун, болтун и хохотун» Василий Семенович Волинский был пожалован в июне 1676 г. в бояре, а 21 декабря 1680 г. возглавил ответственный Посольский приказ! Ядовитый автор «Истории о невинном заточении» Матвеевых, высказавшись о посредственном уме, легкомысленной совести и малограмотности сего деятеля — одного из участников интриги против Матвеевых, намекает, кажется, что появление Волинского в Посольском приказе было наградой за его клевету на бывшего канцлера, ведь он «управление таких государственных и политических дел столь остро знал, насколько медведь способен на органах играть»²¹⁸.

Но объяснение популярности и продвижения Волинского всемосковской славой златошвейной мастерской его супруги (которую тот «нашел себе не по разуму своему») и умением его веселиться за столом хотя и может как-то мотивировать его хорошие личные отношения с царем Федором и боярами, не помогает нам понять, для чего с 21 декабря 1680 г. по 8 мая 1681 г. кроме дьяков в Посольском приказе должен был сидеть этот деятель?!

Разумеется, Волинский не был тупицей. В 1650—1660-х гг. он успешно управлял Разбойным и Челобитным приказами, при Федоре Алексеевиче был товарищем судьи в приказе Сыскаго денежного дела (не долго) и с октября 1676 г. до назначения в Посольский приказ исправно управлял Разбойным

приказом (да и после вернулся в Сыскной и появлялся в Большой казне). Но, во-первых, назначение в Посольский приказ было ему не по рангу и не по влиятельности: обычно это было место «первого министра». Во-вторых, на Руси всегда придавали особое значение внешней политике, а положение в ней тогда было сложное, даже критическое.

Внешняя политика России в царствование Федора Алексеевича сводится обычно к основным посольствам и переговорам с Империей, Польшей и Турцией, затрагиваются также отношения со Швецией и Данией. Даже С. М. Соловьев, обычно подробно рассматривающий «внешние сношения», в данном случае почти целиком заменил их проблемой Украины. Действительно, Нимвегенский мир 1679 г., прервавший европейское междоусобие, возродил в Москве надежды на организацию антитурецкой коалиции христианских стран, но круг дипломатических забот царя Федора этим далеко не исчерпывается²¹⁹. Результаты посольства в Польшу и Империю И. В. Бутурлина с товарищами были как раз плачевными. В ответ на призыв к христианской совести Ян Собеский и магнаты нагло потребовали «возвращения» Смоленщины и Украины, а имперский канцлер попросту отказался от прежней договоренности, по которой Россия уже провела военную демонстрацию против Швеции²²⁰.

Однако правительству Федора Алексеевича терпеливыми переговорами с посольствами К. П. Бровцовского с товарищами (1678—1679), К. Томицкого и Ю. Доминика (1680), С. Невестинского (1681), а главное умелыми речами и действиями наших послов в Польше (И. А. Прончищева, И. А. Желябужского; 1680 г.) удалось удержать реваншистски настроен-

ную шляхту от враждебных действий и даже (вопреки мнению Е. Б. Французовой) добиться некоторого прогресса на пограничных съездах 1679—1682 гг., обеспечив России безопасный западный фланг²²¹.

Царю обидно было узнать об измене имперцев, однако враждебность к Швеции он демонстрировал также по просьбам посла Нидерландов Кунраада ван Кленка и датского посланника фон Габеля. Тесные отношения с Нидерландами поддерживались через московского резидента ван Келлера, к датскому королю Христиану V Федор Алексеевич отправил двух гонцов перед тем, как туда выехал посланник С. Е. Алмазов (посетивший также Бранденбург). Переговоры об антитурецкой коалиции велись с этими странами в более доброжелательном тоне и сопровождались не только взаимными обещаниями, но и реальными торговыми соглашениями. Следует отметить, что вопрос о свободе русской торговли занимал Федора Алексеевича в отношениях со всеми странами (даже вошел в договор о перемирии с Польшей), как и вечная проблема соответствия посольского церемониала рангу государства.

С 1679 г. в Москве утвердился и постоянный датский комиссар Бутенант фон Розенбуш (1679—1685). В 1680 г. Копенгаген посетил гонец М. Алексеев, а вскоре в Россию приехал посланник Гильдебрандт фон Горн, с которым завязались секретные переговоры, увенчавшиеся после кончины Федора Алексеевича не только выгодными соглашениями, но и важными шагами по умиротворению Швеции. Государь плодотворно для его преемников провел также два тура переговоров с бранденбургским посланником Г. Гессе и принял гонца курфюрста²²².

Отказываясь совместно выступить против Турции, все государства охотно противодействовали Швеции. Отношения правительства Федора с королевством Шведским начались летом 1676 г. на пограничном съезде со взаимных угроз, хотя как раз шведы предлагали союз против турок и татар. Выход Швеции из войны в союзе с Францией способствовал установлению более дружественных отношений между государствами, суверены которых вели в 1676—1678 гг. только переписку. Однако политические трения были слишком велики. Русский посланник Ю. П. Лутохин и королевский коммерции-фактор Х. фон Кох были плохо приняты в недружественных столицах (1679—1680), перед новым шведским посланником Федор Алексеевич в июле 1680 г. демонстративно не снял шляпу. Казалось, что вскоре загремят пушки, однако Карл XI и московский государь, изъявляя друг другу неприязнь, не только не нарушали перемирия, но без шума взаимовыгодно развивали пограничную торговлю²²³.

Посольство П. И. Потемкина произвело большое впечатление на общество Франции, Англии и Испании (1680—1682) и достигло главной цели: хотя бы временно удержать Людовика XVI от нарушения нейтралитета на Рейне. Правда, позиция Франции, давно, как было известно Федору Алексеевичу, интриговавшей против России через вторые руки, была ненадежна. В ответ царские дипломаты, также через вторые руки, обратились к Римскому Папе с просьбой удержать короля от нанесения вреда планируемой антитурецкой коалиции. Более тесные отношения установились с Англией, посланник которой И. Гебден превратился почти в постоянного резидента в Москве (1676—1678)²²⁴.

Сложнее обстояло дело с восточными соседями. Калмыки, рассматривавшиеся Федором Алексеевичем как партнеры для переговоров, пошли на заключение мира с посланником князем К. О. Щербатовым (1677). Но калмыцкий хан имел мало влияния, а авторитетный тайша Аюка пошел на нарушение своей *шертной грамоты* (письменной присяги) и в 1680 г. заключил мир с крымским ханом, послав ему в подкрепление всадников и напав на русские пределы (что он, впрочем, проделывал и ранее)²²⁵.

Аюка выступил несвоевременно: Бахчисарай сам готовился к миру с Москвой. Однако посланники в Бухарском, Хивинском и Ургенцском ханствах В. Даудов и И. Касимов сообщали Федору Алексеевичу об опасности объединения мусульманских владык против уверенно наступавшей в Азии христианской державы (1677—1678). Русский резидент в Персии К. Христофоров (1676—1684), получив новые инструкции через гонца Н. Алексеева (1676—1681), также побывавшего у шаха Сулеймана, не обнадеживал государя относительно возможного вступления Ирана в большую войну с его давним врагом — Турцией²²⁶.

Таким образом, к осени 1680 г., когда русские послы В. И. Тяпкин и Н. М. Зотов отправились на мирные переговоры с Турцией и Крымом, было очевидно, что момент для продолжения войны самый неподходящий. Федор Алексеевич оказался прав, приказав оставить Чигирин и не надеясь на многочисленные обещания союза против турок: пока Россия связывала султану руки, западные христианские государства могли искать себе прибыли в другом месте, не беспокоясь за тылы, да еще и шантажи-

ровать страну, которая одна страдала за всех. Разумеется, государь заранее подготовил миссию Тяпкина.

Еще в мае 1679 г. валахский посланник Билевич рассказывал в Посольском приказе об огромных (до 30 тысяч) османских потерях в последней кампании и желании турок, при уступке им части спорной Украины, пойти на мировую. Царь отписал тогда валахскому господарю о своем согласии на мир с султаном. К этому времени в Посольском приказе были систематизированы разведывательные материалы и дипломатические справки относительно Турции (за 1677—1678 гг.) и подведены итоги миссии в Стамбул стольника А. Поросукова (1677—1679). Почву для заключения мира готовило в Константинополе посольство В. Даудова (1678—1681). Тяпкин выехал в Крым лишь тогда, когда из Москвы вместе с ним был отпущен новый ханский гонец Халил-Сеги. Миссию гонца исполнял в 1679—1680 гг. в Бахчисарае дьяк Г. Михайлов. Наконец, посольству Тяпкина, на котором сосредоточено внимание исследователей, предшествовало неудачное посольство в Крым стольника Б. Пазухина²²⁷.

В ходе переговоров В. И. Тяпкину и Н. М. Зотову пришлось отказаться от Запорожья, однако, согласно пожеланиям Федора Алексеевича и гетмана И. Самойловича (с которым осенью 1679 г. провел переговоры Е. И. Украинцев), было заключено перемирие на 20 лет. На стороне России оставалась Левобережная Украина и Киев, а Правобережье Днепра до моря и Буга не должно было заселяться. Оно предоставлялось для кочевого скотоводства, рыбной ловли и промыслов казакам и татарам, турки же не имели права строить на Днепре крепости.

Такой мир, по мысли Самойловича, был выгоднее союза с Речью Посполитой и позволял в будущем потребовать от поляков за помощь в их войне с турками *вечный мир* (по существующей границе): «без вечного мира верить ему (королю. — Авт.) нельзя, потому что он великому государю не доброхот»²²⁸. Так и произошло, когда Венеция, Империя (с 1683 г.), а затем и Польша вынуждены были отбиваться от турецко-татарского наступления. Как ни противились поляки заключению Вечного мира с Россией, оттягивая переговоры и ввергая свою страну в ужасное турецкое разорение, им пришлось подписать его в 1686 г. Только тогда Россия смогла разорвать договор с мусульманами и стать важнейшим членом Священной лиги христианских стран²²⁹.

Но до этого было еще далеко. Пока Федору Алексеевичу следовало добиться ратификации мирного договора с султаном, чему тот изрядно противился, не желая ограничивать себя в строительстве крепостей. Посольство в Константинополь И. И. Чирикова, а затем Т. Протопопова склонили султана в марте 1682 г. к подписанию договора, однако хитрые турки изменили его редакцию²³⁰. Полностью завершить переговоры Федор Алексеевич не успел — но он вывел страну из войны и был за это восторженно приветствован современниками.

Московское дворянство

Вопрос о том, зачем в самый ответственный момент переговоров о мире с Турцией и Крымом понадобился в главе Посольского приказа В. С. Волынский, остается загадочным. Была это дворцовая

интрига или попытка царя прикрыться от возможного негодования двора в связи с уступками «агарианам»? Как бы то ни было, *Государев двор*, первым человеком которого считал себя государь, всегда доставлял ему превеликое беспокойство. Федор Алексеевич пытался и подчеркнуть его значение, выделить среди дворянства, и заставить этот *высший слой служилых по отечеству* стать истинно служилым, функциональным в меняющемся государстве.

Весь XVII в. *московский список* знатнейшего дворянства увеличивался и в 1681 г. насчитывал уже 6385 человек, имевших поместья и вотчины практически по всей территории России (исключая Сибирь)²³¹. Этот привилегированный слой должен был поставлять высших военных и гражданских чиновников — но, несмотря на свою многочисленность, не исполнял полностью эту обязанность, а в военном отношении *сотенная служба* московского дворянства была явным архаизмом. Сложность состояла в том, что чиновная система Двора была главной в государстве и продвижение по служебной лестнице, например, военных нового строя, приходилось увязывать с чинами московского дворянства.

Служба представителей московского списка под началом человека, в него не входившего (пусть даже генерала), считалась для дворян унижительной, а получение выходцем из «низов» звания московского дворянина, стольника, думного дворянина, окольничего и, наконец, боярина, нарушало *систему «мест»* московских фамилий. Даже представители знатнейших родов должны были постоянно следить, чтобы не оказаться на службе ниже того, под которым его родственники никогда не ходили, и тем самым не «утянуть» высоту своих традиционных

прав. Поэтому московским дворянам приходилось частенько отказываться от выгодных и престижных поручений и назначений, скандалить на светских и духовных церемониях: вызвать царский гнев и даже быть выгнанным в шею было не так страшно, как унижить род. Наконец, если возвышение одного члена несколько повышало всю его фамилию, то опала могла «понизить» род гораздо скорее.

Федор Алексеевич и его Дума свято исповедовали родовой принцип (особенно активно реализуя его в поместно-вотчинном законодательстве). Так, уже 23 февраля 1676 г. государь указал и бояре приговорили, что за службу отцов, погибших еще на русско-польской войне (с 1654 г.), землями в вотчину безусловно должны жаловаться дети (№ 631). В то же время само дворянство, из различных соображений нередко посылавшее на службу сына вместо отца, племянника вместо дяди или брата за брата, просило государя изменить указ Алексея Михайловича и жаловать за службу действительно служивших, а не их родственников. 20 марта 1677 г. государь и бояре удовлетворили эти прошения частично: при желании родственников, записанных в службу, но не бывших на ней, жалованье получали они, а не действительно служившие (№ 684).

В том же месяце марте, 12-го числа, Федор Алексеевич именным указом повелел *московским дворянам и жильцам*, записанным в эти чины из городских дворян с 1670—1671 гг., нести военную службу с теми городами, откуда они попали в московский список: надо полагать, имеются в виду воеводские разрядные (регулярные) полки. Это охватывало регулярной военной службой изрядное число лиц Государева двора (что стало особенно ясно после во-

енно-окружной реформы). Но прямо покуситься на привилегии московского дворянства государь не отважился: было объявлено, что в городских (более низких по чину) списках эти лица значиться не будут, то есть свой статус не уронят (№ 683). Как уступку этой категории дворян можно рассматривать указ от 22 августа 1677 г. о неназначении городских дворян и детей боярских в воеводы, если на то не будет специального царского распоряжения по каждому кандидату лично (№ 704).

Не только служить в регулярстве, но вообще служить московское дворянство приходилось заставлять. 15 января 1679 г. Федор Алексеевич велел объявить с Постельного крыльца стольникам, стряпчим, московским дворянам и жильцам: ему «ведомо», что у них по домам живет немало способных к службе детей и братьев, племянников и свойственников. Всех их государь повелевал представить в чины и записать в полковую службу, угрожая уклоняющимся, что они совсем не получают чинов, а то и будут написаны «с городами» (№ 747). К 17 марта 1679 г. бояре нашли способ привлечь дворян на службу: приговорили, что поместья будут закреплены за отставными дворянами только в том случае, если их дети состоят в службе или они сами вновь начнут служить (№ 754). Речь в первую очередь шла о военной службе, но для московского дворянства она обычно оказывалась парадной и смыкалась с придворным церемониалом, который требовал демонстрировать роскошь и величие Государева двора.

Федор Алексеевич не одобрял театр, но уделял театрализованным придворным действиям большое внимание и неукоснительно следил за выполнением придворными актерских функций. Церемонии дей-

ствительно производили большое впечатление на народ, заблаговременно предупрежденный глашатаями и собиравшийся посмотреть на них огромными толпами, а также на иностранных гостей. Вот, например, как описывал встречу польского посольства под Москвой его участник чех Бернгард Таннер. Взору приезжих представилось «блестящее войско... в разноцветном одеянии, со множеством труб и литавр». Младшие придворные — жильцы — составляли «новый, не виданный дотоле отряд воинов. Цвет длинных красных одеяний был на всех одинаков; сидели они верхом на белых конях, а к плечам у них были прилажены крылья, поднимавшиеся над головой и красиво расписанные; в руках — длинные пики, к концу коих было приделано золотое изображение крылатого дракона, вертевшееся на ветру. Отряд казался ангельским легионом. Кто не подивился бы на такое чудное зрелище, того по справедливости я счел бы слепым и среди цветущего сада!».

О появившихся следом царских стольниках Таннер рассказывает: «Сознаюсь, что мне не под силу описать как следует убранство их, разнообразие одеяний и прочее великолепие этой вереницы — необычайную их пышность, красу и блеск можно разве вообразить! ...На них ловко сидели красные полукафтаны, а другие, вроде плаща, были накинuty на шею, мастерски вышитые, подбитые соболем; они называют их ферезями. На каждой ферязи на груди по обе стороны виднелись розы из крупных жемчужин, серебра и золота. Они носили эти ферязи, отвернув их у правого локтя и забросив за спину. Блиставшие на солнце камнями, золотом и серебром шапки придавали еще больше красы этой веренице». Кони были украшены толстыми золотыми

и серебряными цепями, бряцавшими, когда всадники горячили коней; особый звон издавали также конские наколенники и подковы с цепочками. Пересев на свежих коней «в еще более пышной сбруе», всадники эти «начали — удивительно сказать! — не касаясь земли перескакивать с одного седла на другое, выказывая такую ловкость, что все в изумлении залюбовались на их искусство».

Последовавший далее торжественный прием, как и все такого рода протокольные мероприятия, был тщательно продуман, вплоть до деталей царского облачения²³². Еще готовясь к своему венчанию на царство 18 июня 1676 г., Федор Алексеевич проявил большое личное участие в уточнении деталей этой традиционной церемонии. Помимо серьезных изменений в чине венчания (о которых мы расскажем ниже) царь позаботился приставить более пышную свиту у скипетра, державы и прочих инсигний (дьяков и дворян в золотой одежде), снять слова «в холопстве» из объявления о сборе на Ивановской площади «иноземцев, которые ему, великому государю, служат *в холопстве*», и дать строгие распоряжения охране.

Стрельцам было указано «людей боярских и иных мелких чинов отнюдь никого не пускать» на Красное крыльцо и в дворцовые переходы, чтоб никто не толпился и не заступал путь главным участникам действия. Так же следовало заблаговременно «выслать из церкви (Успенского собора. — *Авт.*) народ, незнатных людей и очистить» место, «чтобы *золотчикам* было где стать и от множества народа тесноты великой не было». Стряпчим, дьякам и гостям государь еще 16 июня повелел явиться на венчание в золотых одеяниях — нарушителей следовало гнать

с Постельного крыльца, от Садовых дверей и проходных сеней перед Золотой палатой в темный закуток между Столовой и Сборной палатами²³³.

Распоряжения, как должны выглядеть и вести себя «золотчики»²³⁴, делались в царствование Федора Алексеевича непрерывно, а 19 декабря 1680 г. государь издал сводный указ о торжественной одежде придворных чинов от бояр до дьяков. Ныне и «в предбудущие годы» им повелевалось на великих церковных праздниках являться к выходам либо всем в золотых ферязях, либо в бархатных, либо в шелковых, согласно приложенной росписи трех групп праздников (№ 850). Однако заставить всех выполнять подобный указ было затруднительно. 6 января следующего 1681 г., распекая стольников, стряпчих и дворян московских за представление к военному смотру самого малого числа дворовых людей «с боем», Федор Алексеевич милостиво похвалил явившихся к крестному ходу на Иордань в золотых ферязях, объявил, что допускает к ходу пришедших в бархате, а надевших шелка или сукно не велит пускать и приказывает им стать подальше, «от тех золотчиков особо» (№ 855).

В октябре 1681 г. вместо старинной длинной одежды (ферязей, охабней, однорядок) Федор Алексеевич приказал всем служилым людям московского списка носить особое платье — короткие кафтаны²³⁵. Этот указ волей-неволей выполнялся, поскольку в старинной одежде стрельцы не пропускали в Кремль, и вызвал изрядное число откликов. Даже в надгробной эпитафии было упомянуто, что царь «преубыточные для народа одежды переменял». Царский монах-летописец Боголеп Адамов увидел в реформе идейный смысл: «платье народу российскому повелел носить *от татар отменное*», а петровские ле-

тописцы отмечали, что «сей царь Федор Алексеевич переменял древнее российское платье», «древнюю неудобную одежду» (причем мужчинам и женщинам)²³⁶.

Подобными регламентирующими указами изобилует петровское время, но Федор вынужден был и в этом отношении предвосхитить деяния брата. Еще 26 октября 1676 г. появился именной царский указ с боярским приговором, категорически запрещающий лицам всех чинов являться в Кремль на извозчиках (№ 664). В конце царствования Федор Алексеевич разразился указом, кому сколько по чину и времени года впрягать лошадей в кареты и сани: боярам, в зависимости от случая, от 2 до 6, а спальникам, стольникам, стряпчим и московским дворянам — не более одной лошади в сани, а летом ездить только верхом (№ 902). Зато несколькими месяцами ранее этим младшим категориям придворных было велено не сходить с лошадей и не кланяться в землю при виде боярина — эта честь только для самодержца (№ 875).

По части наведения порядка в указах Федора Алексеевича трудно увидеть стройную систему. С одной стороны, Федор Алексеевич практически разрешал дуэли (чуть не в Кремле), ибо освобождал от казни вынужденного обороняться при свидетелях (№ 843). С другой — взыскательность по совсем незначительному поводу: царь очень сердчал на придворных, толкавшихся в Столовых сенях во время визитов патриарха (№ 790), и даже издал именной указ о порядке пропуска во дворец стольников и стряпчих, дворян и жильцов, генералов и стольников с посланниками, городских дворян и т.п., вплоть до денщиков полковников (№ 901).

Проект чиновной реформы

Выделение в придворных распоряжениях генералов и полковников было связано с огромной для того времени проблемой сочетания новых военных и старых придворных званий. Намереваясь решить ее радикально, Федор Алексеевич все равно вынужден был давать военным еще и придворные чины: только тогда генерала начинала «признавать» существующая система знатности. Проблема касалась также царских комнатных людей. Обычно они принадлежали к высшей знати, но все равно оставалась неясность, как сопоставлять, скажем, кравчего (виночерпия) или постельничего с общей иерархией придворных чинов?

Казалось, две старые иерархии могли ужиться, однако 18 августа 1677 г. Федор Алексеевич вынужден был издать именной указ, что его доверенный приближенный и знатнейший князь В. Ф. Одоевский как кравчий с путем должен писаться в документах, садиться за стол и получать жалованье выше окольничих (№ 701). Кравчий без пути князь П. С. Урусов, писавшийся ниже окольничих, вышел из сложного положения, только став боярином. К 8 января 1681 г. обострился вопрос, как трактовать при Государеве дворе должности думного постельничего И. М. Языкова, постельничего А. Т. Лихачева и стряпчего с ключом М. Т. Лихачева? Государю пришлось рассмотреть подробную докладную выписку о всяческих случаях, чтобы решить просто: всем названным почитаться на уровне думных дворян (№ 856).

Однако уже к 3 мая 1681 г. изменения личного состава высших дворцовых служителей заставили пересматривать систему их окладов и вновь искать

им место в чиновной иерархии. Например, кравчий без пути князь И. Г. Куракин царским соизволением заседает в Думе и пишется выше окольных, а какой ему дать оклад — непонятно; у стряпчего с ключом А. Т. Лихачева есть оклад — но писать его под думными дворянами выше печатника или нет? Федор Алексеевич расписал всем им новые статьи окладов, но принципиально вопроса решить не мог (№ 865).

Проблема упиралась в местнический обычай и в более широкое представление о родовой знатности; она оказалась слишком тесно связанной со служебными назначениями и жалованьем (иметь более низкий оклад означало и «утягивание» в чине). Вопреки общему мнению, Федор Алексеевич раньше столкнулся с этой проблемой не в военных, а в посольских делах (до военно-окружной реформы), решив унифицировать оклады первому, второму и третьему великому и полномочному послу, думному и рядовому дьяку, посланнику и его дьяку, гонцу, дворянам свиты. Каждому посольскому званию *без различия придворных чинов* был установлен оклад по 1000, 700, 600, 500, 400, 600, 400, 100 и 30 руб. человеку.

Получалось, что главы великих посольств могли быть боярами, окольными или думным дворянами, но уровень службы имели одинаковый! Конечно, посол в Польшу или Империю был бы назначен из более знатной фамилии и чина, чем, скажем, в Курляндию — но оклад уравнивал их (если Курляндию надо было удостоить великого посольства, а не посланника или гонца). Хотя Федор Алексеевич твердо указал и бояре приговорили «кроме сего великого государя указа никаких примеров послам и посланникам и гонцам о жаловании не выписывать»

(№ 715), им пришлось подумать о кодификации различий в знатностях посольских посылок.

15 августа 1679 г. Федор Алексеевич попытался приспособить к новым условиям старую систему *почетных наместнических титулов*, которыми наши послы издавна величались перед западной титулованной знатью. При равных посольских окладах перечисленные им представители знатнейших фамилий (Одоевские, Долгоруковы, Черкасские, Куракины, Шереметевы) должны были получать титулы наместников царственных и степенных городов (например, наместник Московский, Киевский, Владимирский и т.п.). Было подтверждено существование таких же формальных, но менее престижных нестепенных наместничеств (от Тверского до Обдорского и Кандийского) и в «наместническую книгу» записано еще множество городов от Суздаля до Елабуги (№ 715).

Этот указ известен нам по докладной выписке, представленной государю в марте 1680 г.²³⁷, когда он вновь занимался наместническими титулами, введя их для командующих отдельными армиями при их переписке с украинским гетманом (напр., окольных А. С. Хитрово — наместник Ржевский, думный дворянин генерал В. А. Змеев — Серпуховской; № 755). О размышлениях правительства в этом же направлении, возможно, свидетельствует посланная в Разряд из Посольского приказа и Устюжской четверти справка от 17 декабря 1680 г. о действующих послахах, посланниках и воеводах²³⁸.

Во второй половине 1681 и начале 1682 г. Федор Алексеевич и его единомышленники, осуществив финансовые, военные и административные реформы, всерьез приступили к реформированию чиновной си-

стемы. С. М. Соловьев пишет, что речь шла «об отделении высших гражданских чинов от военных — знак, что Россия начала уже выдвигаться из числа государств с первоначальной, простой формацией». А. И. Маркевич отмечает, что в наиболее полном (хотя, возможно, незавершенном виде)²³⁹ проект чиновной реформы подразумевал сосуществование на иерархической лестнице воевод, управляющих на местах, и наместников, сидящих в Думе по старшинству титулов. П. Н. Милюков указывает на постепенность формирования такого порядка старшинства и считает *проект наместнической реформы* попыткой систематизации подсказанного практикой.

С другой стороны, В. О. Ключевский узрел в проекте план «аристократической децентрализации государства», «попытку ввести в Московской Руси феодализм польского пошиба». В. К. Никольский, изучивший события наиболее подробно, заметил, что даже в той редакции, на которую предпочел опереться Ключевский, «вечна лишь лестница наместничеств, но не вечны лица, ими управляющие». Однако Никольский не рискнул развернуто возразить мэтру, а советские историки ограничились мало-вразумительными рассуждениями о классовой направленности, прогрессивности или реакционности проекта чиновной реформы²⁴⁰.

Между тем подготовленная во второй половине 1681 г. своеобразная «табель о рангах» из 35 степеней довольно остроумно утрясала иерархию чинов Государева двора, военных округов, выделившихся приказных палат (и вообще высшего гражданского аппарата), дворцовых должностей и т.п., применив к ним наместнические титулы. Кстати, в определенной последовательности располагались и возглавляемые

наместниками государственные учреждения, что соответствовало представлению Федора Алексеевича о строгой иерархичности государственной машины.

Например, боярин председатель Расправной Золотой палаты, со своими 12-ю заседателями из бояр и думных людей возвышенный над всеми судьями Москвы и обязанный следить за правильностью и координацией работы центральных гражданских ведомств (и военных по гражданским делам), бесспорно, получал 1-ю степень и титул наместника Московского. Вторую степень занимал боярин и *дворовый воевода* — титул новый, но звучащий традиционно и совершенно необходимый для общего заведования «всякими воинскими околичностями» (личным составом и устроением ратей, приготовлением оружия, запасов и т.п., аналогично позднейшей должности военного министра). Боярин № 3 отмечался степенью наместника Владимирского и председательствовал над лицами с наместническими титулами, заседавшими в Думе. Четвертую степень получал боярин и воевода Севского разряда (особого наместнического титула для него не требовалось — обозначением чина служила реальная должность).

Высота наместнической степени определялась по заведенным уже наместническим книгам, а главенство разрядных округов сложилось в процессе их создания. Наместники царственных градов и разрядные воеводы имели боярские чины и четко координировались между собой. Например, воевода Новгородского разряда шел за Владимирским и имел общую 12-ю степень, Казанского — 14-ю. Астраханского — 16-ю, а украинский гетман — 25-ю степень. Всего статей было 35, но они позволяли охватить 83 сановника, т.к. статья 29 перечисляла 9 бояр с

лесенкой названий наместничеств, статья 32 — 20 окольных-наместников, статья 34 — 20 думных дворян-наместников. Свои места нашлись для кравчего, главного чашника, постельничего. Кроме того, положение лица любого чина легко было определить по степени его учреждения или соединения (обозначенной титулом руководителя), что делало сопоставимыми и более низкие старые чины.

Отмена местничества

Чиновная реформа задумывалась в более широком идейном контексте, представление о котором ярко обрисовал Сильвестр Медведев. Согласно его «Созерцанию», 24 ноября 1681 г. Федор Алексеевич изволил «вчинать» рассмотрение дела о чинах своего царского совета, «как бывает пред седение в синклите его и в воинских делах, когда... посылают в полки с ратными людьми или в правление по их царского величества царственным градам». Проблема была в сочетании благородства рода, заслуженного чина, близости к великому государю, но Медведев выделяет обличение вражды и непорядков, возникающих из-за местничества.

Именно об отмене местничества Медведев жаждал рассказать, подчеркнув роль В. В. Голицына (правившего во время написания «Созерцания») и в особенности продемонстрировав на этом примере идеи правильной организации государства. Государь должен был отменить местничество, потому что им умножается зло и вражда среди начальников и приносятся бедствия подчиненным. «Если вручат кому-то правление в стране и в полках, хотя и не великого

рода, а честью их государской пожалован и в таком деле искусен» — ни такому начальнику, ни с ним не следует «считаться местами» — это гордыня, Господь велит «не возноситься и над малым человеком».

В конце концов, все люди, по учению апостола Павла, составляют единое тело, не являясь одинаковыми его органами. Голова, орган безусловно более важный, чем нога, рука или палец, не может отрицать их полезности, коли они не голова. «Людам, как единому телу, органам же разным, в вере единой, в государстве едином подобает всем звание свое хранить, в нем же кто пребывает. Если боярин — да о государстве во всяких вещах... к мирному и прибыльному государству всего добротворению беспокоиться должен. Воевода в воинстве, как достойно, да промышляет и управляет, воин также службы своей надлежащей не оставляет. Подданный, в земледельстве тружась, должный оброк господину своему да воздает. Все же есть люди Божьи и ни один благородный без единого мнимого меньшим жить не может». Так, по мнению Медведева, считал царь Федор Алексеевич.

Вся аристократия с удовольствием подписалась бы под этими словами, если бы не следующий сомнительный тезис: «Чести же и правление более всего даваемы бывают по разуму, и по заслугам во всяких государственных делах бывшим, и людям знающим и потребным». Если это правило относится к существующему положению, — значит, незачем возвышать еще и неблагородных. Если же продвигаться должны прежде всего самые способные, какое значение имеет природное благородство? В этой связи Федор Алексеевич, согласно «Созерцанию», произнес 12 января 1682 г. перед собранием духовенства

и Думы смелую речь: «чтобы тому местничеству впредь между великородных людей не быть, и кому по их государеву указу велят где, хоть из меньшего чина, за его службу или за разум пожалованным быть честью равной боярству — и с ним о том никому не считаться... ибо в жизни сей кого Господь Бог почитит, благословит и одарит разумом — того и люди должны почитать и Богу в том не прекословить».

Далее царь, по обыкновению, обратился к иностранному опыту, будто бы «на всей вселенной у всяких народов, особенно же... у мудрых людей, всякое правительство и чести даваемы бывают от самодержцев достойным людям. Если же кто и благороден, но за скудость ума, или какой неправдой, и неблагочестивым житием и своевольным... губит благородство свое и почитается от всех во злородстве, таким... никакого правительства вручать не подобает» во избежание казни Божией на все государство. Однако это не искореняло понятия благородства — напротив, повелевая уничтожить местнические книги, Федор Алексеевич объявлял, что отменяет обычай «низить» по благородству тех, кто служил в подчинении малородного, и относить прегрешение одного члена фамилии к «бесчестью» всего рода. Отмена родового принципа в службе не касалась традиционных привилегий: они не упоминались, но на практике закреплялись²⁴¹.

В Соборном деянии об отмене местничества²⁴² история излагается значительно прозаичнее. Как уже упоминалось, князю В. В. Голицыну с товарищами 24 ноября 1681 г. было поручено «ведать ратные дела» для приведения российской армии в соответствие с современными требованиями. Речь сразу же

зашла о Государеве дворе, лишь частично затронутым военно-окружной реформой (за счет службы части новых московских дворян в полках), но так и не вписавшемся в систему «регулярства». Да и как вписаться, если приглашенным на обсуждение генералам и полковникам — лучшим специалистам в военном деле на Руси — государь должен был дать придворное звание стольников, чтобы Государев двор признал, «коего они чина и звания»? Даже при удостоверении соборного акта об отмене местничества знаменитый генерал В. А. Змеев поставил подпись среди думных дворян (без генеральского звания), а генералы (А. А. Шепелев и М. О. Кровков), рейтарские и пехотные полковники подписывались в самом конце списка стольников — перед стряпчими!

Замысел же усовершенствования системы чинов был на этот раз гениально прост: заставить представителей всех родов Государева двора служить «полковую службу по-прежнему», но с общеармейскими званиями. Известно, что знатнейшая молодежь начинала службу в московских дворянских сотнях с чина не выше стольника. Посему В. В. Голицын, «выборным людям сказав его великого государя указ», сразу потребовал, «чтобы они, выборные люди, объявили, в каком ратном устройении пристойнее быть стольникам, и стряпчим, и дворянам, и жильцам».

Выборные, в число которых недаром включены были регулярные командиры и представители городского дворянства, приговорили младшим чинам Государева двора служить не в сотнях, а в ротах. «Для лучшего устройства и крепкого против неприятелей стояния быть у них ротмистрам и поручикам... изо

всех родов и чинов с головы беспрменно, и между собой без мест и без подбора». Хотя дворяне должны были служить по-прежнему со своими рекрутами (с 25 дворов по человеку; обычно это были профессиональные военные холопы), они объединялись в роты (по 60 человек) и полки (по 6 рот) во главе со старшим ротмистром.

Дело было не в том, чтобы сделать из аристократической молодежи реальную военную силу (после Конотопской катастрофы при Алексее Михайловиче никто не решился бы рисковать цветом московского дворянства), а чтобы ликвидировать последний пережиток старой военной системы, мешавшей развитию не только новой армии, но и всего государственного аппарата. Никто в принципе не был против этого — но дворяне опасались лично проиграть.

Бояре доложили решение выборных царю, тот одобрил совет и предложил им всем вместе составить примерный список поручиков и ротмистров. Выборные озаботились, чтобы им был предоставлен полный список младших чинов двора, чтоб «написать на пример с головы к ротам ротмистров и поручиков». По поводу готовых списков очень беспокоились, били челом государю и боярам, что-де Трубецких, Одоевских, Куракиных, Репниных, Шейных, Троекуровых, Лобановых-Ростовских «и иных родов в те чины никого ныне не написано из-за того, что за малолетством в чины они не приказаны, и опасно им (остальному дворянству) того, чтобы впредь от тех вышеописанных и от иных родов, которые ныне в ротмистрах и в поручиках не написаны, не было им и родам их в том укоризны и попрека».

В связи с тем, что представители самых захудалых московских родов не желали попасть в командные чины, в которых не служат аристократы, выборные просили: во-первых, чтобы государь указал впредь записывать в ротмистры и поручики юношей всех родов Двора, ныне в списках не оказавшихся, «как они в службу поспеют и в чины приказаны будут»; во-вторых, указал бы великий государь представителям московского дворянства во всех службах быть «между собой без мест, где кому великий государь укажет, и никому ни с кем впредь разрядом и местами не считаться, и разрядные случаи и места отставить и искоренить».

Получив это противоречивое челобитие выборных, Федор Алексеевич выразил желание «в благочестивом своем царстве сугубого добра, лучшего и пристойного в ратях устроения и мирного всему христианскому множеству пребывания и жительства». Для реализации сего достойного стремления он собрал 12 января 1682 г. патриарха с духовенством и наличный состав Думы, объявил им челобитие выборных и поддержал его весьма красноречивой речью. Федор Алексеевич изысканно выражался в том смысле, что местничество есть покушение на христианские ценности, оно разрушает любовь, плодит злобу и вражду и вообще «всеяно» в победоносное христианство дьяволом, видевшим неизменное одоление нашего «славного ратоборства», «а неприятелям христианским озлобление и искоренение».

Бог вкладывал желание искоренить местничество в государева деда Михаила Федоровича и отца Алексея Михайловича, многократно объявлявших службу «без мест». В этих случаях россияне неизменно

имели успехи в войнах, дипломатии и внутреннем управлении, но, поскольку «совершенно то не успокоено по причине бывших тогда многих ратных дел», из-за местнических споров случались тяжелые поражения. Сам Федор Алексеевич сообщил, что он, «последуя предков наших государских благому намерению, всегда... попечение о том имел, как бы то... пагубное дело совершенно искоренить».

Действительно, все дворцовые мероприятия его правления, начиная с венчания на царство, военные назначения и даже объявления о крестных ходах сопровождалось указанием на их проведение «без мест», а то и угрозами желающим поместничать²⁴³. Участников крестных ходов он даже указал не записывать в разрядных книгах, чтобы «чинам от того между собой ссор и нелюбия не было». Нынешнее мероприятие было направлено против самой психологии местничества, сидевшей крепко и проявлявшейся в самых непредвиденных случаях.

Патриарх Иоаким, безусловно, был заранее подготовлен к такому повороту событий, поскольку произнес стройную речь от имени духовенства (а говорил всегда по бумажке; речи ведущему «мудроборцу» обычно писал знаменитый поэт и просветитель Карион Истомин). За задуманное государем «умножение любви» патриарх не находил «достойной похвалы»: духовенство могло лишь «единими устами и единым сердцем» молить Бога о приведении столь благого намерения к исполнению. Затем государь обратился к боярам, у которых тоже был подготовлен красивый литературный ответ (придворные литераторы явно входили в моду)²⁴⁴.

При общем согласии Федор Алексеевич приказал боярину князю М. Ю. Долгорукову с думным дьяком

В. Г. Семеновым принести все имеющиеся разрядные местнические книги и предложил духовенству тут же их уничтожить, объявив, что отныне все будут служить без мест, старыми службами считаться не должны под страхом наказания, «а которых родов ныне за малолетством в ротмистрах и в поручиках не написано — и из тех родов впредь писать так же в ротмистры и в поручики». Духовенство торжественно сожгло разрядные книги в сенях Передней палаты, патриарх произнес увещание нарушителям нового постановления с угрозой «тяжкого церковного запрещения и государева гнева». «Бояре же и окольные и думные люди все единогласно отвечали: «Да будет так!» В свою очередь Федор Алексеевич изволил Думу «милостиво похвалить» и перешел от декоративной части к существенному: объявил о кодификации всех дворянских родов в родословных книгах по степеням знатности.

События и мнения

Согласно царской речи, *древняя родословная книга* будет пополнена именами не вошедших в нее родственников записанных там фамилий. Не попавшие в старое родословие княжеские и иные честные роды, служившие до сей поры в боярах, окольных и думных людях, вместе со «старыми родами», не достигшими этих чинов, но бывшими «в посольствах, и в полках, и в городах в воеводах, и в иных знатных посылках, и у его великаго государя в близости», — велено было «с явными свидетельствами написать в особую книгу». В третью книгу вносились выдвинувшиеся при Романовых роды, служившие в пол-

ковых воеводах, посланниках «и иных честных чинах» и занесенные в десяти (списки дворян по городам) по первой статье. В четвертую книгу — городовые дворянские роды средней и меньшей статей десяти. В пятую — попавшие в московские чины из нижних (недворянских) чинов за службы отцов и свои личные; по чину они получались выше, а по знатности — ниже городского дворянства. Таким образом Федор Алексеевич надеялся преодолеть междворянскую «нелюбовь» и созданием *Палаты родословных дел* внес действительно крупный вклад в сплочение дворянского сословия.

В то же время, хотя «соборное деяние» об отмене местничества было торжественно подписано «самодержавною государевою рукою», архиереями и придворными, а решение объявлено энергичным указом от 12 января 1682 г.²⁴⁵, современники, заносившие в свои записки самые любопытные случаи, не сочли интересным это шумное мероприятие. Не только городские, но и дворянские летописцы проигнорировали отмену местничества, вспомнив о сем случае только в XVIII в. Даже в цитировавшейся эпитафии Федору Алексеевичу это мероприятие упомянуто где-то после строительства богаделен, но до обновления зданий Кремля и Китай-города. Последнее, как и отмена местничества, было в первой трети XVIII в. воспринято преувеличенно. В. Н. Татищев, например, уделив тому и другому одинаковое внимание, отнесся к *массовому каменному строительству* при Федоре даже с большим почтением, чем к отмене местничества, которое, по его мнению, реально искоренил только Петр I.

«В Москве, — писал дедушка русской ученой историографии о царе Федоре, — хотелось ему прилеж-

но каменное строение умножить. И для того приказал объявить, чтобы припасы брали из казны, а деньги за них платили в десять лет, по которому (указу) многие брали и строились. При нем над кирпичными мастерами был для особого надзора Каменный приказ учрежден и положена была мера и образцы, как (кирпич) выжигать. Не меньше надзирали и за мятем глины, но дабы кто от своей работы не отперся — велено на десятом кирпиче каждому мастеру или обжигальщику свой знак класть. Камень белый также положен был только трех размеров, мельче которых продавать и возить было запрещено, только если бы кто специально по потребности мельче привезти заказал. Для чего учрежден был особый Каменный приказ, и для производства того камня дано было довольно число денег, на которые бы, изготовя довольно припасов, по вышеписаному для строительства в долг раздавать. Но как в прочем, так и сем добром порядке за недостатком верности и лакомством временщиков припасы в долг разобрали, а денег ни с кого не собрали, ибо многим по заступничеству их государь деньги пожаловал и взыскивать не велел. И так то (строительство) вскоре разорилось»²⁴⁶.

Историк XVIII в. допускает в рассказе две существенные ошибки. Размах каменного строительства в столице при царе Федоре поразил его настолько, что заставил приписать этому государю создание давно существовавшего приказа Каменных дел, который лишь расширил свои полномочия на все капитальное строительство (так же как Посольский приказ — на все посольские дела. Разбойный — на все разбойные, ср. № 805, 894). Он не разорился, а прекрасно существовал и далее²⁴⁷, а потери казны

на массовой каменной застройке Москвы окупались: Федор Алексеевич видел доход от этого дела не в рублях, а в появлении защищенных от пожаров новых улиц и красивых зданий столицы (№ 892).

Примерно такое же отношение к действительности имели век от века все более многочисленные и многословные рассуждения об отмене местничества²⁴⁸. Историки, анализирувавшие борьбу различных группировок вокруг реформы, не заметили подчеркнутых во всех соборных речах уверений в стремлении к «общему добру», «общему государственному добру», к «государственных дел устройению для общей высоких и меньших чинов всего своего царства пользы». Но почему же современники не заметили самого мероприятия, из-за коего потомки извели столько чернил? Соборный акт отменял устаревший обычай, затруднявший службу одним, угрожавший благополучию других и мешавший осуществлению государственной власти силами дворянства. Поэтому о местничестве, хотя его рецидивы еще случались, никто и не вздохнул, зато многие дворяне и даже недворяне обратили внимание на иное мероприятие Федора Алексеевича: учреждение Палаты родословных дел, энергично занимавшейся кодификацией дворянского родословия при царевне Софье и В. В. Голицыне (она и историкам дала огромные запасы источников).

Между 5 и 15 февраля 1682 г. в новом «разряде без мест» было записано царское повеление приступить к созданию шести родословных книг: «1) родословным людям; 2) выежжам; 3) московским знатым родам; 4) дворянским; 5) гостиным и дьячим; 6) всяким низким чинам». «Гербальной» было поручено ведать боярину князю В. Д. Долгорукову

(тогда как работать над расширением Уложения должен был стольник князь И. А. Большой Голицын, а далее следовала комиссия стольника князя А. И. Хованского с его «двойниками»)²⁴⁹. В кровавых волнах Московского восстания 1682 г. и годах последующей грызни за власть «в верхах» потонули многие благие начинания Федора Алексеевича, но Палата родословных дел, как необходимейшее всему дворянскому сословию начинание, не сгинула. Гораздо дольше пришлось дворянству ждать табели о рангах: это значительно более конфликтное мероприятие не могло пройти без волевого нажима государя, способного снять частные противоречия лиц и групп. Но за Федором Алексеевичем историки не признавали такого качества, как самостоятельная и тем паче плодотворная воля, поэтому изучение незавершенной чиновной реформы превратилось в фарс.

Резкое суждение В. О. Ключевского о «*боярской попытке*» 1681 г. разделить страну на «вечно» отписанные аристократам наместничества, в духе Речи Посполитой, было основано на недоразумении: на одну доску с опубликованным М. А. Оболенским проектом «степеней» военных, гражданских и придворных чинов историк поставил маленькую публицистическую заметку из составленного в 1700 г. церковно-полемиического сборника «Икона»²⁵⁰. Было совершенно очевидно, что русское правительство, старательно поддерживавшее шляхетскую республику и еще в 1675 г. договорившееся с Империей о сохранении в Речи Посполитой «аристократической децентрализации государства» (как гарантию от резкого усиления

Польши), никогда не пошло бы на заведение у себя «феодализма польского пошиба».

Но Ключевского не останавливали такие соображения, и заметку из «Иконы» он принял, во-первых, за исходный и основной вариант проекта чиновной реформы, а во-вторых — поверил сообщению той же заметки, что именно патриарх Иоаким остановил грядущее разделение Российского государства на уделы, а значит — предотвратил «несказанные беды, войны, и нестроения, и погубление людей». Довольно скоро В. К. Никольский выяснил, что проект реформы светских чинов планировался в сочетании с епархиальной реформой не «великородными» боярами, а сторонниками преобразований из близкого окружения царя Федора (В. В. Голицын, И. М. Языков, Лихачевы) и вкупе с ней был отклонен усилиями патриарха. В благодарность за тщательно проделанную предшественником работу М. Я. Волков заявил, что оценки Никольского «не всегда обоснованны, а иногда противоречивы». С помощью многочисленных переделок и домыслов Волкову удалось сделать вывод, что «при составлении проекта авторы субъективно руководствовались двумя целями. Они хотели подчеркнуть «христианскую непреодолимую силу» Российского царства и царской власти, уподобив царя Богу. Если Иисус Христос имел 12 апостолов, то царю полагалось иметь 12 наместников...».

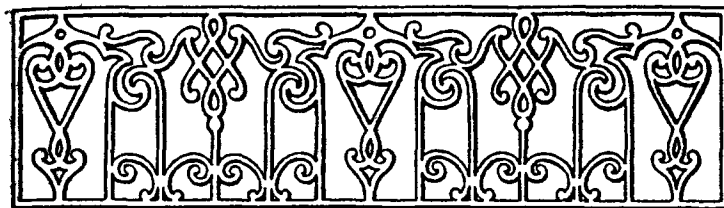
В «Иконе», если даже признать ее за ценный источник, упомянуты задуманные наместничества в Новгороде, Казани, Астрахани, Сибири и иных неназванных городах. Цифра 12 взята М. Я. Волковым «с потолка» и использована благодаря незнанию реалий царствования Федора Алексеевича.

Например, 8 июня 1680 г. государь очень рассердился, узнав, что придворные в челобитных уподобляют его Богу. Он объявил особый указ *не писать*, «чтоб он, великий государь, пожаловал, умилосердился, как Бог; и то слово в челобитных писать непристойно... а если кто впредь дерзнет так писать — и тем за то от него... быть в великой опале!». В том же указе царь сердито заметил, что являться к нему из домов, где есть заразные болезни, — «бесстрашная дерзость... и неостерегаемость его государева здоровья». Лучше бы, заметил государь, поздравляли с праздником и здоровья желали, а не Богу уподобляли!²⁵¹

Но выдуманная цифра 12 неумолимо влекла М. Я. Волкова, и он продолжал: «Вторая, более прозаическая их (составителей. — *Авт.*) цель состояла в том, чтобы удалить из Москвы на постоянную службу еще 12 бояр»: их оставалось бы мало, причем «большая часть оставшихся в столице бояр... состояла бы... из сановников, не заинтересованных в функционировании Боярской думы». Предполагаемое удушение Думы было бы «прогрессивным», из 12 наместничеств могло бы выйти что-то вроде «губерний начала XVIII в.» — но сопротивление «боярской знати, патриарха и церковных властей» не позволило сбыться сим мечтам. «Сопротивление» описано М. Я. Волковым по тексту «Созерцания» Медведева, где обсуждаются общие причины «смут» и «мятежей» в государствах (а реформы Федора Алексеевича, которым сопротивлялся Иоаким, одобряются), — но такая подмена ничего уже не добавляет к общему стилю «исследования».

Нет смысла повторять, что Федор Алексеевич настойчиво и последовательно расширял Боярскую думу,

придавая ей статус постоянно действующего высшего государственного учреждения: не замечать очевидное советские историки привыкли. Гораздо интереснее разобраться в представлении Федора Алексеевича о месте царской власти и ее отношении к Церкви, тем более что эти вопросы были взаимосвязаны начиная с самого венчания государя на царство и до церковной реформы, в ходе которой он скончался.

Глава шестая ПРАВОСЛАВНЫЙ ГОСУДАРЬ

Венчания государей на царство были наиболее торжественными официальными церемониями в России XVI—XVII вв., отражавшими наивысший уровень публичных взаимоотношений самодержца и Церкви. Взаимодействие царства и священства выражалось и в действиях, и в торжественных речах главных действующих лиц. Сравнительное изучение *чинов царского венчания* заставляет обратить особое внимание на действо, подготовленное и проведенное в Кремле в 1676 г. при деятельном участии Федора Алексеевича²⁵².

Еще в прошлом веке Е. В. Барсов, выборочно сопоставив русские чины с византийскими, подчеркивал, что «наибольшую полноту греческого чиновложения представляет венчание царя Федора Алексеевича. После речи, в которой государь изъ-

являл желание короноваться, патриарх спрашивал его: како веруешь и исповедуешь Отца, Сына и Святаго Духа? И государь торжественно читал Никео-Цареградский Символ Веры. Кроме указанных знаков царского достоинства (венец, бармы, скипетр, крест, золотая цепь. — *Авт.*), по примеру греческих царей, на него возложена была царская одежда. Миропомазание началось по приобщении патриарха, всех епископов, но до приобщения дьяконов. Кроме того, всем прежним царям по их миропомазанию Святые Дары были преподаваемы не внутри алтаря, а перед Царскими вратами, где совершалось самое помазание, теперь же царь, по примеру греческих царей, введен во святилище, прямо Царскими вратами, где он приобщался тела и крови Христовой, подобно священникам»²⁵³.

Чин царского венчания

Изменения в главном государственном акте при царе Федоре имели тем более важное значение, что по замыслу устроителей церемонии она издревле имела в высшей степени публичный характер. Это подчеркивалось уже в пространной редакции чина венчания Ивана Грозного, которая легла в основу традиции царских чинов. В отличие от камерного характера церемонии венчания Дмитрия Внука (1498), в чине Ивана дважды подчеркивалось присутствие при действе бесчисленного множества христиан. Для их «устроения» в чине Федора Ивановича было введено «многое множество» чиновников; в чине Марины Мнишек добавлено шесть полковников и 20 сотников со стрелецким войском.

При венчании Михаила Федоровича еще «многое множество» дворян и народа отмечено внутри храма и подчеркнута радость свидетелей события. При первом Романове была также введена торжественная служба по всем храмам и монастырям государства накануне венчания. По чину Алексея Михайловича благовест во все столичные колокола начинался не перед венчанием, а с самого рассвета; всем чинам двора была предписана золотая одежда; на Ивановской площади появились иноземцы — служащие царю и представители других стран «без числа»; неисчислимоe множество православных было, согласно чину, «мужского пола и женского». Все эти признаки публичности были аккумулярованы в чине Федора Алексеевича, который вдобавок за два дня до торжества весьма энергично отдавал личные распоряжения по деталям его проведения.

Международная публичность венчания, фиксированная в чинах XVII в. начиная с Алексея Михайловича, была подчеркнута тем, что руководили церемонией посольские думные дьяки — *чиностроители* (Г. В. Львов при Алексее, Г. К. Богданов при Федоре и Е. И. Украинцев при Иване и Петре). Дипломаты разрабатывали чин и, стоя «против государя» «на чертожном месте», по ходу церемонии «царскому поставлению и венчанию чин строили». А вот среди главных исполнителей действия инициатива менялась.

Первоначально она принадлежала великому князю-отцу. Иван III благословил внука на великое княжение, а митрополит только подтвердил благословение, вторя Ивану. В редакциях чинов Ивана Грозного инициатива постепенно переходит к самому царю. Иван предлагает митрополиту венчать его на

царство, ссылаясь на волю отца. Церемония начинается по изволению Ивана Грозного. Так же происходило венчание тишайшего богомольца Федора Ивановича. В чине Бориса Годунова не сохранилось начала, но и здесь именно царь заявляет, что его благословила и повелела быть царем царица Ирина. Поэтому Борис предлагает патриарху благословить его «по Божьей воле и по вашему избранию». Несмотря на выборы, Михаил Федорович также сам «изволил венчаться» и «велел» митрополиту начать церемонию. С большим основанием так же вел себя Алексей Михайлович, заявив, что его отец уже «благословил царством», и приказал патриарху сына на царство благословить.

Картина резко изменилась начиная с венчания Федора Алексеевича. К нему, а позже к Ивану и Петру, от имени всех людей обратился патриарх Иоаким, предложив царю венчаться и помазаться на радость подданным и для славы государства. В ответ Федор бегло упомянул, что его благословил и приказал венчаться отец. Но Иван и Петр заметили лишь, что старший брат «оставил» царство, на котором они сделались царями, в частности по просьбе патриарха. Именно патриарх Иоаким демонстративно распоряжался на коронации Федора Алексеевича (и его младших братьев), приказывая сделать каждый шаг как духовным, так и светским лицам. Столь крупное изменение взаимодействия светского и духовного владык заманчиво без всякого исследования закономерностей эволюции чинов венчания отнести к конкретной политической ситуации: сильный и властолюбивый патриарх при юных и неспособных к правлению царских отпрысках... Однако речь идет о более важном шаге, сделанном при Федоре Алек-

сеевиче в соответствии с развитием представлений о правовых основаниях самодержавной власти и ее функциях.

В чине Дмитрия Внука господствовало родовое начало: «Божьим изволением, — говорил великий князь, — от наших прародителей великих князей старина наша то и до сих мест: отцы, великие князья, сыновьям своим старшим давали княжество великое». Очень важным было указание и на законность власти отца государя, благословляемого на великое княжение. Наследие Византийской империи как первоисточник великокняжеской власти указывалось лишь в одной редакции чина, однако именно эта мысль получила развитие впоследствии. В пространной редакции чина Ивана Грозного введение в церемонию — дополнительно к *бармам* и *шапке Мономаха* — *креста*, *скипетра* и *цепи*, а также *миропомазания*, прямо связано с представлением о наследии Константинополя — Второго Рима. Эти инсигнии зримо символизировали имперское наследие, но ни царь, ни митрополит об этом не объявляют. Только в описательной части чина пояснено значение креста, «что прислал тот греческий царь Константин Мономах на поставление великим князьям русским с бармами и с царским венцом».

Непосредственно в диалог царя и патриарха наследие Второго Рима вошло при венчании Михаила Федоровича. Удрученный целой серией избраний — Бориса Годунова, Василия Шуйского и себя самого — юный государь ссылался на то, что царь Федор Иванович приходится ему «дядей». Михаил подчеркивал, что венчается «по прежнему нашему царскому чину и достоянию», идущему от Рюрика и Владимира Мономаха, «который превысочайшую честь и

царский венец и диадему от греческого царя Константина Мономаха воспринял, почему и Мономахом наречен, от него же великие Российские государи царствия венцом венчались... даже до... царя Феодора Ивановича... на сем престоле недвижимы были».

По обыкновению, идущему с венчания Федора Ивановича, митрополит в своей речи на венчании первого Романова усилил обоснование прав коронуемого на власть. Подтвердив сказанное Михаилом, он подробно разобрал неприятные казусы с избранными царями — Василием Шуйским и Владиславом Сигизмундовичем, а также изложил печальную историю пленения отца Михаила Федоровича, Федора Никитича Романова (Филарета). Очевидный разрыв династии заставил митрополита подчеркнуть преемственность «царского чина и достоинства» через Мономахов венец: «Царствия венец на главу восприми,— воскликнул митрополит Ефрем, обращаясь к Михаилу Федоровичу,— его же взыскал от древних лет великий государь Владимир Мономах, чтоб нам от вас, великого государя, от вашего царского прекрасноцветущего корня пресветлая и прекрасная ветвь процвела, в надежду и в наследие всем великим государствам Российского царства!»

Разрыв в династии решительно ликвидировал Филарет Никитич в своей речи при поставлении на патриаршество (22 июня 1619 г.)²⁵⁴. Он заявил сыну, что тот сидит «на престоле прародителей твоих: прадеда вашего... царя... Иоанна Васильевича... и деда вашего... царя... Феодора Иоанновича... и прочих прежде бывших царей Российских». Эта версия прямого родства вошла во все последующие царские чины вместе с высказанной Филаретом надеждой:

«Яко да тобою, пресветлым государем, благочестивое ваше царство паки воспрославит и распространит Бог от моря и от рек до конца вселенной, и расточенное во благочестивое твое царство возвратит и соберет воедино, и на первообразное и радостное возведет, чтобы быть над вселенной государю царю и самодержцу христианскому, и воссиять, как солнцу среди звезд».

Включение в царские чины *Молитвы Филарета* о «собрании» земель в едином вселенском государстве (она восходит к особой молитве Бориса Годунова) было взаимосвязано с резким усилением поиска корней царства — ведь границы подлежащего возвращению «расточенного» зависели от размеров наследства. Алексей Михайлович (чин венчания которого переполнен отсылками на наследие Мономаха) впервые назвал *царями* Рюрика и Владимира Святого, а патриарх Иосиф разъяснил, что в наследство царей входит не только Второй, но и Первый Рим: «Происходит великих государей царей российских корень и самодержавствовали в Великой России от превысочайшего первого великого князя Рюрика, который от Августа кесаря, обладающего всей вселенной».

Второй составляющей *корня российских государей* было крещение Руси Владимиром Святым, третьей — венчание Владимира Мономаха венцом константинопольского императора. Непосредственно в связи с этим Алексей и патриарх Иосиф в два голоса характеризовали достижения Михаила Романова, который: 1) сохранил крепкое благочестие и веру; 2) устроил всем православным покой, тишину и благоденствие, благодаря чему страна при нем процвела свыше «всех великих государств»; 3) прославил свое

имя среди всех великих христианских и мусульманских государей, так что друзья и недруги пожелали с ним мира, а многие народы вошли ему в подданство.

Дважды повторяемая в чинах венчания Алексея и его детей *Молитва Филарета* сделалась еще воинственной — слава и распространение царства во вселенной связано в ней с победой над врагами и покорением народов, хотящих войны. В чине Федора Алексеевича в этом контексте восхваляется его отец Алексей — хранитель веры, защитник Церкви, хозяин государства и крепкий победитель врагов, имя которого было страшно и славно во всем мире. Так же потом в чине Ивана и Петра славился царь Федор.

Именно такими должны были быть самодержцы, претендующие на обладание вселенной, наследники Первого и Второго Рима. Но этого оказалось недостаточно! Третий Рим — Москва — считался нерушимым потому, что это было *земное царство Христа*. В поучении царям со времен Ивана Грозного неизменно утверждалось, что самодержец избран Богом замещать его земной престол. Царь своей душой отвечает перед Богом за спасение душ подданных. В свою очередь патриарх всегда уподобляется пророку Самуилу, через которого Бог избирает Давида «в цари над людьми» (некоторые отклонения в чине Федора Ивановича не прижились в последующих чинах).

Но Российское царство, даже возведенное к потопку императора Августа Рюрику и наследуемое по своему собственному чину, имело недостаточно священный, *сакральный* характер, что явственно обнаружилось после нововведений в чине Алексея Михайловича. При огромном значении церемонии вен-

чания это не могло не быть учтено самым тщательным образом. Литература о мировых монархиях была ко времени венчания Федора Алексеевича проработана в Посольском приказе и соотнесена с российскими реалиями²⁵⁵. *Родовое начало* царской власти не отвергалось, но уступило первое место ее *божественному происхождению*.

Необходимые элементы сакрализации, как справедливо заметил Е. В. Барсов, были найдены при обращении к чинам венчания византийских императоров. Кроме того, патриарху, роль которого подчеркивалась и его громогласными распоряжениями, и похвалами ему со стороны Федора Алексеевича, было вменено в обязанность в нескольких пристойных случаях речах (сочиненных в Посольском приказе) явственно и четко подчеркнуть божественную основу власти российских государей.

Наконец, изменилась сама формула царского венчания: Федор Алексеевич короновался прежде всего «*по преданию святой Восточной церкви*», и лишь затем — «*по обычаю древних царей и великих князей российских*». Во избежание недопонимания, новая формула повторялась в чине Федора Алексеевича трижды (а в чине Ивана и Петра — пять раз). Глубинное соотношение царской и патриаршей власти не изменилось: патриарх являлся при венчании служебным лицом. Зато Российское самодержавное царство стало на самом высоком официальном уровне *Российским православным самодержавным царством*. Идеологическое обоснование власти московских государей было приведено в соответствие с имперским статусом новой России, отстаивавшемся ее правительством на международной арене.

Царство и священство

Личные отношения Федора Алексеевича с патриархом Иоакимом чем-то напоминают роли, сыгранные ими на церемонии царского венчания. Патриарху демонстрировалось максимальное почтение и в вопросах, относящихся к его компетенции, государь шел на уступки, которые, может быть, были для него болезненны. Так, почти сразу по вступлении на престол молодой царь выдал на расправу патриарху духовника своего отца Андрея Савинова (которого Алексей Михайлович упорно не выдавал). Вскоре Федору Алексеевичу пришлось распорядиться об ужесточении содержания в ссылке бывшего патриарха Никона, которого он лично глубоко уважал — но так требовали Иоаким и освященный собор, боявшиеся властолюбивого старца даже в заточении²⁵⁶.

Именно светские власти, по настоянию духовных, преследовали по всей стране раскольников, завершив превращение этого прежде элитарного явления в массовое движение. От центральной власти исходили распоряжения о конфискации в церквях и монастырях древних пергаменных церковнослужебных книг, о заведении дел против раскольников²⁵⁷. Федор Алексеевич не помешал Иоакиму издать патриарший указ, запрещающий чиновникам государя требовать от священнослужителей нарушения тайны исповеди. Но царь потребовал, чтобы Иоаким запретил всему духовенству изготавливать вино и обязал духовных лиц покупать его в казенных учреждениях. Характерна формула последнего распоряжения: «патриарх... слушав великого государя указа... указал» (№ 862).

В таком остром вопросе, как церковные имущества, Федор Алексеевич, не без некоторых колебаний, придерживался буквы закона (впрочем, достаточно сурового к Церкви). Хотя по традиции он утверждал жалованные грамоты, данные до Уложения 1649 г.²⁵⁸, в том числе некоторые тарханные (закрепляющие иммунитет церковных владений)²⁵⁹, государь подтвердил вместе с боярами и указ от 1 марта 1672 г. об отмене тарханных грамот (№ 699, 9 августа 1677 г.). 9 сентября 1677 г. боярским приговором был подкреплён запрет большинству монастырей приобретать земли в Диком поле, несмотря на нужду в его освоении (№ 705).

Федор Алексеевич специально дважды запрещал сибирским архиереям и монастырям покупать, брать на оброк, принимать по вкладам или в залог деревни, земли и угодья²⁶⁰. Защита интересов казны простиралась в данном случае до мелочей. Например, 30 августа 1678 г., рассердившись на невыполнение сибирским духовенством запрета на приобретение земель (ср. № 731), государь велел не давать духовным лицам ямских подвод на Сибирской дороге — а то-де их чиновникам не хватает²⁶¹.

В делах, относящихся к его ведению, государь бывал непреклонен и в большом, и в малом. Так, при экстренных денежных сборах все церковные имущества неизменно облагались без изъятия в большем размере, чем государственные, дворцовые и частновладельческие. Патриарх Иоаким был известен симпатией к Нарышкиным и царевичу их крови Петру. Федор Алексеевич тоже любил своих братьев, имена которых уже довольно давно писались в грамотах вместе с царским именем. Однако после воцарения он запретил даже тосты за царевичей у стола само-

держца и издал специальный указ о неписании их имен в грамотах и челобитных²⁶². Такое воспоминание родового начала не соответствовало его представлению о самодержавии.

Вопреки грекофилии Иоакима Федор Алексеевич разнообразными способами проявлял свое неблаговоление к грекам. И наоборот — вопреки яростному сопротивлению патриарха простер свою поддержку просвещению до открытия бесцензурной Верхней типографии, училища Медведева и утверждения «Привилегии» Академии. Впрочем, не благоволя к современному греческому духовенству, являющемуся на Русь за милостыней, Федор Алексеевич не забывал о византийской традиции, к которой обращался еще в чине своего венчания. В росписи новых государственных чинов (против которой выступил Иоаким) первый боярин как глава Расправной Золотой палаты был уподоблен византийскому «доместику фем», дворовый воевода — «севастократору» и т.п.

Византийская традиция, при разделении функций светской и духовной власти, подразумевала безусловное первенство самодержца, защитника, гаранта и расширителя благочестия. Эти свои функции Федор Алексеевич принимал безусловно. На тяжелых переговорах о мире с Речью Посполитой, когда поляки грозили войной, а под Чигирином шли решающие сражения, он отказался даже говорить, если не будет снята статья о допущении в России католического богослужения. Федор Алексеевич соглашался обсуждать судьбу Киева, Смоленска и других земель, но о вере «царь сказал, чтоб и помину не было!»²⁶³.

В деле *просвещения святым крещением* российских подданных все цари были более или менее

изобретательны, однако Федор Алексеевич отличился особо. 21 мая 1680 г. государь именным указом излил милости на Романовских мурз и татар, познавших истинную веру греческого закона: 1) похвалил; 2) «велел их писать княжьем именем»; 3) пожаловал в стольники (как детей аристократов!); 4) дал поместные и денежные оклады; 5) простил провинности, вплоть до дезертирства; 6) освободил от военной службы на три года (№ 823).

Результат превзошел все ожидания. 15 февраля 1681 г. Ядринский воевода доносил, что татары, мордва «и иных вер иноверцы многие» столь дружно познают истинную веру, что не хватает казны на традиционное денежное пожалование *новокрещеным*. Федор Алексеевич повелел в сем случае давать служилым людям льготу в службах, а ясачным — в податях на шесть лет. Эту меру пришлось применять и специальному порученцу, крестившему в 1681 — 1682 гг. Селенгинских, Баргузинских, Иркутских, Нерчинских, Илимских и Братских иноверцев²⁶⁴.

Начало *массовой христианизации* господствующего слоя объединенных под крылами двуглавого орла народов побудило государя принять особые меры к упорствующим в иноверии. 16 мая 1681 г. царь указал и бояре приговорили запретить басурманам владеть христианскими душами. «Ведомо ему великому государю учинилось, — гласил указ, — (что) мурзы и татары в поместьях своих и в вотчинах крестьянам чинят многие налоги и обиды, и принуждают их к своей басурманской вере, и чинят осквернение». Крепостным христианам повелевалось отныне не повиноваться иноверным хозяевам, а подати платить на государя.

Указ убивал двух зайцев сразу. Например, служилых мурз и татар, закоренелых в басурманстве, обещано было испомещать на мордовских землях. Но мордве объявлялось, что, крестившись, они освободятся от такой опасности и будут иметь налоговые льготы на шесть лет. Наконец, крестившимся мурзам и татарам всякого пола и возраста помимо поместий обещалось определенное денежное жалование (№ 867). 24 мая того же года Федор Алексеевич усугубил искушение, повелев поместья и вотчины некрещеных отдавать их крещеным родственникам, причем некрещеных держать на постоянных дворах в Угличе, а кормить за счет крещеных. Тем, кто, не выдержав семейного нажима, «захотят сами в святую православную христианскую веру», велено было возвращать все владения (№ 870).

Эта своеобразная миссионерская деятельность оказалась столь эффективной, что к некрещеному меньшинству можно было принять действительно жесткие меры. Зимой 1682 г. упорствующим в иноверии курмышским помещикам-татарам велено было объявить, что не успевшие принять крещение до 25 февраля никогда не получат назад своих поместий, отданных принявшим православие. Неизвестно, остался ли кто из феодалов-инородцев в басурманстве²⁶⁵, но российское дворянство пополнилось изряднейшим количеством родов восточного происхождения.

Епархиальная реформа

Еще В. Н. Татищев справедливо заметил, что недостаток священников, особенно владеющих местными языками, и другие обстоятельства делали

массовое крещение само по себе мало полезным. Но наряду с описанными мерами Федор Алексеевич осуществлял обширную церковную реформу, призванную закрепить и углубить первоначальные успехи. Солью ее было более чем четырехкратное увеличение числа архиерейских кафедр и придание новой системе епархий иерархического строения в духе готовившейся одновременно реформы государственных чинов.

В самом деле: так называемые никонианские реформы проводились сверху, силами высшего духовенства (об руку со светскими властями), тогда как священники, особенно сельские, в значительном числе не понимали и не принимали их, возмущая паству против властей или присоединяясь к протесту прихожан. В Поморье даже страшный разгром царскими стрельцами Соловецкого монастыря не угасил дух сопротивления. Дон, Нижнее Поволжье, Урал, Сибирь, да и более близкая юго-западная граница были неведомо чьими: раскольничьими, никонианскими или (по незнанию) не присоединившимися ни к кому. Староверы гнездились даже в столице, разве что не выходя на демонстрации; впрочем, на Богоявление 1681 г. некий старовер Герасим Шапочкин влез на Ивановскую колокольню в Кремле и разбросал оттуда «воровские письма на смущение народа»²⁶⁶.

И на все необъятное пространство страны приходилось, вместе с патриархом, 17 архиереев (9 митрополитов, 6 архиепископов и только 1 епископ). Федор Алексеевич, вслед за Симеоном Полоцким (готовившим решение Большого церковного собора 1666—1667 гг. против Никона и староверов), был убежден, что истинный корень раскола — в невежестве народа, а так же в буйстве низшего духо-

венства. Следовательно, необходимо было кардинально усилить духовное просвещение и укрепить духовный меч. Вместо непонятно как расположенных, крайне различных по территории епархий, подведомственных, несмотря на отдаленность, непосредственно Московскому архипастырю, Федор и его единомышленники разработали стройный проект подчинения патриарху 12 митрополитов и, в значительной степени через последних 70 архиепископов и епископов.

Указ 1681 г. о *епархиальной реформе* (№ 898) был разработан самым тщательным образом, при использовании карты новейшего подворного описания и административного деления страны, значения городских центров (в соответствии со списком наместнических чинов), с учетом политико-этнографических соображений и данных о движениях староверов. Обязательно предусматривалось не только подчинение каждой епископии, но и источники ее содержания. Например: «На Костроме. А во удовольствие дать ему (епископу) Воздвиженский монастырь, а за ним 114 дворов; Шеренский монастырь, а за ним 52 двора; Ширтольский монастырь, а за ним 37 дворов; всего 229 дворов».

Указ гласил, что Федор Алексеевич по совету с патриархом «изволил для украшения святой Церкви и для спасения и просвещения христиан быть и именоваться архиереям *по степени*, и каждому архиерею иметь в своей епархии епископов, подвластных ему, а святейшему патриарху, отцу отцам, иметь многих епископов, как главе и пастырю». Конкретно, патриарху подчинялось 10 епископов: в Костроме, Галиче, Звенигороде (без епархии, для управления делами), Севске, Туле, Белеве, Темни-

кове, Белоозере, Арзамасе и Ливнах. Митрополиту Великоновгородскому были подведомственны епископы в Великих Луках, Городце, Колмогорах, Олонце, Ваге. Митрополиту Казанскому: в Симбирске и Уфе. Митрополиту Сибирскому: в Томске, Енисейске, на Лене (содержание за счет государя). Митрополиту Ростовскому: в Угличе, Устюге Великом. Митрополиту Псковскому: в Торопце. Митрополиту Смоленскому: в Брянске, Вязьме. Митрополиту Тверскому: в Кашине. Митрополиту Вятскому: в Соликамской и Кунгуре. Митрополиту Нижегородскому: на Алатыре. Митрополиту Рязанскому: в Тамбове, на Воронеже и в Муроме. Митрополиту Белгородскому: в Курске.

В этот список вошли *остатки* первоначально предложенной царем генеральной росписи епархий (отличавшейся еще и тем, что вместо одной из отмеченных митрополий сохранялась старая Астраханская с епископами на Тереке и в Самаре). Легко заметить, что многие митрополии получились в указе усеченными. Еще бы: в документе отмечено, что из первоначального плана были вычеркнуты епископии во Владимире, Переяславле-Залесском, Путивле, Туле, Белеве, Кашире, Калуге, Серпухове, Можайске, Лухе, Юрьеве-Польском, Каргополе, Кевроле и Мезени, Кольском остроге, Чаронде, Свяжске, Чебоксарах, Уржуме, Тереке, Самаре, Верхотурье, Тюмени, Даурах, Ярославле, Тотье, Пошехонье, Соливыгодской, Гдове, Дорогобуже, Вязьме, Старице, Яренске, Кайгородке, Балахне, Шацке и Рязске.

Затем список подвергся еще одному усечению «и против прежней росписи, — констатирует указ, — отставлено епископов 53 человека», но «в то число прибыло 6 человек епископов» старых и новых епар-

хий. Общим числом в росписи осталось 7 архиепископов и 20 епископов при 12 митрополитах. И это было бы большим шагом в развитии православных епархий, да только проект Федора Алексеевича встретил столь упорное сопротивление патриарха и архиереев, что от него не осталось почти ничего.

Царь не учел, что интересы Церкви и государства — это одно, а оказаться вместо одного из 17 архиереев одним из многих десятков (с минимальным шансом повыситься в сане, ибо митрополитов уже было 9), разделить управление (и доходы) огромных епархий даже с подчиненными епископами — это совсем, совсем другое. Главой сопротивления был патриарх, долго рассматривавший проект без комментариев: ведь подчинение епископов митрополитам (если мыслить в старинных феодальных категориях) умаляло его власть. Только 15 октября, в ответ на письменное требование государя, Иоаким обещал, «моля всех владык», попробовать утвердить проект на соборе²⁶⁷.

Церковное собрание работало в ноябре 1681 г. Государев указ, так и не вступивший в силу, несмотря на переделки, датирован 24 ноября. Соборное постановление по предложениям государя, составленное от имени Иоакима — ноябрем²⁶⁸. Федор Алексеевич именуется в нем, по праву государя, «истинным благочинного делания попечителем», но сколь отличается этот документ даже от усеченных предложений царя! Ключевая проблема была потоплена среди комплекса вопросов, «которые требуют исправления: вначале к ограждению святой Церкви, а потом христианам на распространение, во-первых о прибавлении вновь архиереев по городам, и что мно-

жатся церковные противники, и о иных нуждах, которые требуют исправления».

Вместо постановления об общей епархиальной реформе Иоакимом со товарищи было сказано, что «архиерейское вновь прибавление потребно и нужно для того, что Сибирская страна пространна и в ней множество народа», в ней полно нехристей и раскольников. В качестве возможных епархий бегло названы еще Путивль, Севск, Галич и Кострома, страдающие от распространения раскола без архиерейского надзора. Между тем роспись предлагаемого епархиального деления была представлена архиереям: в первом пункте постановления сказано о желании царя иметь под митрополитами епископов, «а святейшему патриарху, отцов отцу, иметь многих епископов, как главе и пастырю; а в которых градах быть епископам, и от чего им иметь довольство, и то предложено именно». Но что «именно» — не сказано. Зато царю четко дан отрицательный ответ: иерархии среди епархиальных архиереев быть не должно «для того, чтобы в архиерейском чине не было какого церковного разногласия, и между собой распри, и *высости*».

Новые епархии устраивать допускалось, но в прямом подчинении патриарху и весьма ограниченном числе. После долгих уговоров участники этого собрания высшего духовенства (в нем не участвовали даже архимандриты крупнейших монастырей) согласились «учинить» архиепископии в Севске, Колмогорах, Енисейске и Устюге, епископии в Галиче, Арзамасе, Уфе, Тамбове, Воронеже, Болхове, Курске, а Вятскую епископию сделать архиепископией. Это вынужденное согласие означало лишь, что архиереи слишком осторожны, чтобы наотрез отказать даже

столь негневлимому государю; но засим они умыли руки, отнюдь не собираясь выполнять принятое решение.

Владыки просят караул

Сорвав епархиальную реформу, архиереи лишили смысла второй важнейший вопрос царя: о «неразумных человеках», отколовшихся от Церкви. Соборное постановление игнорирует содержание царского предложения, о смысле которого, впрочем, нетрудно догадаться. Вместо просвещения и разумного попечения о пастве архиереи считают необходимым, чтобы Федор Алексеевич указал ужесточить борьбу с расколом всей силой светской власти. Духовные владыки требуют «отсылать к градскому (светскому) суду» и казнить староверов, вменить преследование раскольников в обязанность всем во еводам, приказным людям, помещикам и вотчинникам, указать местной администрации «по посылкам архиерейским» направлять против раскольников воинские команды.

В архиерейском постановлении пересказан запрос Федора Алексеевича относительно богатых монастырей, в которых, вопреки воле вкладчиков, нет богаделен и больниц. Несмотря на искажения, вполне прочитывается царское недоумение: не от того ли «монашеское крепкое житие упразднилось?». В ответ владыки предлагают свирепые меры наведения порядка, вплоть до построения специального монастыря-тюрьмы для «бесчинников» (I), просят выделить дворян-приказчиков для управления вотчина-

ми женских монастырей и устраивают новые гонения на вдовых попов, живущих у добрых людей...

В просьбе царя озаботиться поставлением священников в православные районы за шведской и польской границами архиереи не отказали — при условии, что делегаты от соответствующих общин доберутся до них с удостоверяющими их потребность документами. Не отказали и снять из Чиновника, по которому приносят присягу служилые люди, самые «страшные и непрощаемые клятвы, которые к тем делам и неприличны»: при условии, «чтобы великий государь указал отставить церковные казни... и вечной смертью их не убивать», а «изволил тем людям наложить свой государев указ, прещение и страх (меры наказания. — Авт.) по градским законам».

В шестом и седьмом предложениях Федор Алексеевич заботился о сохранности и наилучшем использовании святых реликвий Успенского собора и своей дворцовой Благовещенской церкви. Архиереи ответили индифферентно: «то должно чиниться по воле великого государя». Восьмое предложение — заделать двери в монастыри из мирских домов — прошло вполне. Известная уже нам идея устройства богаделен и госпиталей «от его государевой казны» также прошла без обсуждения, хотя государь желал привлечь к этому делу все монастыри. Архиереи потратили на этот вопрос едва ли больше времени, чем на 10-й: о запрещении нищим побираться в церкви во время службы. Интересно, что именно государь заботился, чтобы церковнослужители не застраивали для личных нужд земли, отведенные под кладбища (предложение 11-е). Архиереи отослали его в Земский приказ. Зато они согласились,

что в праздники нельзя пускать прихожан в храмы с едой и питьем, что следует ограничить строительство пустыней (но здесь опять просят царского указа).

Вообще, даже в изложении архиерейского постановления, тон Федора Алексеевича и духовных владык сильно различается. Государь считает, что «простолюдины, не ведая истинного писания», принимают за истину содержание множества всяких тетрадок, столбцов и прочей неформальной литературы, свободно ходящей по Москве и продающейся на Спасском мосту, — и думает, что таких следует «остерегать», а тексты «свидетельствовать с Печатного двора». Архиереи предлагают отрядить светского и духовного чиновника с «караулом стрельцов», дабы таких людей «имать» в Патриарший приказ, где им «чинить смирение, смотря по вине, и брать пени по рассмотрению».

В 15-м предложении архиереи согласны бесплатно заменять все книги старой печати, продаваемые в Москве, на новые (на казенном Печатном дворе). Наконец, в 16-м предложении царь беспокоится о множестве «палаток и деревянных амбаров», самочинно превращенных в Москве в часовни и собирающих по праздникам множество народа. Архиереи отвечают классически: «Чтобы в (тех) часовнях святым иконам быть, которые близко (от) караулов».

Я уже не раз писал, что во второй половине XVII в. верхи Русской Православной Церкви, к великому ее несчастью и вопреки воле многих верующих, упорно стремились спрятаться за «караул» и вполне закономерно превратились в начале следующего столетия в духовный департамент военно-полицейской империи. Как ни печально, даже столь

истово благочестивый монарх, как Федор Алексеевич, пришлось им не ко двору. Именно патриарх Иоаким возглавил оппозицию ему, провалил и извратил реформу гражданских и церковных чинов. Опасаясь, что царевич Иван Алексеевич может способствовать продолжению курса единокровного и близкого с ним по образованию брата, архипастырь стал видным членом заговора, приведшего «в тот же час» после смерти Федора на неостывший престол Петра. Воистину, высшие иерархи сами напрашивались на дубину своего ставленника и избранника!

Кончина преобразователя

Автор эпитафии царю Федору в Архангельском соборе не преувеличивает, что смерть великого государя в разгар реформ была трагедией для России. Мы видели, сколь много полезного для страны царь задумал и энергично реализовал в области просвещения и налогообложения, военного, гражданского и церковного строительства. Древняя мудрость гласит: не суди о человеке только по тому, как он жил — сперва узнай, как он умер. Дела, которыми был занят государь в месяцы, недели и дни перед смертью, лучше всяких рассуждений позволяют нам понять глубину убеждений и силу характера самодержца-реформатора.

Даже смертельно больной, Федор Алексеевич не сдавался. У него были и другие советники, кроме постоянно являвшихся ко двору, но не стремившихся основывать новые епархии архиереев. Государь, например, часто приглашал к себе знаменитого строителя Флорищевой пустыни Илариона (останавливав-

шегося в Москве в доме своего родича, художника Симона Ушакова). Этому подвижника царь поставил во главе архиепископии Суздальской и Юрьевской, преобразованной по его плану в митрополию²⁶⁹. Известный независимостью взглядов архиепископ Суздальский и Юрьевский Маркел был поставлен в «новоучиненную митрополию» Псковскую и Изборскую. Архиепископ Симеон на своей Смоленской кафедре стал первым митрополитом: «поставление же его было не так, каков есть обычай, но только надели саккос и прочее, достоинства же ему не припевали»²⁷⁰.

Последняя, «без мест» разрядная книга царствования Федора, оставшаяся в черновике, сообщает, что 5 февраля 1682 г. архимандрит Сергей из далекого Новоторжского монастыря стал архиепископом Тверским и Кашинским (кафедра пустовала). Сразу по поставлении по царскому указу боярин князь Ю. С. Урусов со свитой проводили нового владыку к Федору Алексеевичу²⁷¹.

На следующий день государь изволил вновь духовенству «возвестить о делах, которые требуют исправления, вначале к ограждению святой Церкви, а потом христианам на распространение, противникам же церковным на искоренение». Царь писал, что начало его делу положено: патриарх с освященным собором «соизволили» поставить митрополитов и архиепископов по степеням «так, как в том его царском возвещении написано»²⁷².

Согласия на план Федора Алексеевича, кроме мизерных уступок, в письменном виде не сохранилось. Показательна, однако, история с Никоном, держать которого в заточении, как преступника, было не слишком умно, навязывая народу «никониан-

ство». Несмотря на то что «многие соборы у архиереев были, чтобы его, Никона, оттуда из (Ферапонтова. — Авт.) монастыря не брать», государь настоял на своем и разрешил Никону вернуться в Новоиерусалимский монастырь. Никон скончался по дороге и по указанию патриарха должен был быть погребен как простой монах. Трудно поверить, что Федор Алексеевич лично участвовал в похоронах (хотя об этом пишет современник), но царь решительно требовал, чтобы Никона поминали как патриарха. Архиереи отказались наотрез, тем более что Никона осуждал Большой собор с присутствием восточных патриархов. Тогда государь обратился к последним: Никон был полностью реабилитирован грамотами патриархов Иакова Константинопольского, Парфения Александрийского, Неофита Антиохийского и Досифея Иерусалимского. Мнения русских иерархов больше не требовалось, при этом за долго до получения грамот государь приказал погребать и поминать Никона как патриарха²⁷³.

Итак, царь известил Иоакима, что раз епархии утверждены, следует «на умножение хвалы Божией именоваться им архиереями по тем городам, которые в его царской державе имениты», то есть в соответствии с первыми чинами наместников. (Вот была еще одна причина для Иоакима выступить против проекта реформы гражданских и военных чинов!) «Того не исполнено», — строго напоминал государь. Далее, поскольку архиереи активно выступали против того, чтобы посылать епископов «на Лену, в Дауры», ибо, по их мнению, «в тех дальних городах ныне быть неудобно», царь потребовал, чтобы был особо решен вопрос о предоставлении архиастырей

«Сибирской стране»: «для исправления и спасения людей, пребывающих в тех городах».

Федора Алексеевича конкретно интересовали епископы для Даурского, Нерчинского и Албазинского острогов: им грозила беда. Еще 27 января он двинул Казанский полк (армию) в Симбирск под командой боярина П. В. Большого Шереметева. 29 января «сказано по указу великого государя строить города в Дауры, и в Селегинский, и в Болбожинский, и Сибирским полком на китайцев думному дворянину Кириллу Осиповичу Хлопову, а с ним велено быть всем Сибирской земли городов всяким служивым людям конным и пехоте». Царь не собирался позорно отдавать Амур, как сделали его преемники; он желал иметь там твердое государственное и церковное присутствие, невозможное, когда «в тех дальних местах христианская вера не расширяется». Кстати, он вспомнил и о других землях, остающихся в церковном забросе. «Прибавить архиереев» требовалось в Путивле, Севске, Галиче, Костроме «и в иных многих местах», доселе как будто отданных в распоряжение староверов.

Любопытно, что Федор Алексеевич общался с патриархом письменно, тогда как лично встречался с Иоакимом и членами освященного собора 19 января (на пиру после приема крымских послов), при наречении своей невесты 12 февраля, на «действе Страшного суда» 19 февраля, на приеме 21-го, «у стола» 23-го и на именинах царевны Евдокии 26 февраля. Как бы то ни было, царь упорно добивался назначения одного архиерея за другим. 12 марта первым архиепископом Вятским и Великопермским стал Иона, а Великоустюжским и Тотемским — Геласий (монах из-под Новгорода). За поставлением по указу

государя следили боярин князь Ю. С. Урусов, думный дворянин И. П. Кондырев (известный воин) и посольский думный дьяк Е. И. Украинцев. 19 марта первым архиепископом Колмогорским и Важским стал Афанасий (знаменитый книжник). При поставлении присутствовал боярин князь И. Б. Троекуров с товарищами. 24 марта игумен Галичского Городецкого монастыря Леонтий стал первым епископом Тамбовским — под наблюдением Ю. С. Урусова с компанией царских представителей. 2 апреля первого епископа получил Воронеж — это был Митрофан (он и при жизни почитался, а после смерти был причислен к лику святых). За исполнением царского указа проследила группа И. Б. Троекурова.

Сам царь почти не мог вставать. Но он еще возвел в боярский чин будущего замечательного полководца А. С. Шеина и «пожаловал в комнату» кончившего жизнь на плахе во время Московского восстания того же, 1682 г. боярина князя И. А. Хованского. 15 апреля Федор Алексеевич, как и обещал архиереям, переложил в уже изготовленный новый ковчег Ризу Господню (подарок иранского шаха). 16-го числа он в последний раз вышел из комнаты: к заутрене в Успенский собор на праздник Светлого воскресения. Двор сопровождал его в новых золотых кафтанах европейского образца.

23 апреля в палатах патриарха пировали: были даже князья В. В. Голицын и В. Д. Долгоруков. А на окраинах Москвы, собираясь «в круги» по казацкому обычаю, подхваченному в походах, кричали о невозможности терпеть «тяжелоносия» от своих полковников лучшие пехотные полки русской регулярной армии. В тот же день, сомневаясь, что можно сыскать в этом государстве правду, они до-

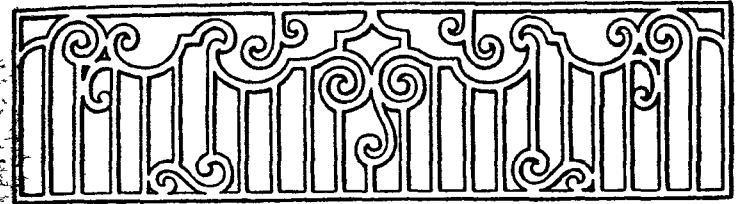
говорились всем вместе бить челом на одного — самого закоренелого в злодействе — полковника Семена Грибоедова.

Люди так и не узнали, но разрядная книга беспристрастно записала, что Федор Алексеевич все же получил стрелецкую челобитную 24 апреля и указал: «Семена сослать в Тотьму, и вотчины отнять, и из полковников отставить». Это было последнее распоряжение умирающего царя. Следующая запись гласит, что «апреля в 27 день, грехов ради всего Московского государства» (так!) Федор Алексеевич умер²⁷⁴.

Полковник был посажен в тюрьму и... через сутки выпущен. «Во всех полках тайно начали мыслить» о подготовке общего восстания. Известие о смерти Федора и воцарении «того ж часа» Петра означало, что многие из тех, кто в эти дни беспечно плетет интриги во дворце, вскоре полетят «сверху» на конья и будут «в мелочь» изрублены, патриарх едва избежит смерти во время бунта староверов и чудом спасется благодаря царевне Софье. Но это уже другая история.

ПРЕМУДРАЯ ЦАРЕВНА СОФЬЯ

ПРАВЛЕНИЕ ЦАРЕВНЫ СОФЬИ

Легенда о временах Софьи Алексеевны

Российская история легендарна в прямом смысле. Исторические легенды веками формировались по заказу Власти — и всеми средствами вбивались в головы подданных. Представления о временах царевны Софьи — яркий пример трехвековой преемственности государственной исторической пропаганды.

Разумеется, механизм замены подлинной истории лубочной картинкой или политическим плакатом непрост. Среди историков было немало правдоискателей, открывавших ту или иную страницу запечатанной в архивах истины. Множество важных документов и материалов, правдивых исследований опубликовано, немалая часть лжи опровергнута — но это никак не сказывается на исторической про-

паганде, с замечательным цинизмом «не замечающей» истины и продолжающей тиражировать отвергнутые наукой представления.

Воздействие приятной Властью легенды на общественное сознание касается и художников, усиливающих ее своими бессмертными творениями. Страшная и гадкая царевна Софья и всепобеждающий реформатор Петр (естественно — Великий) на картинах Валентина Серова — результат длинной серии искажений в изобразительном искусстве, целенаправленно придававших облику Софьи отвратительность, а Петра — возвышенность.

«Хованщина» Модеста Мусоргского — произведение настолько великое, что лишь большими усилиями постановщиков «вписывается» в установленную легенду. Не случайно композитор подчеркнуто смешал в опере разновременные события, как бы говоря о незначительности использованной им легенды для существа могучей музыкальной драмы. Но зритель не может не отметить, что уступка композитора властям — в сцене с высказывающим в конце, как черт из бутылки, Петром — до смешного раздута в классической постановке Кировского театра, обычно отличающегося вниманием и тактом к авторскому замыслу.

Софья и «старая московская Русь» в романе Алексея Толстого «Петр I», противопоставленные «обновляемой России» Преобразователя и его «птенцов» — пожалуй, лучшее выражение государственной легенды. Хотя в этом (и во многих других) случае талант был куплен и оплачен, писатель не создал принципиально новой картины, лишь блестяще воплотив созданные задолго до него представ-

ления, которые и поныне искренне отстаивают многие завороченные Властью историки.

«Но легенда о «старой Руси» и «новой России», царе-реформаторе и его врагах-реакционерах бытовала не только в официальной литературе! — воскликнет читатель. — А как же столь славно начинавшие спор с протеста против существующего строя западники и славянофилы?!» Здесь нет противоречия.

Софья и Петр давно стали символами для обозначения революционного переворота. Петровская «революция сверху» иллюстрировала тезис, что только Власть есть творческая сила в обществе. «Европеизация» тешила западников, прощавших прорубавшему «окно в Европу» монарху «издержки» в сотни тысяч загубленных жизней. Петровская политика закрепощения и террора позволяла славянофилам рисовать идиллические картинки дореформенной Руси — наподобие модных сейчас представлений о чудесной жизни в Российской империи до 1917 г.

Только изменение отношения к революционным преобразованиям в целом делает для общественного сознания доступной истину о тех процессах, что происходили в России в последней четверти XVII в. — ровно триста лет назад. Именно тогда просветитель и соученик царевны Софьи Алексеевны Сильвестр Медведев высказал мысль о том, что общество без знания истории — как человек без памяти; только правдивую историю «великие люди» не очень-то любят, а объективные писатели испокон веков сильно рискуют¹. Действительно, автор «Созерцания краткого», «Известия истинного» и других правдивых книг был обвинен в том, что, отстаивая право каж-

дого человека «рассуждать», он хочет «попирать всю власть» — и окончил жизнь на Лобном месте².

Дерзнувший предложить обществу собственное представление России, историк, публицист, поэт, богослов и композитор Игнатий Римский-Корсаков, митрополит Сибирский и Тобольский, стал на рубеже XVII и XVIII вв. первым известным писателем, объявленным в России сумасшедшим (и незамедлительно уморенным в темнице). А в нашем прогрессивном веке правдивая рукопись книги академика М. М. Богословского: «Петр I. Материалы для биографии» была искромсана цензурой, оберегавшей читателя от правдиво изложенных фактов биографии «Отца Отечества»³.

Лишь на исходе третьего столетия нам позволено приоткрыть зажмуренные в испуге глаза и попробовать рассмотреть драматические события истории, связанные с царевной Софьей и ее современниками, отталкиваясь от того, что уже хорошо усвоено — от легенды о Великом Преобразователе.

Допетровская Россия долго виделась отсталой патриархальной страной, покрытой «мраком невежества», отгороженной от культурной Европы традиционным недоверием к иноземцам. Жизнь в ней текла сонно, среди событий особенно заметны воссоединение России с Украиной, церковный конфликт Никона и Аввакума, издание нескольких книг Печатным двором и тщетные попытки завести училища. Диссонансом воспринимаются хорошо известные восстание Степана Разина, Медный и Соляной бунты, но усилиями советских историков и писателей они нашли свое место в картине беспросветной эксплу-

атации трудового народа, которому не оставалось другого выхода, кроме как безнадежно бунтовать.

Советский человек с легкостью верил, что «трудящимся» чуть не со времен Киевской Руси жилось все хуже и хуже, не задаваясь вопросом, почему же в таком случае неуклонно увеличивалось население России, заново заселяя страну после Великого разорения Ивана Грозного, гражданской войны начала XVII в. (Смуты) и опустошавших государство эпидемий чумы, холеры и оспы.

Промышленников до Петра, считается, не было, но купцы чем-то там приторговывали. Дворянство эксплуатировало крестьян, а чем оно еще занималось — неясно, разве что служило в допотопном ополчении. Невежественные бояре проводили время на пирах и, «уставля бороды», томились в огромных меховых шапках и шубах в царской Думе — высшем законодательном и административном органе при государе-царе.

«Цари-батюшки» единообразны и различаются только степенью кровожадности. Впрочем, в последние годы их фигуры воспринимаются все более восторженно и утопают в золотом тумане корон, скипетров и держав. Атрибутом царской власти воспринимаются рынды в белых платьях с секирами в руках, золотыми цепями на груди и с высокими цилиндрическими шапками на головах.

Остаются еще монахи и осанистые попы — в недавнем прошлом кровососы-эксплуататоры, а по нынешним представлениям — единственные носители духовной культуры и организаторы культурных процессов: переписывания книг, иконописания, колокольного литья, каменного зодчества и прочих допетровских интеллектуальных занятий.

Выросшая в теремном заточении при консервативном, византийского типа царском дворе, царевна Софья Алексеевна могла быть только такой, какой представляет ее читатель романа «Петр I»: хитрой властолюбивцей, цепко и хищно ухватившей полными руками возможность ценою Стрелецкого бунта отобрать власть у своего талантливой и многообещающего брата Петра Алексеевича.

Стрельцы — это древнее небоеспособное войско, погрязшее в самовольстве и совершенно лишенное дисциплины — еще с начала XVIII в. они изображались как «янычары». Лишенные понятия о государственной пользе, они, естественно, служили удобным орудием для придворных интриганов, покупавших за деньги и другие подачки помощь стрельцов для убийств и низвержений законных правителей.

Никакими делами, кроме открытия в Москве Славяно-греко-латинской академии и неудачных Крымских походов, правление царевны Софьи не ознаменовалось. Культурные нововведения — например, новый архитектурный стиль — связываются с именами родственников Петра Нарышкиных. Считается, что лишь при петровском дворе в Преображенском и Семеновском селах под Москвой в ходе обучения Великого Преобразователя и его военных игр рождались ростки нового.

Да и что могло сделать реакционное правительство Софьи с ее глупыми боярами? Лишь отдельные люди понимали, в какой глубокой отсталости находится страна и выступали «предшественниками» великого Петра в попытках реформировать Россию по образу и подобию Запада. Монастырская школа Ртищева, псковские экономические реформы Ордина-Нащокина, переводческая деятельность Посоль-

ского приказа при известном дипломате канцлере Артамоне Сергеевиче Матвееве — вот скудные ростки в пустыне, которую Петр превратил потом в цветущий сад.

Князь Василий Васильевич Голицын, самый известный член правительства Софьи, знаменит главным образом как любовник царевны. Даже знаменитый историк В. О. Ключевский, задумавший похвалить князя как «прямого продолжателя Ордина-Нащокина» и «предшественника Петра», считал Голицына идеалистом, уходящим в своих мечтах от действительности.

Естественна неясность очертаний фигур «предшественников», в отличие от «врагов преобразований» (Софья, злые бояре, буйные стрельцы). Ведь предпетровское время — это лишь темный фон, на котором лучше сияет сказка о Преобразователе. Только что ничего не было — и вдруг вышагивают в европейской форме Преображенский и Семеновский полки, за которыми тянется всепобеждающая русская регулярная армия.

«Гром победы, раздавайся!» витает над новым с иголки военно-морским флотом, зародившемся в 1695—1696 гг. на воронежских верфях и впервые «промышлявшем» в Азовском море. Длинные борды и подолы безжалостно обрезаны преобразовательскими ножницами — и вот уже блистают петровские ассамблеи с танцами и, соответственно, прекрасными дамами в нарядах по европейской моде.

Петр проводит «индустриализацию» страны, строит заводы на Урале, да не какие-нибудь, а металлургические. Страна покрывается мануфактурами, через «окно в Европу» плывет заморская торговля, «все флаги в гости» едут к нам. Крестьян, правда,

все еще эксплуатируют крепостники, зато дворяне получают образование и становятся нужными для крепнущего государства — теперь все поголовно служат для пользы страны.

Науки, искусство и литература процветают, насаждаются училища, иноземцы просвещают диких москвитов. Последние сопротивляются, но постепенно сдаются под грозной дубиной Петра, который и сына не жалеет в стремлении искоренить темную старину. Одновременно насаждается царем свободомыслие и «падают оковы» религиозности (последний шаг ныне не одобряется).

Царство сменяется империей — и Россия, став вдруг великой державой, прославленной военными победами над самим Карлом XII, распространяет свое дипломатическое влияние на весь цивилизованный мир. Начинаются научные экспедиции — и «русские немцы» увековечивают приоритет новой родины множеством открытий.

Застарелая и неповоротливая Боярская дума заменяется самым современным Сенатом, допотопные приказы — коллегиями, воеводы и дьяки — губернаторами, прокурорами и фискалами. Всюду новые люди: в правительстве, окружении Петра, промышленности, армии, науке. Господствуют новые прогрессивные идеи «общего блага» и «государственной пользы», таланты «из низов» получают заслуженные ими посты. После веков застоя начинается героический период истории.

Все это — легенда. Действительная картина столь разительно отличается от описанного, что кажется, будто легенда стерла с карты мира целую страну —

с ее богатствами, культурой, людьми и драматическими конфликтами, с одного из которых начался путь к власти царевны Софьи Алексеевны.

Восставшая Москва

День 27 апреля 1682 г. Софья провела у постели умирающего брата Федора — царя-преобразователя, чье шестилетнее правление, будучи наконец описанным, войдет в историю страны одной из великих страниц⁴. С ней находился младший брат — 16-летний царевич Иван — и сестры по отцу Алексею Михайловичу и матери Марии Ильиничне Милославской. 10-летний царевич Петр, сын второй жены царя Алексея Наталии Кирилловны Нарышкиной, со своими родичами и сторонниками был занят другим делом. Каким — вскоре станет ясно.

Не успел государь скончаться, как бояре, придворные, приказные дельцы и духовенство во главе с патриархом Иоакимом нарекли царем малолетнего Петра, рассчитывая полюбовно поделить между собой реальную власть. Большинство «в верхах» не хотело ни продолжения реформ, ни возвращения удаленных Федором от правления Милославских: одно из двух было весьма вероятно при воцарении Ивана. Хорошо продуманный дворцовый переворот осуществлялся успешно — немедленно была проведена присяга Петру в Кремле, готовились к рассылке «крестоцеловальные грамоты» для всей страны⁵.

Но за стенами сказочно-прекрасного Кремлевского дворца с его золочеными теремами и переходами, висячими садами и прудами, за украшенными изумрудными шатрами кремлевскими башнями ле-

жал вовсе не сказочный огромный город, жители которого оставляли за собой право «свое суждение иметь».

Население крупнейшего города Европы имело для этого основания. Оно производило в России больше всего товаров и вело самые крупные торговые операции, было по тем временам достаточно образовано. В целом по стране священники и купцы были грамотны почти стопроцентно, монахи — на 75%, дворяне — на 65%, посадские люди — на 40%, крестьяне — на 15%, причем в столице темп роста грамотности с 1670-х по 1690-е гг. вырос втрое⁶.

Москвичи проявляли повышенный интерес к отечественной и переводной литературе, сами переписывали, редактировали и составляли множество публицистических сочинений, «тетрадей» по злободневным политическим и иным вопросам, в обсуждении которых «на пиршищах и на торжищах» участвовали даже «жены и детищи»⁷.

Никогда, кроме XX в., Россия не пережила столько народных восстаний, сколько в «бунташном» XVII столетии. Что-что, а тихим предпетровское время назвать нельзя! Начавшись гражданской войной (осложнившейся, как у нас водится, интервенцией), век был заполнен крестьянскими, казацкими и городскими восстаниями, в которых москвичи нередко выступали заводилами, и безрезультатно.

Соляной налог в 1648 г. побудил посадских людей столицы показать властям, что народ устал от произвола. Волна восстаний прокатилась по множеству городов, и правительство вынуждено было созвать Земский собор для принятия знаменитого Уложения, на два столетия ставшего основным законодательным кодексом государства. В 1662 г. восставшие

москвичи убедили правительство отказаться от разорительной денежной реформы, с помощью которой власти пытались поправить финансы за счет народа.

В апреле 1682 г. Москва поднялась на крупнейшее за все столетие восстание, чтобы не позволить боярам за спиной неспособного к правлению 10-летнего ребенка Петра «государством завладеть». Вслед за столицей народ восстал во многих других городах; волнения охватили и Дон, где всего десятилетие назад было подавлено восстание Разина.

Положение блокированного в центре Москвы царского двора усугублялось тем, что все квартирующие в столице военные силы были на стороне восставших. Лишившись возможности даже помыслить о том, чтобы, по обыкновению, перевешать бунтовщиков, власти заматались. Нет, «верхи» не отказались от междоусобной борьбы: к середине мая коалиция заговорщиков раскололась, оскорбленная прорвавшейся к власти группировкой родичей Петра — Нарышкиных — и их возвращенного из ссылки покровителя, экс-канцлера Артамона Матвеева. Между политическими стычками хозяева Кремля даровали себе чины и имущества. Однако ни одного шага к спасению не было сделано.

Стрельцы и солдаты московского гарнизона не случайно оказались во главе восстания. Они волновались еще зимой, при жизни царя Федора, требуя оградить их от «налогов начальнических и нестерпимых обид» временщиков, которым подвергались едва ли не в большей мере, чем жители московского посада. Весть о столичных волнениях всколыхнула провинциальные гарнизоны, но главное — регулярные полки придали восстанию организованность,

несвойственную скоротечному бунту (что впоследствии дало основание домыслам о «заговоре Софьи», «Хованщине» и т.п.).

15 мая 1682 г. тщательно подготовленное в «кругах» стрелецких и солдатских выборных людей вооруженное восстание началось. Рано поутру во главе с новоизбранными командирами, с развернутыми знаменами и полковыми оркестрами, в полном вооружении и с пушками из опоясывающих Москву стрелецких слобод и Бутырских казарм двинулись к центру города колонны лучших в России войск, прославленных за столетие многими победами, разгромивших в недавней войне (1672—1681) отборные силы и знаменитейших полководцев Османской империи.

Стрельцы и солдаты были единодушны — старых командиров, прислужников и «ушников» начальства они заблаговременно истребили и разогнали, полковники сами бежали в страхе. Двигавшиеся со стороны Бутырских казарм выборные солдатские полки аккуратно связали генерала Аггея Алексеевича Шепелева, проявившего во время восстания такую же неустрашимость, как и в 1678 г., когда он, надев шляпу на шпагу, шел впереди своей дивизии на штурм Чигиринских высот, наспигованных окопавшимися янычарами турецкого полководца Кара-Мустафы.

Горожане, шедшие за стройными колоннами и собиравшиеся в многочисленные толпы, проявляли меньше единодушия. Так и должно было быть — ведь на улицы вышли люди и по занятиям, и по убеждениям разные: от богатого промышленника до наемных рабочих людей. С целью политической агитации стрельцы и солдаты послали глашатаев

кричать, что бояре-изменники не только отравили царя Федора (вестимо отравили — иначе откуда они знали, что он не проживет еще несколько часов, когда присягали Петру?!), но покусились уже на жизнь царевича Ивана: отравили или задушили — кому что больше нравится.

Слухи подтолкнули на Кремлевскую площадь даже неустойчивых, не верящих в успех восстания. Впрочем, сопротивления почти не было. Привилегированный полк царской охраны влился в ряды пестрых стрельцов (голубые кафтаны с желтыми патронташами и сапогами, коричневые с красным одеяла) и традиционно черных солдат в тяжелых кирасах и шлемах. Стремянный полк открыл ворота Кремля. Несколько ружейных залпов снесли с Ивановской площади боярских и дворянских вооруженных холмов.

Выстроившиеся перед дворцом восставшие потребовали выдать им строго по составленному и тщательно обсужденному в «кругах» списку 40 «изменников»: издевавшихся над народом правителей, главных заговорщиков, отнявших власть у царевича Ивана и подозреваемых в отравлении царя Федора. Выведенных напоказ маленького царя Петра и царевича Ивана восставшие проигнорировали, патриарха и видных государственных мужей не стали слушать: «Не требуем никаких ни от кого советов!»

С Петром на всю жизнь остался ужас, пережитый, когда восставшие выбрасывали из дворца на копья и «рубили в мелочь» его родственников и царедворцев. Животный страх слился с ненавистью, впитанной с малолетства, когда мать и родичи царевича, предприняв неудавшуюся попытку захвата власти после смерти царя Алексея, в завистливой злобе

прозябали на задворках пышного двора царя Федора Алексеевича.

Богомольный 16-летний царевич Иван был повергнут в оцепенение происходящим на глазах душегубством и окончательно отказался от занятий делами мирскими. Во всполошенной восставшими царской семье было множество царевен — теток и сестер Ивана и Петра — в том числе знаменитая советница царя Федора, строительница и меценатка Татьяна Михайловна. Царевны вместе с царицей Наталией Кирилловной прятали преследуемых от разъяренных стрельцов, воспользовавшись даже покоем юной вдовы Федора царицы Марфы Матвеевны Апраксиной. Но активно вмешаться в события они оказались неспособны.

Подавляющее большинство государственных деятелей и царедворцев, застигнутых во время ежедневного утреннего собрания во дворце, даже не отдавало себе отчета в том, что они не подвергаются непосредственной опасности, поскольку восставшие ищут именно объявленных «изменников». Правда, трудно было спокойно созерцать расправы, тем более что стрельцы убили кое-кого по ошибке, обозначившись. Гибель князя Михаила Долгорукова, а затем его отца князя Юрия Алексеевича с несколькими военными, не столько помешавшими, сколько разозлившими стрельцов сопротивлением и угрозами, усилила панику. Правящая верхушка была деморализована.

Хотя уже 17 мая восставшие, пытками добившись признания «виновных» в отравлении царя Федора и завершив казни, объявили о воцарении в столице спокойствия (и даже помиловали оставшихся в живых «изменников»), большинство бояр, окольничих,

думных дворян и дьяков разбежалось по своим вотчинам, забившись «аки подземные кроты» в дальние деревни. Лишь немногие из родовой знати — часть Одоевских, И. М. Милославский, В. В. Голицын, Хованские, М. П. Головин и др. — сочли недостойным бросить царскую семью в руках восставших.

18 мая оставшиеся в Москве вельможи образовали новое правительство вместо истребленного и разогнанного. Сложность состояла в том, что для жителей столицы, восставших против попытки «верхов» «царством владети паче прежнего, и людьми мять, и обидети бедных, и продавать», новые власти не являлись авторитетом. Но юный Петр и Иван, царицы и царевны оказались не беззащитны. Из их перепуганной толпы выступила царевна Софья Алексеевна, обладавшая незаурядным умом, отмеченным еще знаменитым просветителем Симеоном Полоцким, у которого она осваивала курс «свободных наук» вместе с будущим царем Федором Алексеевичем.

Царевна-умиротворительница

Первым побуждением царевны была, надо полагать, борьба за власть своего клана: детей первой жены Алексея Михайловича — Марии Ильиничны Милославской, их родичей и окружения. На похоронах Федора Алексеевича 28 апреля она, вопреки традиции, шла за гробом, заставив Петра с матерью в возмущении покинуть церемонию. Вероятно, она действительно опасалась за жизнь единокровного брата Ивана, когда в первых числах мая возмущение народа дворцовым переворотом не удалось утихомирить даже официальными сообщениями, будто бы

Петр избран на царство Земским собором «всенародно и единогласно»⁸.

Но обстоятельства штурма Кремля и последующие действия восставших дали понять «мужеумной царевне», что спасать следует уже не только права претендентов на престол или положение отдельных людей, а само государство. Софья стала выступать перед восставшими от имени царской семьи, не выказывая ни малейшего испуга перед смятенными толпами и окровавленным оружием. Ее поистине пугало другое — невиданная организованность бунта, строгая дисциплина, с самого начала установленная стрельцами и солдатами.

Закрыв кабаки и публично казнив тех, кто бросился грабить (в том числе нескольких своих товарищей), служивые заявляли, что решили установить свой порядок всерьез и надолго. Публично выступая от имени законного наследника престола Ивана Алексеевича (что Софья могла бы только приветствовать), восставшие довольно спокойно согласились с настоянием патриарха Иоакима и вельмож, чтобы корону сохранил и Петр, затем позволили боярам постепенно уклониться от стрелецкого требования наречь Ивана «первым», а Петра «вторым» царем.

«Царистские иллюзии» были лишь внешней оболочкой стремления служивых стать постоянными гарантами «общей пользы», правды и справедливости для «всяких чинов людей», начиная с защиты «государева здоровья». Софья спешила удовлетворить стрельцов и солдат, истощив казну и обложив данью монастыри, чтобы выплатить недоданное служивым за десять лет жалованье, обещая новые прибавки и поблажки, наказывая по их требованию особенно ненавистных полковников.

Но зачинщики восстания выступали не только от своего имени: они требовали «жалованных грамот», удовлетворивших бы интересы всех служивых второго сорта — «по прибору» (в отличие от дворянства, служившего «по отчеству» за поместные оклады). Во избежание нового взрыва народного бунта и для успокоения волнений, охвативших многие российские города, пришлось утвердить грамоты о месте в Российском государстве, правах и обязанностях купцов, промышленников, посадских людей, ямщиков, пушкарей, воротников (городской стражи) и т.п.⁹.

За казенный счет на Красной площади был воздвигнут памятник победе восставших над «изменниками-боярами», «чтобы впредь иные, помня ваше государское крестное целование, чинили правду» и не наносили «обиды» подданным. Современники по достоинству оценили это поразительное событие, как и новое название московских полков: «надворная пехота» (в противовес дворянам-кавалерам) становилась «правым крылом» царской власти! Утверждая право «служивых по прибору» на место в системе государственной власти, восставшие послали во все учреждения по двое «выборных». Вскоре в центральных ведомствах отбою не стало от поверивших в правосудие челобитчиков, хотя, конечно, в основе своей управленческая система не изменилась.

В успокоенную внешне Москву возвращалась злость, вновь закипели придворные страсти, уезжали в деревни свергнутые временщики, в том числе глава клана Милославских Иван Михайлович, лишь ненадолго получивший изрядную власть, но вскоре «задвинутый» сомкнувшимся за спиной Петра большинством представителей правящей верхушки.

25 июня, когда Иван и Петр были венчаны на царство, Наталия Кирилловна торжествовала, заняв первое место при царях. Имя Софьи даже не всегда упоминалось среди членов царской семьи!

Придворные вели себя по-прежнему, словно не замечая, как «невегласы-мужики» пытались на их глазах «государством управлять», диктуя свою волю Думе и приказам. Между тем система власти трещала по швам в центре и на окраинах, откуда тщетно зывали к Москве воеводы. Софье, В. В. Голицыну, Одоевским и некоторым приказным деятелям (Ф. Л. Шакловитому, Е. И. Украинцеву и др.), понимавшим меру опасности, пришлось спасать самодержавное государство, невзирая на придворные распри.

Виднейший сторонник Петра патриарх Иоаким, дискредитировавший себя в глазах народа участием в придворных интригах, в июле подвергся смертельной опасности. Сторонники сожженных по его настоянию в апреле лидеров старообрядчества (протопопа Аввакума, Епифания и др.), пользуясь сочувствием многих стрельцов, горожан и даже знати (например, нового руководителя Стрелецкого приказа князя Ивана Хованского), двинулись на Кремль, чтобы искоренить «никонианское» духовенство.

Царская семья и двор были уведомлены, что если кто-то из них заступится за церковные власти — то всем, включая юных царей, «от народа не быть живым». Софья запретила патриарху выходить на площадь и приказала расколоучителям явиться на «прение о вере» в Грановитую палату. «Ужаса смертного исполненные» бояре умоляли царевну не ходить, спасти себя и всех «от напрасныя смерти».

— Если и так, — сказала Софья, — то будь воля Божия; однако не оставляю я святой Церкви и ее пастыря, пойду туда!

Она заняла в Грановитой палате Царское место, посадив рядом с собой царевну Татьяну Михайловну. Наталия Кирилловна на этот раз охотно уступила, расположившись в кресле под троном с царевной Марией Алексеевной и патриархом Иоакимом.

В ходе «прений» царевна взяла на себя главную роль, доведя расколоучителей до неистовства и продемонстрировав выборным стрельцам, что их проповедники — враги государственного порядка и буняны. Хитроумнейшими маневрами она избежала вспышки бунта, затянула «прения» до вечера, когда толпы москвичей стали расходиться по домам, привлекла на свою сторону часть стрельцов. Ночью, когда расколоучители остались одни с немногочисленными сторонниками, они были схвачены и вскоре казнены. Церковная иерархия была спасена¹⁰.

Даже вернейшие сторонники Петра поняли, что, пока восставшие могут вещать от имени царей, ситуация катится к катастрофе. Они доверились Софье — и та смогла, усыпив бдительность восставших, вывезти царскую семью из Москвы и «странным путем», уйдя от стрелецкой охраны и запутав погоню, спрятать ее за стенами Троице-Сергиева монастыря.

Пока царедворцы умирали от страха, готовые разбежаться при очередном ложном известии о походе стрельцов из Москвы (где даже на Новый год, 1 сентября, не осталось ни одного дворянина), назначенный главнокомандующим князь Василий Голицын и думный дьяк Разрядного приказа Федор Шакловитый сумели за месяц собрать армию из более ста

тысяч человек, против менее чем 25 тысяч стрельцов и солдат (не считая, правда, «черных людей» Москвы).

Тем временем Софья нанесла свой удар, выманив из Москвы и казнив по ложному доносу князя Ивана Хованского со старшим сыном Андреем (17 сентября). Тем самым она лишала восставших возможности придать своим действиям хоть какую-то видимость одобрения со стороны знати. Стране было объявлено, что все Московское восстание с самого начала — результат заговора Хованских, стремившихся к захвату царской власти.

Официальная пропаганда делала все, чтобы не допустить распространения сведений об истинных причинах и целях восстания. Объявленные по городам и весям грамоты о злохитном умышлении Хованских как бы объясняли, почему с мая по август правительство шло на поводу у бунтовщиков. Ирония истории состояла в том, что несколько лет спустя такое же обвинение было брошено самой премудрой царевне Софье.

Криво усмехнулась история и Голицыну — видному военному и дипломатическому советнику царя Федора, приложившему немалые усилия для завершения перехода русской армии к системе регулярного строя, что было начато еще в 1630-х г. Благодаря военно-окружной реформе 1679 г. русская армия стала регулярной на $\frac{4}{5}$ своего состава. Она насчитывала 55 тысяч вооруженных по последнему слову техники стрельцов, 61,3 тысячи солдат, 30,5 тысячи рейтар, полки и эскадроны драгун, гусар, отдельные артиллерийские соединения и т.д.¹¹

Как уже говорилось, в конце 1681 — начале 1682 г. собор «великих государевых ратных и зем-

ских дел», обсудив под председательством Голицына современную ситуацию в европейском военном деле, пришел к решению о реформировании последних сил дворянского ополчения — Государева двора (отменив заодно местничество)¹². Но по этим реформам Центр России, где шла мобилизация против восставших, был лишь базой пополнения полков, расположенных в пограничных военных округах!

Голицын не решился снимать войска с границ, на которые, по сведениям Посольского приказа, уже напали кочевники и куда жадно поглядывали поляки и шведы, турки и татары. Лишь из Великого Новгорода были вызваны 40 тысяч более-менее организованных бойцов. Закаленные в непрерывных войнах прошлых десятилетий полки западных и юго-западных округов остались на местах, тем более, что они сами волновались и не были полностью дворянскими.

Строитель регулярной армии оказался командующим древнего ополчения из дворян и их холопов — единственной силы, пригодной для карательных функций. Неудивительно, что двор временами готов был сдаться на милость восставших, а храбрые вояки Голицына вместо похода на Москву думали о зимовке под Троицей¹³.

Политическая мудрость, с которой Софья сумела «утишить» восстание путем переговоров, постепенно заставив стрельцов и солдат отказаться от опасных для самодержавия требований, ставит ее в ряд выдающихся государственных деятелей Европы XVII в. Разделяя и подкупая, уговаривая и устрашая, пугая молчанием и произнося пламенные речи, царевна сначала привела стрельцов и солдат к перемирию без признания ими «вины», затем заставила принять

новые «жалованные грамоты» взамен прежних (закреплявших победу восстания) и снести памятник на Красной площади, наконец, руками смирившихся с отказом от целей восстания служивых подавила отдельные вспышки недовольства. В ноябре 1682 г. царский двор вернулся в столицу. В январе 1683 г. история восстания завершилась.

Правительство общественного компромисса

Восстание не дало царевне Софье формальных признаков власти. Большинство при дворе составляли сторонники Петра, и даже придворные панегристы не спешили поздравить Софью с титулом правительницы. Но самые злые ее враги понимали, что только царевна и ее сподвижники, в первую очередь Голицын и Шакловитый, способны шаг за шагом разрядить мину, которую подложило под себя феодальное государство, вооружив и обучив военному делу горожан.

Действительно, Шакловитый, ставший во главе Стрелецкого приказа, предложил правительству долгосрочную программу «перебора» регулярных полков, включающую их рассредоточение, постепенное исключение взрывоопасных элементов, разделение привилегиями, недопущение скопления «критической массы» недовольных и т.п. Потребовались годы, чтобы опасность нового восстания была сведена к минимуму.

Правительству феодального государства пришлось считаться с интересами торгово-промышленного населения, располагавшего крупными капиталами и целой армией работных людей. Стратегическое

значение для развития страны имели не только казенные заводы и мануфактуры в Москве, крупные промышленные предприятия в Туле, Олонце и на Урале, металлургические заводы и горные промыслы, быстро разросшиеся с 1620-х гг. (а не с петровского времени, как часто считают).

Подавляющую часть сырьевых и промышленных товаров создавали мелкие производители: городские ремесленные люди и крестьяне, составлявшие сильную конкуренцию «указным» крепостническим заводам и мануфактурам даже в 1720—1740-е гг., несмотря на энергичные истребительные меры Петра и его преемников: уничтожавшиеся сотнями домницы, оружейные кузницы, ткацкие промыслы все равно производили железо, металлические изделия и полотна дешевле и лучшего качества, чем «настоящие фабриканты», подконтрольные военно-полицейской машине¹⁴.

Промышленные (например, солеваренные) районы, имея центры не только в городах, но и в торгово-промышленных селах, таких как Лысково, Мурашкино, Иваново, Спасское, были связаны транспортной инфраструктурой и торговыми капиталами, в которых помимо духовных и светских феодалов, «именитых людей» и крупных купцов (типа Строгановых и Гурьевых) все более значительную роль играли крестьяне (Калмыковы, Глозовы, Федотовы-Гусельники, Осолковы, Шангины и др.), владевшие сотнями тяжелогрузных судов.

Эффективность сложившейся хозяйственной системы проявилась, например, в огромном размахе каменного строительства во время правления царя Федора и Софьи. Только прямой вывоз русских товаров за рубеж через Архангельский порт в середине

века по стоимости превысил миллион рублей в год (эта цифра составляет более 18 млн по золотому курсу начала XX в.). Колоссальный доход давала торговля России с Востоком (в Астрахани одной пошлины собиралось более тысячи золотых в день), не считая выгод европейско-азиатского транзита через территорию России (закрепленного за русским купечеством).

Не имевшие иного политического голоса, кроме бунта (ибо Земские соборы давно превратились в фикцию), торгово-промышленные круги были связаны с правительством узким слоем лиц, входивших в привилегированные корпорации гостей, Гостиную, Суконную и Кадашевскую сотни и т.п. Для радикальной защиты строя их можно было лишь уничтожить (например, конфискацией капиталов, вывозом работных людей и карательными походами), заменив промышленниками-крепостниками, подконтрольными бюрократическим структурам (Берг-, Мануфактур-, Коммерц- и прочим коллегиям).

Такая акция, хотя и позволяла расширить экспорт по демпинговым ценам (и только сырья), неизбежно вела к кризису (который и грянул впоследствии) из-за отставания производительности русского труда от западного вольнонаемного. Она означала также разгром экономики, на который Софья и ее советники не могли пойти уже в силу особенностей воспитания.

Но главное — царица при всем желании не смогла бы принять радикальных мер спасения феодального государства, не потеряв власть еще до того, как произошел бы социальный взрыв. Софья умиротворяла торгово-промышленное, прежде всего городское и сельское государственное (а не крепостное)

население, следуя привитой ей Симеоном Полоцким органической теории «порядка» в отношениях между частями «государственного тела»: головой-правительством и местной администрацией, производственными руками, ногами и т.п.

«Не возможно иметь мирствовать многое множество людей, не возъимев в судах правосудства» — указывал царевне Сильвестр Медведев. И Софья действительно, вслед за царем Федором, сосредоточила внимание на контроле за правосудием и искоренении должностных злоупотреблений, продолжила практику передачи управленческих функций (особенно финансовых) выборным людям.

Очевидное значение имело утверждение единых по России мер и весов (1686), разработка «новоприбавочных статей» о разбойных и татиных (воровских) делах к Соборному уложению 1649 г., издание Новоторговых уставных статей (1687) и дополнений к Новоторговому уставу (1689), утверждение государственного тарифа на ямские перевозки (1688). Софья и ее сподвижники реально совершенствовали систему законов по защите имущественных прав подданных. Правительству одной из мощнейших в экономическом отношении держав было совершенно ясно стратегическое значение экспорта: еще в 1630-е гг. одними лицензиями на экспорт хлеба Россия финансировала участие в европейской войне Швеции¹⁵. Но канцлер Василий Голицын, прекрасно разбиравшийся в технике (и одно время руководивший Пушечным двором), не спешил «рубить окно» в технологически передовую Западную Европу и превращать Россию в ее сырьевой придаток.

Прибирая к рукам государственный аппарат, Голицын уделял особое внимание качеству приглаша-

емых в Россию западных специалистов, причем даже зарубежные гости отмечали, что «новые» иностранцы значительно компетентнее «старых». Внедрение новых технологий и знаний (начиная, по обыкновению, с военных) и повышение конкурентоспособности русской промышленности сделало бы со временем актуальным прорыв на Балтику, к которому чуть ли не все столетие призывали Россию западные страны¹⁶.

Голицын и сама Софья, активно участвовавшая во внешнеполитических делах, поддерживали переговоры о франко-датско-бранденбургско-русском союзе против Швеции, но в конечном итоге использовали их для давления на шведскую дипломатию и продления мира с откладыванием спорных вопросов на будущее. Было ясно, что западные партнеры склонны переложить основную тяжесть предстоящих военных действий на Россию (как это и произошло в Северную войну): ее взаимное со Швецией истощение было лишь на руку Парижу, Копенгагену и Бранденбургу.

Но над возведенным Голицыным новым зданием Посольского приказа недаром был повешен глобус. Отлично налаженная дипломатическая и разведывательная служба позволяла правильно ориентироваться в делах Европы и значительной части Азии, сводки о последних событиях регулярно ложились на стол Софьи и, в сокращенном виде, зачитывались в Думе. Из замыслов иностранных дипломатов, решивших поучить москвитов «европейской конъюнктуре», извлекалась польза для России.

Заклучив выгодные договоры с Данией и Швецией, укрепив контакты на уровне великих и полномочных послов с Францией, Англией, Голландией,

Испанией, Священной Римской империей германской нации, папским престолом, мелкими государствами Германии и Италии, правительство Софьи и Голицына обеспечило себе условия для активизации политики на юго-западе, где лежали огромные земли Дикого поля, Крым, Балканы (откуда неслись просьбы об освобождении от турок), Константинополь и проливы, открывающие удобный путь на Ближний Восток.

Защищая русскую промышленность меркантилистскими мерами с Запада, открыть ей огромный рынок слабо развитого Востока — такой путь мог изменить всю историю России. Но Софью, и особенно Голицына, не следует считать ни праздными мечтателями, ни ставленниками торгово-промышленных кругов. Прежде всего сразу за чертой пограничных укреплений — «засечных черт» — они видели земли, которых требовало дворянство, заглотившее огромные пожалования за «троицкую службу» 1682 г. и ждавшее новых поместных раздач.

Пограничье впитывало в себя массы беглых крепостных, а правительство десятилетиями не могло их вернуть владельцам и по необходимости верстало беглецов в военную службу на местах, узаконивая их освобождение от помещиков. Потому крымская опасность торчала занозой в сердцах душевладельцев. Мероприятия Софьи и Голицына по укреплению положения дворянства, такие как работа созданной после отмены царем Федором местничества Родословной комиссии (кодифицировавшей знатное происхождение), бледнели перед возможностью ворваться в ненавистный и богатый Крым, изловить в порубежных районах и Диком поле своих беглых, присвоить тысячи четвертей плодородной земли.

Но с запада нависала Речь Посполитая, не сми-
рившаяся с возвращением Россией своих исконных
Смоленских и Киевских земель. Прошлая война с
Турцией и ее вассалом Крымом была сорвана пре-
дательством Польши — вероломного союзника, зак-
лючившего позорный сепаратный мир и грозившего
самой России. Тогда, в 1678 г., пришлось дать приказ
военачальнику Г. Г. Ромодановскому, в трехдневном
сражении разбившему лучшие силы турецкого пол-
ководца Кара-Мустафы, покинуть и разрушить Чи-
гирин, мешавший началу мирных переговоров с Тур-
цией и Крымом. В 1682 г. за такое «предательство»
Ромодановский был убит стрельцами и солдатами.
Зато России удалось без потерь выйти из войны
один на один с мощным противником и заключить
в 1681 г. компромиссный Бахчисарайский мир.

Голицын знал о жгучем желании поляков взять
реванш за потерянные земли: даже во время Мос-
ковского восстания Посольский приказ получал сек-
ретнейшие королевские документы о подготовке втор-
жения в Россию. Но теперь, когда объединенные
силы Германской империи, Польши и Венеции с
трудом отбивались от турок и татар, когда Кара-
Мустафа чуть не взял Вену, а воинственный польский
король Ян Собеский едва унес ноги из Молдавии,
Россия имела средства заставить Речь Посполитую
навечно отказаться от территориальных претензий.

Переговоры были сложны. Споры с польскими
послами в Москве в 1684 г. закончились впустую.
Но правительство Софьи и Голицына организовало
давление на поляков со стороны Германской империи
(которой обеспечило временный нейтралитет Фран-
ции на Рейне), и даже Римского Папы. На Речь
Посполитую стала хмуро смотреть и традиционно

союзная ей Франция; отказался от переговоров с
поляками Крым...

Ян Собеский и его паны сдались. После бурных
переговоров в Москве в 1686 г. был подписан договор
о Вечном мире России и Польши, а в 1687 г. в
Кракове король, плача, ратифицировал документ о
правах России на все отвоеванные ею земли. Од-
новременно признавалась власть *Киевского митро-
полита* над православными Польши и Литвы — а
тот благодаря хитроумной дипломатической опера-
ции на Востоке перешел от Константинопольского
патриарха под власть Москвы¹⁷.

Регентша и ее окружение

Чтобы до конца понять значение Вечного мира
1686 г., нужно учитывать, что по всем договорам
после Воссоединения России и Украины русские цари
клятвенно обещали вновь отдать полякам Киев. Зак-
репление его за Россией было столь знатной победой,
что злейшие враги Софьи при дворе не смогли вос-
препятствовать официальному признанию ее власти:
отныне имя царевны включалось в царский титул
после имен Ивана и Петра¹⁸.

Сторонники Софьи добились этого далеко не сра-
зу. Имя Софьи начало появляться в правительствен-
ных внутренних документах осенью 1682 г. и упот-
реблялось все чаще в бумагах учреждений, которыми
руководил В. В. Голицын. К лету 1683 г. ее влияние
упрочилось; царевну признали правительницей прид-
ворные панегиристы. Письменные и устные похвалы
мудрости и добродетелям Софьи достигли пика к
лету 1686 г. — подданные отдавали себе отчет, что

именно ее «девственному разуму» обязаны внутренним миром и внешними успехами Российского государства¹⁹.

Подписав Вечный мир и добившись его ратификации, Россия одновременно стала членом Священного союза с Германской империей, Речью Посполитой и Венецией против Османской империи и Крыма. По условиям договора союзники России в случае решительной победы, не оставляя себя внакладе, отводили ей значительную часть Балканского полуострова, Константинополь и проливы. В 1687 г. Голицын стал главнокомандующим (или, по словам иностранцев, генералиссимусом) российской армии, готовящейся к решительному наступлению на юге.

С этого момента, как справедливо заметил французский агент в Москве Фуа де ла Невилль, началось падение канцлера и всего правительства Софьи. И дело было отнюдь не в безуспешности Крымских походов 1687 и 1689 гг., как веками пытались уверить историки, и даже не в росте консервативной оппозиции Софье и Голицыну, хотя она проявила себя весьма круто и в проповедях патриарха, и в Думе, и в армии.

В то время, когда выдающийся русский публицист архимандрит Новоспасского монастыря Игнатий Римский-Корсаков произносил пламенные речи перед полками, уходящими на юг, призывая «мужественных ратоборцев» спасти поработенных турками православных братьев и на крыльях двуглавого орла вернуть крест Христов святой Константинопольской Софии — патриарх Иоаким публично предрекал несчастье русской армии, зараженной присутствием офицеров-иноверцев²⁰.

Нельзя сказать, что патриарх, признанный глава российских «мудроборцев», отвергал все подряд культурные и технические новшества: Русская Православная Церковь предпетровского времени была вовсе не столь консервативна, как это обычно изображают. Если патриарх Никон еще крушил «фряжские иконы» (написанные под влиянием итальянской школы), то при его преемниках западноевропейская живопись прочно утвердилась при царском дворе, «перспективным письмом» расписывались под руководством патриаршего секретаря — известного поэта Кариона Истомина — дворцы светской знати и палаты духовных лиц.

Уже при царе Федоре двор и гражданские служащие облачились в короткое европейское платье (без него, по указу, не допускали в Кремль), а военные привыкли к нему давно — драгуны, например, ходили в коротких кафтанах, шляпах и со шпагами с 1630-х гг. Очень многие стригли на западный манер бороды и усы вразрез с церковной традицией, держали не только певчих для светских вокальных «партесных» концертов, но клавесины, органы и целые инструментальные оркестры. Европейские линейные ноты пришли на смену старинным крюковым тоже в 1670-х гг., а первые русские театры и танцы во дворце появились в недолгие годы счастья царицы Наталии Кирилловны, когда она, воспитанница Артамона Матвеева (женатого на шотландке Гамильтон), нарушив вековую традицию, стала даже появляться перед народом.

В 1680-е гг. новые дворцы знати, их убранство, утварь, кареты, одеяния представителей «верхов» поражали иностранцев роскошью, а не какой-то спецификой. Не все, как В. В. Голицын, владели древ-

ними и новыми языками, но увлечение музыкой и литературой приобретало всеобщий характер. Те, кто не мог сочинить достойную произнесения при дворе речь, заказывали стихотворные вирши (вплоть до тостов и надписей на подарках) писателю-профессионалу. Без стихотворной эпитафии не хоронили родных даже купцы и подьячие.

«Зрением и потребством вещей человек веселится!» — провозглашал писавший все выступления патриарха Иоакима Карион Истомина — модный в те времена придворный литератор. И действительно, изящные и технические «художества» наполняли жизнь московского двора при правлении Софьи. Хотя царевна, в отличие от старшего брата Федора, не вникала лично в работу мастеров и изобретателей праздников, она позволила сестрам, теткам и вдовствующим царицам завести собственные дворы, обеспечившие художников всех специальностей массой заказов.

Сохранившиеся документы Российского государственного архива древних актов говорят о соревновании вырвавшихся из терема дам в роскоши и изяществе нарядов, дворцовых убранств, мастерстве их певческих и инструментальных капелл, тщательности подготовки праздничных действ. Заказывавшиеся царевнами латы, оружие и даже боевые знамена свидетельствуют, что царственные девы оказывали внимание не вышедшим из цветущего возраста мужчинам.

До прихода Софьи к власти женская половина царской семьи общалась только с боярынями и женской прислугой, пожилыми родственниками и «старыми боярами» — особенно доверенными мужчинами не первой молодости, ставшими своего рода чле-

нами семьи. Явление при царе Федоре среди «комнатных бояр» 33-летнего князя Василия Голицына, элегантного и образованного по высшим европейским меркам, не могло не произвести глубокого впечатления на 20-летнюю Софью.

Сложившийся в борьбе с Московским восстанием политический союз Софьи и Голицына, благодаря которому царевна обрела личную свободу, вполне мог стать и союзом любовным. О последнем после падения правительства регентства ходили сплетни, но единственное письмо царевны, где она, обращаясь к князю как к члену семьи, называет Голицына «братцем Васенькой», «светом моим» и «батюшкой»²¹, было написано во время нежной дружбы Софьи с другим человеком — Федором Леонтьевичем Шакловитым.

Первый был интеллигентным государственным деятелем, второй — смелым политическим дельцом. Оба отличались от фаворитов XVIII в. тем, что сделали карьеру отнюдь не через царевнину постель. Ровесник царевны Софьи, Шакловитый стремительно выдвинулся в Приказе тайных дел царя Алексея (1673—1675) и стал дьяком важнейшего Разрядного приказа — своего рода министерства обороны Российского государства. В разгар Московского восстания он стал думным дьяком, а в конце 1683 г. за выдающиеся успехи в «переборе» стрелецких полков был пожалован в думные дворяне.

Именно Шакловитый руководил кадровой политикой правительства регентства, имея исключительное право доклада Боярской думе о штатах и окладах центральных ведомств. Острый ум, мужество и просто д'артаньяновская выносливость Федора Леонтьевича не раз использовались Голицыным в затруд-

нительных положениях. Так что звание ближнего окольничего, полученное летом 1689 г., было не-большой платой мелкому дворянину Шакловитому в век, когда такой же дворянчик Ордин-Нащокин и стрелецкий полковник Матвеев становились боярами и канцлерами, а Дума была запружена выслужившимися из низов штатскими чиновниками и генералами. Если страсть и присутствовала в жизни Софьи (заставляя ее во время любовной связи с Шакловитым украшать свою спальню по его вкусу), она не демонстрировалась при дворе и не проявлялась в государственной деятельности царевны.

Всемогущая на взгляд со стороны правительница России вынуждена была жертвовать своими симпатиями. Так было, например, в 1685 г., когда соученик и тайный советник Софьи Сильвестр Медведев принес ей для реализации утвержденные царем Федором принципы первого российского университета. Всесословное учебное заведение, призванное дать России специалистов в различных областях науки и кадры для государственных учреждений, задумывалось как полностью автономное в экономическом, политическом и идейном отношении, по прямому смыслу понятия «свободной мудрости» (его аналогов в России до сих пор не создано). «Мудроборцы» во главе с патриархом призвали не допустить в Россию эту «искру западного зломысленного мудрования» — и Софья отказала Медведеву, предав память брата.

Вместе с проектом Академии была похоронена первая в России независимая от Церкви типография, основанная царем Федором, его проекты епархиальной реформы и системы училищ для детей нищих и сирот. Для искоренения на Руси латыни — языка науки и международных отношений — была зак-

рыта латинская гимназия Медведева, замененная «эллино-славянскими школами» ученых греков Иоанникия и Софрония Лихудов. Сам Голицын вольно или вынужденно покровительствовал «грекофилам», развернувшим злобную травлю Медведева и его друзей-просветителей²².

Вообще в отношении к Медведеву любопытно раскрывается степень политических компромиссов ведущих деятелей регентства. Софья запретила преследуемому церковными властями Медведеву покидать Москву даже тогда, когда призыв публициста «разсуждати себе» породил обвинение, что тот «хочет наступити и попрати всю власть, царскую же и церковную, того ради и к людям пишет!». Устранившись от конфликта, она показала своему врагу-патриарху, что без помощи светской власти он не может схватить и одного монаха, защищаемого народными толпами.

Финансировавший затею «грекофилов» Голицын передал украинскому духовенству их и просветителей полемические книги, будто бы не ожидая, что ученые украинцы активно выступят в поддержку Медведева, против патриарха. Эта уклончивая осторожность особенно любопытна у человека, открыто отстаивавшего свободу веры для иностранцев в споре со своим другом Игнатием Римским-Корсаковым и врагом Иоакимом, договорившимся до того, что вместе с костелами и кирхами на территории государства следует уничтожить все мечети, и запретившего православным солдатам хоронить своих погибших на войне иноверных товарищей!

Делая ставку на иностранных специалистов, Голицын был тверд, как камень. Именно вести о свободе всякому исповедовать свою веру вели в Россию отличных гражданских и военных мастеров из

Западной Европы, раздираемой религиозными сражениями. Поддерживая христианизацию внутри страны, канцлер не мог применять насильственных мер к язычникам, и особенно мусульманам, начиная наступление на Крым и владения Османской империи.

Этот конфликт с «ревнителями благочестия» «старомосковской» или «великорусской» партией дорого стоил личному авторитету Голицына. Дошло до того, что целая группа дворян из влиятельных фамилий явилась на службу в полки в траурной одежде, поддерживая пророчества патриарха о поражении Крымского похода. Но само согласие канцлера возглавить военную кампанию и принять ответственность за осторожность главнокомандующего, которая обычно объявляется трусостью и предательством, свидетельствовало, что князь Василий Васильевич решительно ставит интересы государства выше личных.

Власть и политика

Поход 1687 г., когда главная русско-украинская армия повернула назад из выжженных крымчаками степей, был воспринят в России как поражение Голицына. Между тем в ходе его командующий обнаружил, что украинский гетман Иван Самойлович, одержимый идеей борьбы с поляками, сознательно препятствует наступлению на Крым.

Прилетевший из Москвы на перекладных Шакловитый действовал блестяще: вскоре Самойлович уже спасался от возмущенных казаков в лагере Голицына, где и был арестован, а на его место был выбран верный идее борьбы с Крымом Мазепа.

Дворянство в армии, которая вместо лихого налета на крымские владения была занята в знойной степи тяжелыми земляными работами, проклиняло своего военачальника; враги Голицына в Москве распространяли слухи об огромных потерях и чуть ли (согласно предсказанию патриарха) не поражении русских сил. Да, главное войско ничего не приобрело, кроме мозолей, но Россия в составе Священной лиги добила крупную победы над врагом.

При одном известии о выступлении российской армии в Стамбуле началась паника. Крики «русские идут!» заставили султана бежать в Азию. Фанатики бросались с минаретов, чтобы не сдаваться «неверным». Между тем русско-украинский корпус во главе с воеводой Леонтием Романовичем Неплюевым и непобедимым генералом Григорием Ивановичем Косаговым прошел по низовьям Днепра, снося на своем пути крепости Шах-Кермен, Ислам-Кермен, Изюм-Кермен и приближаясь к Очакову.

Белгородская орда, недавно разгромившая короля Яна Собеского в Молдавии, на свою беду заступила путь воинам Косагова: вскоре ее остатки уже прятались в буераках. Турки, оставившие собранную в поход на Польшу армию для защиты Стамбула, вынуждены были снять гарнизоны из Мореи и Греции и на кораблях Средиземноморского флота перебросить вместе с янычарами в устье Днепра. Но было поздно. Прибывшие турки увидели лишь развалины Очакова и не вняли обращенному к ним призыву Косагова «на берег сойти» — только ругались «по-янычарски».

В войне наступил перелом. Австрийцы взяли Бундин, поляки наступали в Молдавии и Валахии, венецианцы почти без боя овладели Мореей. Но дела

обстояли хуже, чем хотелось бы Голицыну. При торно-льстивые благодарственные грамоты из Вены и Венеции показывали, что, удовлетворив свои основные притязания, союзники готовы забыть о Священной лиге и обратить взоры к конфликтам на Западе, особенно к опасному усилению Франции. Поляки не скрывали реваншистских настроений и в разгар боев уверяли Европу, будто Россия не двинула армию в поход и вообще сговаривается с татарами напасть на Польшу.

Чтобы сохранить Лигу, энергично трудились русские посольства в Париже, Лондоне, Мадриде, Берлине, Флоренции, Амстердаме, Копенгагене и Стокгольме. Используя данные разведки, русские послы и посланники сумели сорвать сепаратные переговоры с турками в Вене и Венеции. Сильная агентура Посольского и Разрядного приказов действовала в Польше.

С самого начала похода Голицын широко использовал дипломатические каналы, и особенно газеты для выгодного освещения событий, допустив корреспондентов не только в Москву, но — вопреки обыкновению — и в собственную ставку главнокомандующего. Сразу по возвращении войск через нидерландского резидента Иоганна фан Келлера в Амстердаме было распространено на латинском, немецком и французском языках публицистическое «Сказание» о роли России в Священной лиге и официальных планах дальнейшей войны, разосланное затем по столицам Европы²³.

Долг России перед союзниками был выполнен — крымский хан, озабоченный исключительно защитой своих владений, не мог более помогать туркам на западных фронтах. Генеральное наступление на

крымские и османские владения могло оттянуть на Россию основные силы неприятеля и позволить союзникам удачно выскользнуть из войны. Но именно решительной битвы с «агарянами» хотели русские и украинские войска, хотел царский двор, хотели многие слои населения, хотел в глубине души и сам Голицын.

Недаром в его ставке первый русский ученый-историк Андрей Иванович Лызлов работал над монографическим исследованием многовековой борьбы оседлых народов Европы со «скифами» — кочевниками, пришельцами из Азии, обосновавшимися на юго-востоке Европы, анализируя причины поражений христианских стран, военно-экономический потенциал неприятеля и пути к победе²⁴. Недаром Посольский приказ вел переговоры с представителями православного населения Балкан, желавших после изгнания турок перейти в российское подданство.

Новоизбранный гетман Иван Исаевич Мазепа немедленно объявил Украине и Европе, что Крым будет покорен и заселен казаками и верными татарами. «Войною в Крым!» — говорили в Москве, писали в русских летописях и западных газетах. В 1688 г., когда Неплюев с Косаговым продолжали начатое армией во время первого похода строительство передовых баз далеко в Диком поле, Шакловитый выехал в ставку Мазепы для секретного совещания, на котором стоит остановиться подробнее²⁵.

Фаворит Софьи жаждал крупных внешнеполитических успехов, ибо после празднования Вечного мира усиления власти правительницы более не происходило. Попытка прощупать общественное мнение насчет возможности венчать царевну на царство провалилась — не только канцлер Голицын, но и за-

висимые от Шакловитого люди считали такое нарушение традиций недопустимым и опасным.

Хотя панегиристы уподобляли Софью Алексеевну божественной Премудрости и возносили над царями Иваном и Петром, царевну лишь до поры до времени терпели. Женив Ивана Алексеевича на первой красавице двора Прасковье Федоровне Салтыковой, Софья надеялась получить наследника престола для своего клана. К ее сожалению, рождались девочки: между тем Петр вырослел и его двор вскоре мог потребовать свою долю власти. Отвергнуть эти притязания было бы трудно, поскольку Голицын и другие друзья Софьи в Думе не имели подавляющего авторитета и тем более большинства, вынуждены были мириться со своеволием Долгоруковых, патриарха Иоакима и пр.

Связав свою судьбу с судьбой царевны, Шакловитый был готов на все для закрепления ее власти. Он предоставил Сильвестру Медведеву подлинную документацию Разрядного и Стрелецкого приказов для историко-публицистической книги о событиях 1681—1683 гг., в которой Медведев доказывал невозможность народ «силой в покорении иметь» и демонстрировал блага мудрого руководства на примере царевны Софьи. Жест Шакловитого был небескорыстен: в «Созерцание» попал акт о «всенародном и единогласном» избрании Софьи правительницей России в мае 1682 г.! «Петровцы» не могли опровергнуть подделку, поскольку сами сочинили во время Московского восстания подобный акт об «избрании» Петра. Таким образом получалось, что царевна имеет формальные права на власть наравне с царями.

Не без совета с Медведевым Шакловитый задумал прославить царевну новым в России средством — *политическим плакатом*. К лету 1689 г. несколько плакатов, отпечатанных в сотнях экземпляров, распространялось в Москве и за рубежом. Помимо коронационных портретов царевны в полном царском облачении, среди плакатов было изображение св. Феодора Стратилата — патронального святого главы Стрелецкого приказа, да еще с его дворянским гербом²⁶.

Письменная, устная и изобразительная агитация в пользу коронации царевны сочеталась у Шакловитого с помышлениями радикально избавиться от Петра и его родичей. Но составить заговор ему не удалось — облеченные доверием Шакловитого стрельцы пришли за советом к Медведеву, проповедь которого приобретала в Москве все больший авторитет. Согласившись, что от победы «петровцев» и союзных с ними «мудроборцев» хорошего ждать нечего, ученый литератор отверг террор как политическое средство и объяснил, что, воспользовавшись заговорщиками как орудием, власти имущие обязательно уничтожат их, чтобы замести следы²⁷.

Закрепить регентскую власть Софьи царской короной Шакловитый мог надеяться только на волне успехов ее политики. Здесь он шел на любые махинации, даже через голову Посольского приказа велел русскому посольству в Китае уступить для скорейшего заключения мира Амур! Позорный Нерчинский договор был заключен в 1689 г. и уже не принес пользы сторонникам Софьи.

Говоря годом раньше с Мазепой, Шакловитый хотел извлечь выгоду из общественного подъема на борьбу с басурманами. Гетман и фаворит учитывали,

что, несмотря на превосходство русской регулярной армии над османской, ее поход на Балканы невозможен. Господствуя на море, турки держали в руках и пересекающие сухопутные коммуникации крупные реки (Буг, Днестр, Дунай). Впрочем, одни расстояния делали невозможным снабжение войск без собственного флота.

Строительство верфей и кораблей русского военноморского флота на Воронеже началось в прошлую турецкую войну (1672—1681) под руководством воеводы Б. Г. Бухвостова. За конструкцию морских кораблей отвечал Я. Л. Полуектов, построивший первый корабль европейского уровня еще в 1669 г. на Оке («Орел»). В 1674 г. эскадра из 25 кораблей под командой Г. И. Косагова прорвалась с Дона в Азовское и Черное моря и «промышляла над турецкими и крымскими берегами». Однако даже непобедимый генерал Григорий Иванович Косагов признал, что для завоевания господства на море мелкосидящие суда, построенные в реках, недостаточны — в дальнейшем около ста мореходных кораблей и сотни речных судов использовались лишь в реках и прибрежных азовских водах²⁸.

Мазепа и Шакловитый согласились, что для создания мощного флота подходит одна база — Крым. Кроме того, было ясно, что оставлять у себя в тылу враждебное ханство невозможно. Мазепа с казацкой удалью предложил ворваться в Крым зимой по льду Сиваша, везя припасы и фураж для коней на санях, но согласился, что взятие османских крепостей и отражение последующего турецкого десанта невозможно без русской регулярной пехоты.

Тут размашистые стратеги уперлись в проблему, неразрешимую для европейской военной науки, тре-

бовавшей от регулярной пехоты сложных боевых построений для обязательного прикрытия мушкетеров пикинерами. Поэтому даже при хороших коммуникациях наука запрещала войскам удаляться от магазинов далее чем на три перехода: ведь при соприкосновении с противником пехота становилась малоподвижной, а в походном строю не могла сражаться. Разгром Яна Собеского в Молдавии в 1685 г. еще раз показал, что с военной наукой надо считаться.

Цена победы

Между выдвинутыми в Дикое поле отлично вооруженными крепостями Голицына и Перекопом лежала непреодолимая по европейским канонам полоса степей, за которую крымчаки — лучшая по выезде и маневренности, хотя и слабо вооруженная кавалерия — будут биться насмерть. Шакловитый, наверное, пошел бы на серьезные потери, бросив вперед кавалерию Косагова, забыв о судьбе 15-тысячного полка тяжелой конницы, начисто вырубленного крымчаками под Конотопом при Алексее Михайловиче.

Но армия была вручена Голицыну, потрясшему Европу в 1689 г. невиданной тактикой и приведшему регулярные полки под стены Перекопа почти без потерь. Этот «мечтатель», как называли канцлера и генералиссимуса историки, сумел не только опередить военную мысль, но и провести свои замыслы в жизнь, опираясь на созданную в России техническую базу.

Изобретение тактики, поразившей крымчаков в Диком поле в конце XVII в., позже приписывали

Румянцеву, Суворову и Наполеону. Подвергаясь непрерывным атакам кавалерии, войска Голицына *наступали колоннами* и «шли як вода, не останавливаясь, только отстреливались». Мушкеты пехоты и карабины драгун были дополнены винтовками (они так тогда и назывались) и большим количеством гранатометов, не говоря уже о ручных гранатах. Полевая артиллерия унифицированных калибров двигалась в боевых порядках батальонов и рот. Плотный огонь 112 тысяч мушкетов и карабинов и 350 орудий буквально сметал с поля всадников, атаковавших с невероятной храбростью. 15, 16 и 17 мая сам хан водил в бой крымчаков, остатки Белгородской орды, черкесов и турецкий корпус; волны кавалерии летели на русские ряды по восемь часов кряду, но разбивались о свинцовую преграду.

Дважды враг прорывал ряды казачьих полков, и Мазепа с личной гвардией с трудом восстанавливал положение. Но русские регулярные полки оставались неуязвимы, ни разу не допустив врага на сабельный удар. Активная оборона и мужество крымчаков были сломлены. Сжигая свои становища, они бежали за Перекоп, к которому 20 мая подошла армия Голицына. Времени для завоевания Крыма было достаточно. Хан просил милости и обещал покориться «под державу великих государей».

Будь Голицын только военачальником, он пожал бы лавры великого полководца. Достаточно было отдать приказ, чтобы слабые укрепления Перекопа были сметены и российские полки заняли Крым. Маловероятно, чтобы турецкие гарнизоны устаревших крымских крепостей оказали сильное сопротивление регулярной армии с лучшей в Европе артиллерией. Взятие Крыма делало безвыходным по-

ложение турецких войск в Азове. А подавление очагов сопротивления в труднодоступных местах было вполне по силам русским и украинским казакам.

Однако главнокомандующий сознавал сложность развертывания широкой кампании на Крымском полуострове, в особенности с точки зрения поддержания коммуникаций и бесперебойного снабжения соединений. Голицын-политик понимал, что Крым уже выбит из войны и Российское государство получило мощные средства давления на ханство, блокировав его современными крепостями и угрожая неотразимым вторжением. Огромные земли Дикого поля открывались для земледельцев, а экономика ханства была подорвана. Лишенное возможности крупных грабительских набегов, Крымское ханство теряло средства оплаты закупок зерна в Турции.

Справедливости ради следует отметить, что стратегические выводы канцлера были верны. Согласно записям в Боярской книге, массовые раздачи земель российскому дворянству в честь Вечного мира 1686 г. и за Крымские походы превзошли все, что было дано за русско-турецкую войну при Алексее и Федоре, и даже щедрые пожалования за свержение Софьи и Азовские походы при Петре I²⁹.

Сроки выдачи беглых крестьян и холопов для 87 городов и земель Белгородской засечной черты, потерявшей оборонительное значение, были к вос торгу дворянства увеличены в 5 раз! А в пораженном голодом Крыму начался мор, ужаснувший современников: для спасения своего гибнущего вассала Турция в начале XVIII в. добивалась разрушения степных голицынских крепостей более, чем возвращения Азова³⁰. Продолжая свою политику и замкнув блокаду крепостями на Днепре, канцлер имел вер-

ный шанс сделать хана «подданным царским», как и ожидали современники.

Уклонившись от лестного предложения получить Константинополь, Голицын и Софья в случае победы Священной лиги желали взять Крым, плюс Азов и Очаков (то есть Дон и Днепр). Скромность российской дипломатии объяснялась тем, что союзники чуть ли не в открытую вели сепаратные переговоры с турками и татарами. Германская империя, получив все желаемое по взятии Белграда в 1688 г., спешила сразиться с Францией, вновь устремившей силы в Германию. Венеция, отступив из Афин, но сохраняя Морею, увидела предел своих военных возможностей. Польша, по обыкновению, прельщала крымчаков совместным ударом по России.

Страх каждой страны крупно проиграть, оказавшись в сепаратных договорах последним, помогал искусным русским дипломатам дезавуировать переговоры одних союзников с помощью других. Но, переступив порог Крыма, Россия автоматически становилась опаснейшим, смертельным врагом Османской империи, позволяла союзникам удачно выйти из войны с одной из мощнейших держав мира. И тогда, стоило начаться затяжным боям или случиться, не дай Бог, неудаче — нападение Польши, Швеции и восстание подвластных России племен можно было предсказать уверенно.

Как и в 1678 г. под Чигирином, государственные интересы требовали остановить наступление после внушительной победы, когда солдаты и офицеры, дворяне свиты и воеводы рвались в бой. Но теперь у Голицына не было полководца, который принял бы на себя обвинения и поношения за исполнение секретного указа. Главнокомандующий в интересах

страны поднял ношу, сваленную некогда на Ромодановского.

Разумеется, поступок Голицына не выглядел откровенным самоубийством. Войска подчинились, многие командиры дали расписки, что в Крыму кормов нет и наступление невозможно, хан клялся в верности и заплатил дань. Боярская дума торжественно отметила успешное завершение похода. Превращенная указом царя Федора в регулярно заседающее высшее государственное учреждение, Дума включала немало крупных политиков и полководцев, заслуженных чиновников и генералов, способных понять и оценить мотивы канцлера.

Непоправимый удар был нанесен по планам Софьи и Шакловитого, рассчитывавших использовать триумф над Крымом для коронации правительницы. Но премудрая царица, подавив отчаяние, обеспечила щедрое награждение военачальников и написала Голицыну упоминавшееся уже ласковое письмо, благодаря Бога за его избавление от опасностей и уверяя в неизменности своей симпатии.

Наталия Кирилловна Нарышкина и ее родственники, женившие царя Петра на Евдокии Федоровне Лопухиной еще в январе и готовившиеся к решительной схватке за власть, также не выразили Голицыну неприязни. Характерно, что такой тонкий знаток придворной конъюнктуры, как Карион Истомин, совершенно прекративший в 1689 г. писать панегирики царевне Софье, хвалил Василия Голицына (вместе с Наталией Кирилловной, царем Петром и его приближенным Борисом Голицыным), причем панегирика удостоилась и жена канцлера.

Предвидевший победу «петровцев», Истомин уверял князя Василия от имени царей Ивана и Петра,

что заслуги канцлера и главнокомандующего обеспечивают ему высокое признание при любой власти. Возможно, «петровцы» опасались влияния Голицына на офицерство и чиновничество, не зная, что он давно отказался участвовать в борьбе за власть Софьи. Князь распустил армию по домам, несмотря на угрожающе холодный прием, оказанный ему юным Петром.

Странная на первый взгляд реакция Петра на торжества в честь удачного завершения похода объяснялась тем, что родственники, настраивая его против своих врагов, отнюдь не посвящали юного царя в реальные планы захвата власти. «Петровцам» требовалось не просто потеснить Софью и ее сторонников и отвоевать свою часть управления государством; они желали полностью избавиться от противников.

Это было сложно, поскольку даже лишенная формальных признаков власти Софья продолжала бы выступать от имени единоутробного брата Ивана, оказывая поддержку своим сторонникам в администрации. Выход, впрочем, был апробирован веками — *провокация*. Судя по тому, что юного Петра не раз пугали мнимыми покушениями, эта идея вынашивалась давно и была осуществлена, когда правительство регентства исчерпало свои задачи.

Заключение ПЕРЕВОРОТ

Августовской ночью 1689 г. в нескольких стрельчих слободах поднялась тревога. Зачинщики призывали идти в Кремль, разногласия о какой-то опасности для царской семьи, и раздавали «по рублю денег в бумажке»³¹ выглядывавшим из окон воякам в оплату за скорейшее прибытие к царскому дворцу. Люди эти, как позже признали сами «петровцы», были их агентами и раздавали деньги Нарышкиных³². «Сполох» кончился ничем — потолкавшись в Кремле, немногочисленные стрельцы разошлись по домам.

Между тем в Преображенском разбуженному среди ночи Петру сообщили, что московские стрельцы восстали в пользу Софьи и идут его убивать. Пережитый ужас проснулся вновь. Бросив беременную жену и мать, Петр в одной рубахе ускакал в Тро-

ице-Сергиев монастырь. Семье это не повредило: Наталия Кирилловна Нарышкина спокойно собралась и отправилась со двором вслед за сыном. Дальнейшее известно. По уже отработанному в 1682 г. сценарию под Троицей было собрано изрядное ополчение, к которому примкнули солдаты и изъявили желание присоединиться стрельцы. Царь Иван был поставлен перед выбором между сестрой, якобы готовившей покушение на жизнь брата, и «правым делом» Петра. Софью к Петру не допустили, чтобы избежать малейшей возможности прояснения дела и, кто знает, — примирения.

Козлами отпущения были сделаны Федор Шакловитый и несколько десятков более или менее случайных лиц, под страшными пытками признававшихся во всем, чего желали палачи, но так и не сообщившими сколько-нибудь ясной картины «заговора». Да это было и не нужно — «вины» казненных были объявлены по всей стране без упоминания о Софье, так что создавалось впечатление, что новые власти старательно выгораживают члена царского дома.

Единственный, кто выдержал пытки и опроверг все обвинения, заставив осудить себя на смерть без вины, был Сильвестр Медведев, голову которого патриарх Иоаким получил за свое участие в перевороте. Если Шакловитый был казнен спешно, то Медведева мучили целый год и, ничего не добившись, казнили на Лобном месте, как Степана Разина, в назидание вольнодумцам.

В «верхах», поспешивших склониться перед торжествующими «петровцами», пострадали немногие. Князь Василий Голицын со своим взрослым сыном и помощником боярином Алексеем Васильевичем

были лишены чинов, имущества и сосланы с семьями в Яренск, затем в Мезень, потом еще дальше, в Пинежскую волость. Против Голицыных возбуждались многочисленные судебные дела, враги преследовали свергнутого канцлера со звериной ненавистью много лет, но остается фактом, что осужден он был в сентябре 1689 г. без следствия и разбирательства дела.

Как и несчастным Хованским в 1682 г., Голицыным был просто зачтен приговор, касающийся главным образом отца. Особое место в приговоре занимало обвинение, что главнокомандующий, «пришед к Перекопу, промыслу никакого не чинил и отступил, каковым нерадением царской казне учинил великие убытки, государству разорение, а людям тягость»³³. Борис Голицын — хитроумный организатор побега Петра в Троицу и захвата власти, попал в опалу, пытаясь объяснить нелепость подобных обвинений против своего родича; лишь «покаявшись» и уступив первенство Нарышкиным, князь восстановил положение при Петре.

Заточив Софью в Новодевичьем монастыре, победители бросились захватывать ключевые и наиболее доходные ведомства, должности и чины, безжалостно расправляясь с теми, кто не спешил освободить для них место³⁴. Обоснования для репрессий не требовалось. На вопрос бояр, за что отправлен в ссылку заслуженный военачальник Леонтий Неплюев, от «петровцев» прозвучал ответ: «Явная де его, Леонтьева, какая есть вина — вы не ведаете; а тайная де вины (и мы) не ведаем!»

Вакханалия обогащения должностных лиц при покровительстве и под предводительством Нарышкиных вошла в историю. После семи лет вынуж-

денного воздержания воеводы и приказные деятели жадно протянули руки к государственной казне; вятки брали даже бывшие приближенные В. В. Голицына (например, Емельян Украинцев); правосудие целиком зависело от мзды. Сбывалось мрачное пророчество восставших в мае 1682 г.:

«Что же ныне при сем государе царе Петре Алексеевиче, иже млад сый и Российского царствия на управление не доволен, тии бояре и правители имут в сем царствии творити? Ведаем, что... потщатся во всем на нас величайшее ярмо неволи возложить; зане не имея над собою довольнаго ради царских юных лет правителя и от неправды воздержателя, яко волки имут нас, бедных овец, по своей воли во свое насыщение и утешение пожирати!»³⁵

Уверенные, что умиротворяющая политика Софьи предотвратила возможность нового социального взрыва, власти тем более не опасались «воздержания» со стороны Петра, никоим образом не подготовленного к управлению державой. Царь Алексей Михайлович не успел занять мозг младшего сына необходимыми для государственного деятеля знаниями, которые получали царевичи, Алексей (умер при жизни отца после своего объявления наследником), Федор и Иван.

При Алексее Петр едва успел перейти от «мамок» к «дядьке» — известному впоследствии «князь-папе» «сумасброднейшего, всешутейшего и всепьянейшего собора» Н. М. Зотову. Понятно, что при Федоре и Софье «медведица» Наталия Кирилловна и прочие Нарышкины не могли уступить ученым-наставникам влияния на Петра и — сами неученые выскочки из мелкого дворянства — успешно оградили мальчика от знакомства с гуманитарными на-

уками, позволяющими принять правильное решение при руководстве людьми.

Смесь страха и ненависти руководила поступками повзрослевшего Петра по отношению к царскому двору с его торжественными светскими и церковными церемониями (в которых он играл роль подставной фигуры), к стрельцам и народной стихии, вообще к русскому облику своих детских ужасов. Петр полностью терялся, когда ситуация не решалась в приказном порядке, силой: дрожал от страха до полной неспособности действовать после Нарвы и во время Прутского похода, — зато бестрепетно жертвовал десятками и сотнями тысяч жизней, как будто не имея представления об их цене.

До самой смерти матери — царицы Наталии Кирилловны — 25 января 1694 г. Петр не допускался к сколько-нибудь серьезным вопросам государственного управления. Царю позволялось играть в живых солдатиков и строить кораблики на Плещеевом озере. Понимая, что великовозрастному юнцу мало этих забав и зная, сколь легко он поддается влиянию, мать и родственники приложили особые усилия, чтобы отдалить Петра от благонравной супруги Евдокии Федоровны, в девичестве Лопухиной, и вызвать ненависть к ее родне.

Важная должность кравчего (виночерпия) при царе была поручена Кириллу Алексеевичу Нарышкину, идеальным местом для постижения Петром науки пьянства и разврата стал дом швейцарского авантюриста купеческого происхождения Франца Лефорта в Немецкой слободе. К тому времени, как Лефорт умер от горячки, ущербная психика Петра была окончательно распатана, а его аморальность потрясала современников.

Не случайно в народном сознании Петр принял образ Антихриста, пришедшего заменить христианское царство господством Зверя. Только свирепый враг своего народа мог выполнить задачу спасения феодального государства, не останавливаясь ни перед какими средствами, чтобы остановить буржуазные тенденции в развитии России, обессилить страну и заковать ее в военно-полицейские цепи.

Неудобства непредсказуемого буйства Петра, то заменявшего моду европейского света обличием завсегдатаев немецких кабаков, то кузнечными мехами надувавшего собутыльника через задний проход, пока тот не лопнет, то скандально возвышавшего безграмотного хама — искупались в глазах «верхов» его функциональной полезностью. Кто еще с такой яростью мог пытаться и лично рубить топором стрельцов, истребляя их до малолетних и с маниакальным упорством создавая на месте разгромленной армии дворянские и крепостные полки, достаточно замордованные для успешного выполнения карательных функций?!

Перестройка государственных учреждений и военизация новосозданного громоздкого административного аппарата оставляла, вопреки декларированным целям, широчайшие возможности обогащения чиновников. А знать отнюдь не пострадала от притока в «верхи» отдельных выскочек: именно родовитое дворянство укрепило при Петре свои позиции, составляя основную и важнейшую часть окружения второго (после Лжедмитрия) российского императора³⁶.

Колоссальные потери в Северной войне, позорное поражение от турок, строительство на костях — все это имело смысл: страну надо было обескровить,

чтобы подогнать под крепостной хомут. Петру удалось не только остановить естественный рост численности населения, но уже к 1710 г. сократить количество крестьянских дворов на 19,5%, а местами — на 40—46%³⁷. Даже Верховный тайный совет тирана после его смерти констатировал, что народ приведен «в непоправляемое бедствие» и нужно срочно давать послабление, иначе драть налоги будет уже не с кого³⁸.

Понятно, какое значение имело для новой власти истребление памяти о временах царя Федора, Софьи и Голицына, которые многим представлялись царством свободы, справедливости и богатства. Требовалось доказать, что развитие страны началось с нуля — и это было сделано. Сделано основательно, на века.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПОТАЕННОЕ ЦАРСТВОВАНИЕ

¹ Древняя российская вивлиофика (ДРВ). Ч. XI. С. 229 — 231; Тромонин К. Царь Федор Алексеевич. М., 1836; Снегирев И. М. Архангельский собор в Московском Кремле. М., 1865. С. 28 — 31; и др.

² Институт русской литературы (ИРЛИ), Древлехранилище, оп. 23, № 257, л. 972об. — 975 (ср. РГАДА. ф. 181, кн. 20/25, л. 826 и др. списки); Богданов А. П. «Хронографец» Боголепа Адамова // Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. 41. Л., 1988. С. 381 — 399.

³ Богданов А. П. Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. М., 1990. С. 39—40.

⁴ Государственный исторический музей (ГИМ), Синод. собр., № 293; Российская национальная библиотека (РНБ), Ф. IV. 221; ИРЛИ, Древлехранилище, оп. 23, № 171; РНБ собр. Погодина, № 1559; РНБ, собр. Толстого, Ф. 221; Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 181, № 3/3; и др.

⁵ Ср.: Васенко П. Г. Трегубовская «Степенная» // Известия Отделения русского языка и словесности имп. АН (ИОРЯС). Т. 12. Кн. 2. СПб., 1907. С. 360—367; Российская государственная библиотека (РГБ), ф. 218 (собр. Отдела рукописей), Пост. 1967 г., № 46, л. 123 — 130 об.; РНБ, собр. Вострякова, № 852, л. 366об. — 367об.; и др.

⁶ Лаптева Л. П. Рассказ очевидца о жизни Московии конца XVII века (Г. А. Шлейссингер. Полное описание России, находящейся ныне под властью двух царей-соправителей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича) // Вопросы истории (ВИ). 1970. № 1. С. 107, 112.

⁷ Cruik J. The present conditions of Moscovite Empire, till the year 1699, in two letters. London, 1699. P. 5 — 6.

⁸ История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева... изд. Н. Новиковым. Изд. 2-е. М., 1785; Сахаров И. П. Записки русских людей. СПб., 1841. С. 74 — 94.

⁹ РГАДА, ф. 181, № 358. л. 1154 — 1170; ГИМ, собр. Уварова, № 543, л. 184об. — 192; ср. РГАДА, ф. 181, № 625, л. 24об. — 25об.; РГБ, ф. 37, № 415, л. 350.

¹⁰ ГИМ, собр. Черткова, № 156.

¹¹ Сахаров И. П. Указ. соч. С. 19 — 25; Голиков И. И. Деяния Петра Великого. Т. I. М., 1788. С. 140 — 145.

¹² Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 1. Господство царевны Софьи. СПб., 1858. С. 11 — 14; Щербальский П. К. Чтение из русской истории. (С исхода XVII века). Изд. 3-е. Вып. 1. Россия при царе Алексее. Россия при царе Федоре. Царствование Петра. М., 1868. С. 29 — 35; его же. Правление царевны Софии. М., 1856. С. 6 — 8.

¹³ Погодин М. П. Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. 1672—1689. М., 1875. С. 13, 17 — 24, 27.

¹⁴ Прозоровский А. А. Сильвестра Медведева «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяно во гражданстве» // Чтения в Обществе истории и древностей российских (ЧОИДР), 1894. Кн. 4. Отд. 2; Богданов А. П. Россия при царевне Софье... С. 45 — 200.

¹⁵ Подробнее см.: Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969; Богданов А. П. Нарративные источники о Московском восстании 1682 года. Ч. 1 — 2 // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1993—1996.

¹⁶ Туманский Ф. Записки Сильвестра Медведева о стрелецком бунте // Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. 4. V — VI. СПб., 1787.

¹⁷ Татищев В. Н. История Российская. В 7 т. М.; Л., 1966. Т. 7. С. 172 — 183.

¹⁸ РГАДА, портфели Миллера, № 53. О сочинении см.: Соловьев С. М. Герард-Фридрих Миллер // Современник. 1854. № 10; Замысловский Е. Е. Царствование Федора Алексеевича. Ч. 1. Введение. Обзор источников. СПб., 1871. С. 7 — 12.

¹⁹ Платон, митрополит. Краткая церковная Российская история. Т. 2. М., 1805. С. 266.

²⁰ Портан Х. Г. Основные черты русской истории. М., 1982 (Пер. со швед. изд. 1966 г.). С. 26 — 27, 28 — 29, 80 — 81 (оригинал и перевод).

²¹ Levesque M. Histoire de Russie. Vol. IV. Paris, 1782. S. III.

²² Le Clerk N. Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne. Vol. III. Paris—Frouille-etc., 1784. S. 98.

²³ Берх В. Н. Царствование Федора Алексеевича и история первого стрелецкого бунта. Ч. I—II. СПб., 1834.

²⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. VII. Т. 13. М., 1962.

²⁵ Замысловский Е. Е. Указ. соч. С. 14 — 15, 33 — 41.

²⁶ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. II. Вып. 5. СПб., 1875 (репринт М., 1991). Гл. XII. Царь Федор Алексеевич; Иловайский Д. И. История России. Т. 5. М., 1905. Гл. XI. Федор II Алексеевич; Трехсотлетие дома Романовых: 1613 — 1913. Исторические очерки. М., 1913 (репринт М., 1991). Федор Алексеевич. С. 67 — 81.

²⁷ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Ч. II. М., 1915. С. 173 — 178, 185 — 187, 596 — 599.

²⁸ Лубиенец С. Исторический рассказ о торжественном въезде... господ... посланных... королем польским к светлейшему Алексею Михайловичу московскому... // Бумаги Флорентийского центрального архива, касающиеся до России. Ч. 2. М., 1871. С. 388 — 431; ср.: История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Т. I. М., 1976. № 179. С. 81.

²⁹ Грамоты опубл.: Верх В. Н. Указ. соч. Приложения X — XI. С. 76 — 79.

³⁰ 30 июня 1661 г.: последующие пожалования датируются 18 августа и 15 сентября. См.: Crummeу R. O. Aristocrats and Servitors: The boyar elite in Russia, 1613 — 1689. Princeton, 1983. P. 193 — 194.

³¹ Забелин И. Е. Указ. соч. Т. II. С. 516.

³² Там же. С. 508 — 510, 520 — 525, 10, 516; Акты Московского государства (АМГ). Т. III. СПб., 1901. № 458. С. 401.

³³ Забелин И. Е. Указ. соч. Т. II. С. 539 — роспись 20 марта 1671 г.

³⁴ Сахаров И. П. Указ. соч. С. 81.

³⁵ Книга дядькам и мамкам и боярыням верховым и стольникам царевичевым // Временник Московского общества истории и древностей российских (МОИДР). Кн. 9. Смесь. С. 46.

³⁶ Crummeу R. O. Op. cit., P. 105, 99, 101 — 102, 160.

³⁷ Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 306 — 307.

³⁸ Crummeу R. O. Op. cit. P. 195.

³⁹ Книга дядькам... С. 46; Дворцовые разряды (ДР). Т. III. Ст. 1066, 1428 и сл.

⁴⁰ Забелин И. Е. Указ. соч. Т. II. С. 171.

⁴¹ Там же. С. 727. Т. I. М., 1918. С. 669.

⁴² Книга дядькам... С. 50 — 51; Забелин И. Е. Указ. соч. Т. II. С. 98, 112.

⁴³ Забелин И. Е. Указ. соч. Т. II. С. 586 — 590 (опись оружейной казны царевичей). С. 96 — 98, 121.

⁴⁴ Там же. С. 82 — 83, 92.

⁴⁵ О Желябужском и его записках см.: Богданов А. П. Россия при царевне Софье... С. 24 — 26, 201 — 327 (публикация текста записок).

⁴⁶ К о й э т Б. Исторический рассказ, или Описание путешествия... посла Высокомогущественных Штатов... к великому государю... Московскому // Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. СПб., 1900. С. 510 — 511, 461 — 462.

⁴⁷ Повествование о московских происшествиях по кончине царя Алексея Михайловича, посланное из Москвы к архиепископу коринфскому Франциску Мартелли... // Журнал министерства народного просвещения (ЖМНП). 1835. Ч. 5. № 1. С. 72.

⁴⁸ К о й э т Б. Исторический рассказ... С. 471, 510; Дополнения к Актам историческим (ДАИ). Т. 9. СПб., 1875. № 56. С. 133 — 134.

⁴⁹ Б о г о я в л е н с к и й С. К. Указ. соч. С. 79 — 80. Ср. с. 250, 263; С и т т е у R. O. Op. cit. P. 198 — 200; ср.: Б о г д а н о в А. П. Россия при царевне Софье... С. 360, 375.

⁵⁰ Т а т и щ е в В. Н. Указ. соч. С. 177.

⁵¹ К о й э т Б. Исторический рассказ... С. 482 — 483. Ср. с. 475 — 76, 513.

⁵² Акты исторические (АИ). Т. 5. СПб., 1842. № 24, 57; ДАИ. Т. 8. СПб., 1862. № 38. I — (цит. с. 114).

⁵³ З а б е л и н И. Е. Указ. соч. Т. II. С. 92, 117, 119, 121. Т. I. С. 258.

⁵⁴ Т а м ж е. Т. II. С. 90, 116 и сл., 462.

⁵⁵ П р о т о п о п о в В. В. Нотная библиотека царя Федора Алексеевича // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник (ПКНО). 1976. Л., 1977. С. 119 — 133; История русской музыки в десяти томах. Т. I. Древняя Русь: XI — XVII века. М., 1983. С. 172 — 173, 175 — 179, 239, 243 — 244. 273 — 274, 376; Т а т и щ е в В. Н. Указ. соч. С. 175; и мн. др.

⁵⁶ З а б е л и н И. Е. Указ. соч. Т. I. С. 408; ср.: Б е р х В. Н. Указ. соч. С. 101 и Приложение XIV.

⁵⁷ С м о л е н с к и й С. В. Мусикийская грамматика Николая Дилецкого // Памятники древней письменности и искусства (ПДПИ). Вып. 128. СПб., 1910; Р о г о в А. И. Музыкальная эстетика России XI — XVIII вв. М., 1973. С. 142.

⁵⁸ З а б е л и н И. Е. Указ. соч. Т. I. С. 477 — 478; ДАИ. Т. 9. № 79.

⁵⁹ П р о з о р о в с к и й А. А. Сильвестра Медведева «Созерцание краткое...». С. 17; Б е р х В. Н. Указ. соч. Приложение XVI. С. 85.

⁶⁰ Оцелях учения и методах строительства «града царствия небесного» в душе ребенка см.: Б о г д а н о в А. П. Естественнонаучные представления в стихах Кариона Истомина // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1988. С. 260 — 78; его же. Карион Истомин и Ян Амос Каменский (К проблеме освоения творческого наследия «учителя народов» в России XVII века) // Acta Comeniana 8 (XXXII), 1989. С. 127 — 148; и др.

⁶¹ З а б е л и н И. Е. Указ. соч. Т. I. С. 615 — 631, цит. с. 616.

⁶² ДАИ. Т. 7. СПб., 1859. № 15. С. 100 — 103.

⁶³ З а б е л и н И. Е. Указ. соч. Т. II. С. 65 — 69.

⁶⁴ Т а м ж е. Т. I. С. 97 — 103.

⁶⁵ Т а м ж е. Т. I. С. 213.

⁶⁶ Т а м ж е. Т. II. С. 118 — 119.

⁶⁷ Т а м ж е. Т. I. С. 79, 225, 68, 140, 190, 193, 199, 226; ср.: Брюсова Н. Г. Русская живопись XVII века. М., 1984.

⁶⁸ З а б е л и н И. Е. Указ. соч. Т. I. С. 227, 232 — 233; ср.: Овчинникова Е. С. Портрет в русском искусстве XVII века. М., 1955.

⁶⁹ З а б е л и н И. Е. Указ. соч. Т. II. С. 172, 117, 120. Ср.: с. 604.

⁷⁰ Подробнее см.: Пентковский А. М., Богданов А. П. Сведения о бытовании книги Царственной («Лицевого свода») в XVII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода (ИИИСССР). М., 1983. С. 61 — 95; их же. Житие Николы в Лицевом летописном своде // Т а м ж е. М., 1985. С. 92 — 98.

⁷¹ Опись книг см.: З а б е л и н И. Е. Указ. соч. Т. II. С. 599 — 607.

⁷² З а м ы с л о в с к и й Е. Е. Указ. соч. Приложение IV. С. XXXV — XLII.

⁷³ Ср.: З а б е л и н И. Е. Указ. соч. Т. II. С. 182 — 189; Б о г д а н о в А. П. Карион Истомин и Ян Амос Каменский. С. 133.

⁷⁴ Лаппо-Данилевский А. С. История русской общественной мысли и культуры. XVII — XVIII вв. М., 1990.

⁷⁵ Забелин И. Е. Указ. соч. Т. II. С. 156, 613, 616; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV — XVII вв. М., 1975. С. 204.

⁷⁶ Правда, эта шифровка была написана аккуратнее, чем записки Федора после его восшествия на престол. См.: Пересветов Р. Неожданная разгадка // Наука и жизнь, 1966. № 7. С. 156 — 158.

⁷⁷ Татарский И. Симеон Полоцкий (Его жизнь и деятельность). М., 1886. С. 328 — 329.

⁷⁸ Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. VII. С. 182.

⁷⁹ Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч. С. 86. Оригинал см.: Библиотека Академии наук, П. I.3. Сопроводительное письмо Лазаря Барановича см.: ДАИ. Т. 9. № 1.1.

⁸⁰ Текст см.: ИРЛИ. Древлехранилище, ф. 265, оп. 3, № 60.

⁸¹ Каменева Т. Н. Черниговская типография, ее деятельность и издания // Труды Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ). Т. 3. М., 1959. С. 256; ее же. Орнамента и иллюстрации черниговских изданий XVII — XVIII вв. // Книга. Исследования и материалы. Т. 29. М., 1974. С. 176; Богданов А. П. Политическая гравюра в России периода регентства Софьи Алексеевны // Источниковедение отечественной истории (ИОИ). М., 1982. С. 229 — 231. Экземпляры см.: БАН, 7.2.48; 7.2.50; 7.2.51; РНБ, Отдел редкой книги (ОРК), № 1717 (Каратаева V.6.14).

⁸² Подробнее о нижеизложенном см.: Богданов А. П. К полемике конца 60-х — начала 80-х годов XVII в. об организации высшего учебного заведения в России. Источниковедческие заметки // ИИИСССР XVI—XVIII вв. М., 1986. С. 177 — 209; его же. Борьба за организацию Славяно-греко-латинской академии // Советская педагогика, 1989. № 4. С. 128 — 134; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. С древнейших времен до конца XVII в. М., 1989. С. 74 — 88.

⁸³ Андрей Лыслов. Скифская история / Богданов А. П., Чистякова Е. В. М., 1990; Игнатий Римский-Корсаков. Генеалогия / Богданов А. П. М., 1994; Чистякова Е. В., Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено...»:

Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М., 1988; Богданов А. П. Летописец и историк конца XVII века: Очерки исторической мысли «переходного времени». М., 1994; его же. От летописания к исследованию: русские историки последней четверти XVII века. М., 1995.

⁸⁴ Подробнее см.: Богданов А. П. Сильвестр Медведев // Вопросы истории (ВИ), 1988. № 2. С. 84 — 98.

⁸⁵ Берх В. Н. Указ. соч. Приложение XVII. С. 86 — 100.

⁸⁶ АИ. Т. 5. № 55.

⁸⁷ Прозоровский А. А. Сильвестра Медведева «Созерцание краткое...» С. 40, 38.

⁸⁸ Чин объявления см.: Собрание государственных грамот и договоров (СГГД). Т. 4. М., 1826. № 97. С. 316 — 321.

⁸⁹ Эти события подробно описаны: Койэт Б. Исторический рассказ... С. 415 — 420, 429 — 433; Полное собрание законов Российской империи. I (ПСЗ-I). Т. II. СПб. 1830. № 619, 620, 622, 624; ДАИ. Т. 7. № 1, 2; СГГД. Т. 4. № 103, 104.

⁹⁰ РГАДА, портфели Миллера. № 53, л. 3 — 4 (разбор донесения польского резидента Свицерского); Повествование о московских происшествиях... С. 70 — 73; Дневник зверского избияния московских бояр в столице в 1682 году и избияния двух царей Петра и Иоанна. СПб., 1901 (польский оригинал и перевод). С. 15 — 16; Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году / Ивакин И. // ЧОИДР, 1891. Кн. 3 (158). Отд. 3. С. 127; Andreae Chrisostomi Zaluski, Varmiensis Episcopi, epistolarum historico-familiarum, tomus primus. Brunsbergae, 1709. P. 600.

⁹¹ Русская историческая библиотека (РИБ). Т. XXI. С. 284; Богоявленский С. К. Указ. соч. С. 184; Замысловский Е. Е. Указ. соч. Приложения. № I. С. I — IV.

⁹² Койэт Б. Исторический рассказ... С. 403, 459, 504, 517, 434; слова Койэта не расходятся со смыслом рассказа в «Истории о невинном заточении» и др. источниками.

⁹³ Татищев В. Н. Указ. соч. С. 172—173.

⁹⁴ Забелин И. Е. Указ. соч. Т. I. С. 66, 86; Сахаров И. П. Записки русских людей. С. 22 — 24 (Н. П. Крекшин).

⁹⁵ С r u m m y R. O. Op. cit. P. 175 — 177.

⁹⁶ Ср.: С р у т т у Р. О. О р. cit. Р. 198 — 203; Б е р х В. Н. Указ. соч. Ч. I. Приложения IV — VIII. С. 7 — 22.

⁹⁷ ПСЗ-I. Т. II. № 627 — 628, 630, 632, 638 — 640, 641, 643, 645 — 646, 650 — 651, 653 — 655, 657 — 658, 668, 673 — 675, 682, 686 — 687, 690, 692, 694, 696 — 97, 702, 708, 717 — 719, 721, 724 — 727, 740, 742, 749, 751 — 754, 757 — 758, 761, 763 — 768, 773 — 774, 781, 784, 786 — 789, 796, 803, 821, 848, 852, 909.

⁹⁸ П а в л о в - С и л ь в а н с к и й Н. П. Государевы служилые люди. СПб., 1909. С. 198.

⁹⁹ Д ь я к о н о в М. А. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI — XVII вв.). СПб., 1898. С. 283 — 284.

¹⁰⁰ ДАИ. Т. 8. № 108. С. 335 — 344.

¹⁰¹ ДР. Т. IV. Стлб. 1 — 194.

¹⁰² Г у р л я н д И. Я. Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902.

¹⁰³ Д е м и д о в а Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 23 — 24, 40, 42 — 44.

¹⁰⁴ Указ. опубл. также в СГГид. Т. 4. М., 1826. № 118.

¹⁰⁵ АИ. Т. 5. № 10. Цит. с. 18.

¹⁰⁶ Подробно см.: Л а п п о - Д а н и л е в с к и й А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890; М и л ю к о в П. Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892; е г о ж е. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905; Д ь я к о н о в М. А. Указ. соч.; В е с е л о в с к и й С. Б. Сошное письмо. Т. II. СПб., 1916; У с т ю г о в Н. В. К вопросу о раскладке повинностей по дворовому числу в конце XVII в. // Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия. М., 1952; и др.

¹⁰⁷ Ср. указы Федора Алексеевича о сборе стрелецких денег и хлеба от 17 сентября 1678 г. и 2 сентября 1679 г.: ДАИ. Т. 8. № 36. III. Цит. с. 107 — 109.

¹⁰⁸ Одна и та же грамота опубл.: АИ. Т. 5. № 48; ДАИ. Т. 8. № 36. III.

¹⁰⁹ АИ. Т. 5. № 49. Цит. с. 75.

¹¹⁰ ДАИ. Т. 8. № 36. IV — V. Цит. с. 110; СГГид. Т. 4. № 117; АИ. Т. 5. № 37.

¹¹¹ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Горький, 1988. С. 15.

¹¹² См. указы: ПСЗ-I. Т. 2. № 659 — 660, 662, 666, 678, 693, 771; ДАИ. Т. 9. № 15 (акты об устройстве медных заводов в России 1676 — 1677 гг.); Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955 (Очерки). С. 91 (сдача Звенигородских заводов в аренду гостю В. Воронину в 1681 г.).

¹¹³ ДАИ. Т. 7. № 10; Т. 8. № 85; и др.

¹¹⁴ ДАИ. Т. 9. № 65; СГГид. Т. 4. № 105.

¹¹⁵ Все дело опубл.: Акты Археографической экспедиции (ААЭ). Т. IV. № 250. С. 345 — 351.

¹¹⁶ См., например: П о л о ц к и й Симеон. Вечера душевная. М., 1680. Л. 94 и сл.; Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века. Литературные панегирики / Богданов А. П. М., 1983. № 15 — 19, 32; Б о г д а н о в А. П. «Слово воинству» Игнатия Римского-Корсакова — памятник политической публицистики конца XVII в. // ИИИСССР. М., 1984; БАН. П. I. А. 10; и др.

¹¹⁷ ПСЗ-I. Т. 2. № 795. Ср. № 801.

¹¹⁸ АИ. Т. 5. № 23; эту же грамоту от 11 июня 1678 г. см.: ДАИ. Т. 8. № 28. I.

¹¹⁹ ПСЗ-I. Т. 2. № 750 (цит. с. 198); ДАИ. Т. 8. № 28. III — V.

¹²⁰ АИ. Т. 5. № 42.

¹²¹ ДАИ. Т. 8. № 28. XI, XII; ср. отдельные указы о полтине и 10-й деньге: ПСЗ-I. Т. 2. № 799, 804.

¹²² Опубл.: ДАИ. Т. 8. № 40 (дело за 1678 — 1681 гг.); см. также указы: ПСЗ-I. Т. 2. № 735, 756, 806.

¹²³ АИ. Т. 5. № 29 (ср. № 33, 37), 39; ДАИ. Т. 8. № 28. IV — VIII, XI.

¹²⁴ Любопытно, что, несмотря на все сложности, правительство царя Федора удалось удержать расход на уровне 1 125 323 руб., то есть на 5044 руб. меньше прихода! (М и л ю к о в П. Н. Государственное хозяйство... С. 551 — 568).

¹²⁵ Видимо, указ 1677 г. о закрытии всех кабаков в малых селах вокруг Москвы, запрещавший кабацкие откупа и в

«больших государевых селах», в 1678 — 1680 гг. не соблюдался (ПСЗ-I. Т. 2. № 714).

¹²⁶ СГГид. Т. 4. № 125 — 126, ДАИ. Т. 7. № 66.

¹²⁷ СГГид. Т. 4. № 124; ПСЗ-I. Т. 2. № 864; Богоявленский С. К. Приказные судьи. С. 45.

¹²⁸ АИ. Т. 5. № 77. Цит. С. 120 — 121.

¹²⁹ Очерки. С. 423.

¹³⁰ Там же. С. 116, 132 и др.

¹³¹ АИ. Т. 5. № 83.

¹³² Никольский В. К. Земский собор о Вечном мире с Польшей 1682 — 1684 гг. // Научные труды Индустриально-педагогического ин-та им. К. Либкнехта. Серия социально-экономическая. 1928. Вып. 2. С. 51; Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 348.

¹³³ Новосельский А. А. Коллективные дворянские челобитья по вопросам межевания и описания земель в 80-х годах XVII в. // Ученые записки Института истории РАНИОН. М., 1929. Т. IV. С. 103 — 108; Веселовский С. Б. Материалы по истории общего описания всех земель Русского государства в конце XVII в. // Исторический архив (ИА). Т. VII. М., 1951. С. 300 — 396.

¹³⁴ Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. II. М., 1916. С. 54 — 56; его же. Материалы по истории общего описания. С. 300 — 367; Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 348 — 350.

¹³⁵ Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. I. М., 1894. С. 24 — 25, 120 — 121, 163, 188, 231; Ч. 2. М., 1896. С. 18, 208, 237; Ч. 3. М., 1897. С. 9 — 10, 145; Ч. 4. М., 1902. С. 12 — 14, 82, 191, 258; АЮЗР. Т. XI. С. 104.

¹³⁶ См.: Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969; он же. Изюмская черта. Воронеж, 1980.

¹³⁷ Файзов С. Ф. Взаимоотношения России и Крымского ханства в 1667—1677 гг. (От Андрусовского перемирия до начала первой русско-турецкой войны). Автореф. канд. дисс. Саратов, 1986. С. 5 и др.

¹³⁸ Костомаров Н. И. Руина. Гетманства Брюховецкого, Многогрешного и Самойловича. Собр. соч. Исторические монографии и исследования. Кн. VI. Т. XV. СПб., 1905. С. 490 — 495 и др.; Соловьев С. М. История Рос-

сии с древнейших времен. Кн. VI. М., 1961. С. 449 — 498 и др.

¹³⁹ О нем см.: Богданов А. П. Василий Васильевич Голицын // «Око всей Великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI—XVII веков. М., 1989. С. 179 — 228.

¹⁴⁰ Источники Малороссийской истории, собранные Д. Н. Баныш-Каменским и изданные О. Бодянским. Ч. I. 1649—1687. ЧОИДР. 1858. Кн. I. Отд. II. С. 262 — 263; Костомаров Н. И. Указ соч. С. 268 — 270 и др.

¹⁴¹ Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, я опираюсь на материалы, приведенные в обстоятельной работе А. Попова с архивными документами: Турецкая война в царствование Федора Алексеевича // Русский вестник, 1857. № 6 (Т. VIII). С. 143—180; № 7 (Т. VIII). С. 285—328. Об укреплении Киева см. также ДАИ. Т. 7. № 27 (отчет А. А. Голицына).

¹⁴² Источники Малороссийской истории... С. 263.

¹⁴³ ДАИ. Т. 9. № 23.

¹⁴⁴ АИ. Т. 5. № 9. Указ датирован 31 августа 1676 г., поэтому срок высылки полка к 9 мая 1679 г. указан в издании ошибочно: следует читать «1677 г.».

¹⁴⁵ ПСЗ-I. Т. 2. № 633, 706; ДАИ. Т. 7. № 50. Ср. № 51; Источники Малороссийской истории... С. 270 — 274.

¹⁴⁶ Помимо названных см.: Багалей Д. И. Очерки по истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887; Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI—XVII вв. Т. 2 // Ученые записки МГУ. Вып. 94. 1946; Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948; Апанович О. М. Запорожская Сечь в борьбе против турецко-татарской агрессии 50—70-х годов XVII в. Киев, 1961; Woycik Z. Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji 1674—1679. Studium z dziejow polskiej polityki zagranicznej. Wrocław, 1976; помимо труда А. Попова особо следует выделить очерк Я. Е. Водарского (Международное положение Русского государства и русско-турецкая война 1676—1681 гг. // Очерки. С. 518 — 531), тем более интересный, что, основываясь исключительно на

архивных документах, автор не использовал работу А. Попова.

¹⁴⁷ Дневник генерала Патрика Гордона. М., 1892. О Чигиринских походах см. с. 101 — 194. См. также: Gordon in P. Sixteen Further letters of General Patrick Gordon. Ed. S. Kononov // Oxford Slavonic Papers, 13 (1967). P. 72—95.

¹⁴⁸ Подробнее см.: Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М., 1954. С. 45, 47. I — III.

¹⁴⁹ ДАИ. Т. 9. № 28, 44. I — II; 45, 47. I — III.

¹⁵⁰ Смиттеу R. O. Op. cit. P. 196.

¹⁵¹ Описание публ.: ДАИ. Т. 9. № 37.

¹⁵² ААЭ. Т. IV. № 224, 226 — 227, 229 и др.

¹⁵³ ДАИ. Т. 8. № 39 и др.

¹⁵⁴ Дневник генерала Патрика Гордона. С. 185.

¹⁵⁵ ДАИ. Т. 8. № 33. Цит. с. 101.

¹⁵⁶ Смирнов Н. А. Россия и Турция... С. 159 — 162.

¹⁵⁷ Цит. по А. Попову (Указ. соч. С. 321 — 322, 325 — 326).

¹⁵⁸ Загоровский В. П. Изюмская черта. С. 101;

ПСЗ-I. Т. 2. № 706.

¹⁵⁹ Загоровский В. П. Изюмская черта. С. 86.

¹⁶⁰ О миссии Тяпкина пишут А. Попов (Турецкая война... С. 285 — 290), С. М. Соловьев (История России... Кн. VII. С. 210 — 212) и др. Его статейный список см.: РГАДА, ф. 124. Малороссийские дела, оп. 124/1. 1677 г. № 24, 25. О его предыдущей миссии см.: Попов А. Русское посольство в Польше в 1673—1677 годах. СПб., 1854.

¹⁶¹ Ср.: Белов М. И. Письма Иоганна ван Келлера в собрании нидерландских дипломатических документов // Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посв. 75-летию проф. С. Н. Валка. М.; Л., 1964. С. 374 — 382; Богданов А. П. «Истинное и верное сказание» о I Крымском походе 1687 г. — памятник публицистики Посольского приказа // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья. М., 1982. С. 57 — 84.

¹⁶² РГАДА, ф. 124. Малороссийские дела, оп. 124/1. 1678 г. № 11.

¹⁶³ ДАИ. Т. 9. № 30. 27 марта 1678 г.

¹⁶⁴ РГАДА, ф. 79. Сношения с Польшей, оп. 1. № 185. Ср. № 184.

¹⁶⁵ РГАДА, ф. 124. Малороссийские дела, оп. 124/1. 1677 г. № 31, 37.

¹⁶⁶ РГАДА, ф. 89. Сношения с Турцией, оп. 1, кн. 15 — 17; ср. кн. 14 (в ней ч. 3 — доклад об истории дипломатической переписки России и Турции с 1613 г.).

¹⁶⁷ ПСЗ-I. Т. 2. № 723 (шт. с. 157, 159); СГТД. Т. 4. № 111. Сравни с наказом 1677 г.: Забелин И. Е. Приговор бояр относительно Чигиринского похода (7.)185 г. М., 6/г. С. 5—6.

¹⁶⁸ Дневник генерала Патрика Гордона. С. 168; ср.: Попов А. Турецкая война... С. 325.

¹⁶⁹ Попов А. Турецкая война... С. 321; Соловьев С. М. История России... Кн. VII. С. 215 — 216 и др.

¹⁷⁰ См. дела осени 1677 — начала 1678 г.: ДАИ. Т. 7. № 47 — 49, 58.

¹⁷¹ ДАИ. Т. 8. № 15 (собрание документов); ср.: Соловьев С. М. История России... Кн. VII. С. 234 — 235.

¹⁷² ДАИ. Т. 8. № 2. 7, 14.

¹⁷³ ДАИ. Т. 7. № 61; Т. 8. № 44. XV (ср. XVI—XVIII).

¹⁷⁴ ДАИ. Т. 9. № 31.

¹⁷⁵ ДАИ. Т. 8. № 15. С. 40; ср.: АИ. Т. 5. № 40.

¹⁷⁶ ДАИ. Т. 8. № 44. I — XXV; АИ. Т. 5. № 40, 44.

¹⁷⁷ ДАИ. Т. 8. № 15 (ср. № 80), 44. XII; АИ. Т. 5. № 53.

¹⁷⁸ ДАИ. Т. 8. № 104; т. 9. № 100, 104.

¹⁷⁹ РГАДА, ф. 79. Сношения с Польшей, оп. 1, кн. 186 — 188; Бернгард Таннер. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. / Ивакин И. // ЧОИДР. 1891. Кн. 3 (158). Отд. 3. С. I — XI, 1 — 203; Замысловский Е. Е. Сношения России с Польшей в царствование Федора Алексеевича // ЖМНП. 1888. № 1.

¹⁸⁰ Соловьев С. М. История России... Кн. VII. С. 219; Бернгард Таннер. Описание путешествия... С. 82 и др.

¹⁸¹ РИБ. Т. 11. СПб., 1889. Ч. 2. С. 329—525.

¹⁸² ДАИ. Т. 9. № 46. С. 105 — 118; отрывки дворцовых записей за апрель — август 1679 г. (не совпадающие с ДР. Т. IV) опубли. также: Замысловский Е. Е. Царствование Федора Алексеевича. Приложение II. С. XIX—XXXIV.

¹⁸³ АИ. Т. 5. № 36 — 20 февраля 1679 г.

¹⁸⁴ Подробнее см.: ДАИ. Т. 9. № 46. С. 114 — 118; ДР. Т. III. С. 990 — 992; Чернов А. В. Указ. соч. С. 146, 172.

¹⁸⁵ АИ. Т. 5. № 54. Цит. с. 83; и др.

¹⁸⁶ См.: ДАИ. Т. 7. № 40, сводка документов 1677—1680 гг.

¹⁸⁷ ДАИ. Т. 7. № 13. XXXIV. Ср. предыдущие 33 документа с весны 1677 до весны 1681 г.

¹⁸⁸ Бабушкина Г. К. Международное значение Крымских походов 1687 и 1689 гг. // Исторические записки. Т. 33. М., 1950; Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными (ПДС). Т. VI. СПб., 1882, стлб. 1321, 1376 — 1397.

¹⁸⁹ Татищев В. Н. Указ. соч. С. 176.

¹⁹⁰ Чернов А. В. Указ. соч. С. 140—142; Очерки. С. 444 — 446; и др.

¹⁹¹ АИ. Т. 5. № 47; см. также указы 1678—1680 гг. об освобождении мордвы от казачьей службы с переводом в тягло: ДАИ. Т. 8. № 47.

¹⁹² Чернов А. В. Указ. соч. С. 143; АИ. Т. 5. № 13, 34; ДАИ. Т. 8. № 28. X, XII.

¹⁹³ Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 31, 45. К 1690-м гг. *разрядной избой* или *приказной палатой* писались бывшие приказные избы Курска, Севска, Новгорода, Пскова, Ярославля, Смоленска и Киева.

¹⁹⁴ Загоровский В. П. Изюмская черта. С. 36 — 40; Чернов А. В. Указ. соч. С. 156 — 158; ПСЗ-I. Т. 2. № 744 — 745, 685, 855.

¹⁹⁵ ДАИ. Т. 8. № 82.1; Чернов А. В. Указ. соч. С. 187 — 193; Очерки. С. 449 — 50.

¹⁹⁶ Новосельский А. А. Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII в. // Труды ин-та истории РАН ИОН. Вып. I. М., 1926. С. 342 — 343; его же. Отдаточные книги беглых как источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII в. // Труды Московского государственного историко-архивного института (МГИАИ). Т. II. М., 1946. С. 127 — 152; Черепнин Л. В. Классовая борьба в 1682 г. на юге Московского государства // Исторические записки (ИЗ). Т. 4. С. 42—52; Очерки. С. 180, 447; ДАИ. Т. 8. № 40. С. 139 — 145 (сводка распоряжений о сыске даточных); и др.

¹⁹⁷ Чернов А. В. Указ. соч. С. 168 — 169, 189; Очерки. С. 451; и др.

¹⁹⁸ Новосельский А. А. Роспись крестьянских дворов, находившихся во владении высшего духовенства, монастырей и думных людей по переписным книгам 1678 г. // ИА. Т. IV. М.—Л., 1949. С. 88 — 149.

¹⁹⁹ Новосельский А. А. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. // ИЗ. Т. 4. С. 21 — 40.

²⁰⁰ Александров В. А. Организация обороны южной границы Русского государства во второй половине XVI—XVII вв. // Россия, Польша и Причерноморье в XV — XVIII вв. М., 1979. С. 170.

²⁰¹ Подробнее см.: Загоровский В. П. Изюмская черта. Далее используется эта монография с необходимыми дополнениями.

²⁰² ПСЗ-I. Т. 2. № 728; ДАИ. Т. 8. № 30. С. 89 — 94.

²⁰³ Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века. М., 1977. С. 178 — 181.

²⁰⁴ Очерки. С. 149; ср. сводные таблицы первых богачей и первых по богатству боярских родов с 1613 по 1696 г.: Смиттеу R. O. Op. cit. P. 114 — 115.

²⁰⁵ Ср.: Выходы государей царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича. С. 1632 по 1682 год. М., 1844; ДР. Т. IV.; Замысловский Е. Е. Царствование Федора Алексеевича. Приложение II; и др.

²⁰⁶ О Заборовских см.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие. С. 187; Смиттеу R. O. Op. cit. P. 188, 202; о Грушевских см.: Либрович С. Ф. Царица Агафия Семеновна. Записки вельможной панны. СПб.; М., 1913.

²⁰⁷ ПСЗ-I. Т. 2. № 829; СГГид. Т. 4. № 121.

²⁰⁸ Татищев В. Н. Указ. соч. С. 174 — 175.

²⁰⁹ ПСЗ-I. Т. 2. № 881; ср. богомольные грамоты по случаю брака царя с Агафьей Симеоновной, кончины царицы и царевича Илии: ДАИ. Т. 8. № 78, 102.

²¹⁰ ПСЗ-I. Т. 2. № 709; ДАИ. Т. 9. № 93.

²¹¹ Дурново Н. Сильвестр Медведев. Приветство брачное, поднесенное царю Феодору Алексеевичу 18 февраля 1682 года. Харьков, 1912.

²¹² Попов А. Указ. соч. С. 298; Бернгард Таннер. Описание путешествия... С. 52, 74, 95; Выходы государей. С. 657.

²¹³ Сахаров И. П. Записки русских людей. С. 74 — 94.

²¹⁴ Смиттеу R. O. Op cit. P. 202, 206; Берх В. Н. Указ. соч. Приложение XX. С. 100—114; ср.: Богоявленский С. К. Приказные судьи.

²¹⁵ Богданов А. П. Перо и крест. Русские писатели под церковным судом. М., 1990. Гл. 3 и прим. 1, 3; его же. Никон // Буганов В. И., Богданов А. П. Бунтари и правдоискатели в Русской Православной Церкви. М., 1991 (библиогр. на с. 519 — 521).

²¹⁶ Прозоровский А. А. Сильвестра Медведева «Созерцание краткое...». С. 37 — 42; Буганов В. И. Московские восстания... С. 87 — 100. Цит. с. 89.

²¹⁷ Подробнее см.: Богданов А. П. Летописные известия о смерти Федора и воцарении Петра Алексеевича // Летописи и хроники (ЛХ). М., 1981. С. 197—206; его же. Начало Московского восстания 1682 г. в современных летописных сочинениях // ЛХ. М., 1984. С. 131 — 146.

²¹⁸ Сахаров И. П. Записки русских людей. С. 81 — 82.

²¹⁹ Отдельные интересные наблюдения см.: Капустин М. Дипломатические сношения России с Западной Европой во второй половине XVII века. М., 1858; Крылова Г. К. Россия и Венеция на рубеже XVII и XVIII вв. // Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та. Т. 19. Л., 1939; Копреева Т. Н. Русско-польские отношения во второй половине XVII века (1667 — 1686 гг.). Рукопись канд. дисс. Л., 1952; Белов М. И. Россия и Голландия в последней четверти XVII в. // Международные связи России в XVII—XVIII вв. (Экономика, политика, культура). М., 1966.

²²⁰ ПДС. Т. V. СПб., 1858; РГАДА, ф. 32. Сношения с Австрией, оп. 1. № 26 — 28; ср. ф. 79. Сношения с Польшей, оп. 1. № 189 — 191.

²²¹ РГАДА, ф. 79. Сношения с Польшей, оп. 1. № 192 — 204; ср.: Французова Е. Б. К истории русско-польских отношений в последней трети XVII в. // ИЗ. Т. 105. М., 1980. С. 280 — 293.

²²² Ср.: РГАДА, ф. 53. Сношения с Данией, оп. 1. № 16 — 23; ф. 74. Сношения с Пруссией, оп. 1. № 5; Замысловский Е. Е. Сношения России с Швецией и Данией в царствование Федора Алексеевича. СПб., 1889; Ловягин А. М. Посольство Кунраада фан Кленка; его же. Голландец Кленк в Московии // Исторический вестник, 1894. № 9. С. 760 — 791; Богданов А. П., Возгрин В. Е. Московское восстание 1682 г. глазами датского посла // ВИ, 1986. № 3.

²²³ РГАДА, ф. 96. Сношения со Швецией, оп. 1. № 102—109; очень незначительный материал приведен в работе: Форстен Г. В. Сношения Швеции и России во второй половине XVII века. 1668—1700 // ЖМНП, 1899. № 6 (ч. 323). С. 312 — 338.

²²⁴ РГАДА, ф. 93. Сношения с Францией, оп. 1. № 6 — 9; ф. 35. Сношения с Англией, оп. 1. № 19.

²²⁵ РГАДА, ф. 119. Сношения с Калмыцким ханством, оп. 1. № 6; СГГид. Т. 4. № 107; Соловьев С. М. История России... Кн. VII. С. 233 — 234.

²²⁶ РГАДА, ф. 77. Сношения с Персией, оп. 1. № 20 — 21; ф. 109. Сношения с Бухарским ханством, оп. 1. № 6. Ср.: ф. 110. Сношения с Грузией, оп. 1. № 9; Переписка, на иностранных языках, грузинских царей с российскими государями, с 1639 по 1770 г. СПб., 1861. С. 89 — 112.

²²⁷ РГАДА, ф. 89. Сношения с Турцией, оп. 1. № 14 — 22; ф. 123. Сношения с Крымом, оп. 1. № 60 — 61; Веселовский Н. И. Неудавшееся посольство в Крым стольника В. А. Пазухина в 1679 г. // ЧОИДР, 1912. Кн. 30. С. 179 — 216.

²²⁸ Статейный список стольников В. Тяпкина и дьяка Н. Зотова в 1681 г. в Крым // Записки Одесского общества истории и древностей, 1850. Т. 1; Соловьев С. М. История России. Кн. VII. С. 224 — 225.

²²⁹ Греков И. Б. «Вечный мир» 1686 г. // Краткие сообщения ин-та славяноведения АН СССР, 1951. № 2. С. 85 — 98; и др.

²³⁰ РГАДА, ф. 89. Сношения с Турцией, оп. 1. № 20 — 22; ПСЗ-I. Т. 2. № 916 (Адрианопольская 1681 г. и Константинопольская 1682 г. ратификация Бахчисарайского договора).

²³¹ Очерки. С. 151.

²³² Бернгард Таннер. Описание путешествия... С. 44 — 52. Прим. 45.

²³³ Бычков Ф. А. Разрядные записки о венчании на царство царя Феодора Алексеевича. М., 1883 (оттиск из ЧО-ИДР, 1882. Кн. 1); ПСЗ-І. Т. 2. № 648 (ср. № 647, 649).

²³⁴ Имелись в виду все уставные парадные костюмы, не только золотые.

²³⁵ Иловайский Д. И. История России. С. 496; и др.

²³⁶ Богданов А. П. «Хронографец» Боголепа Адамова. С. 399; РГАДА, ф. 181. № 358. Л. 1154 — 1170; ГИМ, собр. Уварова. № 543. Л. 184об. — 192; ГИМ. Собр. Черткова. № 156; и др.

²³⁷ Доклад опубл.: ПСЗ-І. Т. 2. № 715; СГГид. Т. 4. № 116.

²³⁸ ДАИ. Т. 9. № 77.

²³⁹ Оpubл.: Оболенский М. А. Проект устава о служебном старшинстве бояр, окольных и думных людей по тридцати четырем степеням, составленный при царе Федоре Алексеевиче // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. В. Калачовым М., 1850. Кн. 1. Отд. II. № 2. С. 19 — 40.

²⁴⁰ Соловьев С. М. История России... Кн. VII. С. 252 — 253; Маркевич А. И. О местничестве. Киев, 1879. Ч. 1. Гл. ХLI. С. 708; его же. История о местничестве в Московском государстве в XV—XVII веках. Одесса, 1888. С. 519 — 594; Милюков П. Н. Государственное хозяйство... С. 247 и сл.; Ключевский В. О. Боярская дума в Древней Руси. Изд. 5-е. Пг., 1919. С. 488 — 492; его же. Курс русской истории // Сочинения. Т. 3. М., 1957. С. 83 — 84; Никольский В. К. «Боярская попытка» 1681 года // Исторические известия, издаваемые Историческим обществом при Московском университете, 1917. Кн. 2. С. 57 — 87 (цит. с. 84); Очерки. С. 156 — 157; Волков М. Я. Об отмене местничества в России // История СССР, 1977. № 2. С. 53 — 67; и др.

²⁴¹ Прозоровский А. А. Сильвестра Медведева «Созерцание...». С. 18 — 20.

²⁴² Подлинник опубл.: СГГид. Т. 4. № 130. С. 396 — 410 (с подписями участников собора); ПСЗ-І. Т. 2. № 905. С. 368 — 379 (без подписей). См. также: Прозоровский А. А. Сильвестра Медведева «Созерцание...». С. 20 — 33.

²⁴³ ПСЗ-І. Т. 2. № 247, 738, 775; СГГид. Т. 4. № 115 (цит. с. 372).

²⁴⁴ Подробнее см.: Богданов А. П. Памятники общественно-политической мысли (текст и коммент.); его же. Известия Кариона Истомина о книжном чтении // ПКНО, 1986. Л., 1987. С. 105 — 111; его же. Литература и общество накануне петровских преобразований // Русская речь, 1988. № 2. С. 96 — 102.

²⁴⁵ ДАИ. Т. 9. № 88. 19 января в Передней палате состоялось торжественное подписание царем, патриархом и придворными «по листам» «родословной книги» и указа об отмене местничества, для переплетения и вечного хранения вместе: Соловьев С. М. История России... Кн. VII. Приложение IV. С. 312.

²⁴⁶ Татищев В. Н. Указ. соч. С. 175 — 176.

²⁴⁷ Сперанский А. Н. Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М., 1930.

²⁴⁸ Обзоры историографии см.: Шмидт С. О. Становление российского самодержавства. М., 1973; Буганов В. И. «Враждотворное местничество» // ВИ. 1974. № 11.

²⁴⁹ Соловьев С. М. История России. Кн. VII. Приложение IV. С. 314.

²⁵⁰ Заметка опубл.: Замысловский Е. Е. Царствование Федора Алексеевича. Приложение III. С. XXXIV — XXXV.

²⁵¹ ПСЗ-І. Т. 2. № 826 (цит. с. 869); СГГид. Т. 4. № 120.

²⁵² См. публикации: Идея Рима в Москве XV—XVI веков. Источники по истории русской общественной мысли. М., 1989. Ч. II. № 17 (чин Дмитрия Ивановича, 1498 г.), № 17 (чин Ивана Грозного, после 1547 г.; ср.: ДАИ. Т. 1. СПб., 1846. № 39), № 20 (чин Федора Ивановича, 1584 г.); ДАИ. Т. 1. № 144. С. 239 — 249 (чин Бориса Годунова); СГГид. М., 1819. Т. 2. № 138 (чин Марины Мнишек, 1606); ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. № 47. С. 104 — 106 (чин Василия Шуйского, 1606); СГГид. М., 1822. Т. 3. № 16. С. 70 — 87 (чин Михаила Федоровича, 1613), № 45. С. 187 — 201 (чин патриаршего поставления Филарета, 1619); ДРВ. М., 1788. Ч. VII. С. 234 — 303 (чин Алексея Михайловича, 1645; здесь же опубл. чины Федора Алексеевича, С. 304 — 372, Ивана и Петра, С. 403 —

484); ПСЗ-І. Т. 2. № 648. С. 42—68 (чин Федора Алексеевича, 1676), № 391. С. 412 — 439 (чин Ивана и Петра Алексеевичей, 1682). Об источнике см.: Богданов А. П. Чины венчания российских царей // Культура средневековой Москвы XIV—XVII вв. М., 1995. С. 211 — 224.

²⁵³ Барсов Е. В. Древнерусские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами. С историческим очерком чинов царского венчания в связи с развитием идеи царя на Руси // ЧОИДР, 1883. Кн. 1. С. I—XXXV, 1 — 160. Цит. с. XXVIII—XXIX. См. там же публ., текстов греческих чинов (II—IV), Дмитрия внука (V), великих князей (VI), Ивана Грозного (VII — VIII), «перечней» о венчании Алексея Михайловича с «отменами» при венчании Ивана и Петра (IX) и Федора Алексеевича (X).

²⁵⁴ СГГид. Т. 3. № 45. С. 187 — 201.

²⁵⁵ Кудрявцев И. В. «Издательская» деятельность Посольского приказа (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII в.) // Книга. Исследования и материалы. М., 1963. Т. 8. С. 179 — 244.

²⁵⁶ Соловьев С. М. История России... Кн. VII. С. 192 — 196; ААЭ. Т. IV. № 213, 217.

²⁵⁷ Румянцев В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII в. М., 1986; ДАИ. Т. 7. № 63; т. 8. № 50; и др.

²⁵⁸ ПСЗ-І. Т. 2. № 698, 703, 716, 807 — 811.

²⁵⁹ ПСЗ-І. Т. 2. № 681, 698, 769.

²⁶⁰ АИ. Т. 5. № 32; ПСЗ-І. Т. 2. № 731. Ср. также общий указ об отмене тарханов в грамоте на Вятку: АИ. Т. 5. № 18.

²⁶¹ АИ. Т. 5. № 25.

²⁶² Койэт Б. Исторический рассказ. С. 508. Прим. 9; СГГид. Т. 4. № 109; ПСЗ-І. Т. 2. № 709.

²⁶³ Бернгард Таннер. Описание путешествия... С. 72.

²⁶⁴ ДАИ. Т. 8. № 89. I, III.

²⁶⁵ ДАИ. Т. 8. № 89. II; Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. Т. XI. Вып. 3. Казань, 1893. С. 283; и др.

²⁶⁶ Иловайский Д. И. История России... С. 501 — 503; и др.

²⁶⁷ Никольский В. К. «Боярская попытка». С. 69 — 70.

²⁶⁸ АИ. Т. 5. № 75. С. 108 — 118.

²⁶⁹ См.: Жизнь Илариона, митрополита Суздальского и основателя Флорищевой пустыни. М., 1859; Георгиевский. Флорищева пустынь. Вязники, 1896; и др.

²⁷⁰ Прозоровский А. А. Сильвестра Медведева «Созерцание...». С. 36. Ср.: С. 34 — 37.

²⁷¹ Соловьев С. М. История России... Кн. VII. Приложение IV. С. 313 — 314.

²⁷² СГГид. Т. 4. № 131. С. 410 — 411.

²⁷³ Прозоровский А. А. Сильвестра Медведева «Созерцание...» С. 33 — 34; ПСЗ-І. Т. 2. № 918.

²⁷⁴ Соловьев С. М. История России... Кн. VII. Приложение IV. С. 312, 317 — 319.

ПРЕМУДРАЯ ЦАРЕВНА СОФЬЯ

¹ Сильвестра Медведева «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяно во гражданстве» / Публ. А. А. Прозоровского // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1894. Кн. 2. Отд. 2. С. 1 — 197; новое изд. см.: Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей / Публ. А. П. Богданова. М., 1990. С. 45 — 200.

² Прозоровский А. А. Сильвестр Медведев (Его жизнь и деятельность). СПб., 1896. Новые факты см.: Богданов А. П. Сильвестр Медведев. Вопросы истории. 1988. № 2.

³ Об Игнатии и его коллегах подробнее см.: Чистякова Е. В., Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено...»: Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М., 1988; Богданов А. П. Творческое наследие Игнатия Римского-Корсакова // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1993. Вып. 6; и мн. др. Подлинник полного текста исследования академика М. М. Богословского хранится в Архиве Российской Академии наук.

⁴ Краткую характеристику царствования реформатора см. также: Богданов А. П. Федор Алексеевич // Вопросы истории. 1994. № 7; он же. Царь Федор Алексеевич // Филевские чтения. Вып. VI. М., 1994; он же. Царь Федор Алексеевич: 1676—1682. М., 1994.

⁵ Подробнее о перевороте и народном восстании 1682 г. см.: Буганов В. И. Московские восстания конца XVII в. М., 1969; Богданов А. П. Летописные известия о смерти Федора и воцарении Петра Алексеевича // Летописи и хроники. Сб. 1980 г. М., 1981; он же. Начало Московского восстания 1682 г. в современных летописных сочинениях // Там же. Сб. 1984 г. М., 1984; он же. Нарративные источники о Московском восстании 1682 года. Часть 1 — 2 // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1993, 1995.

⁶ Богоявленский С. К. Научное наследие. О Москве XVII века. М., 1980. С. 160; Соболевский А. И. Образованность Московской Руси XV—XVII вв. Изд. 2-е. СПб., 1894.

⁷ См., например: Богданов А. П. Перо и крест. Русские писатели под церковным судом. М., 1990. Гл. IV.

⁸ О фальсификации соборных грамот и обстоятельствах долгого пути Софьи к власти см.: Богданов А. П. К вопросу об авторстве «Созерцания краткого лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве» // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1987. Ср. наиболее подробную биографию царевны: Hughes, Lindsey. Sophia regent of Russia: 1657—1704. New Haven-London, 1990.

⁹ См.: Восстание в Москве 1682 г. Сб. документов. М., 1976.

¹⁰ Помимо сторонника Софьи Медведева о ее роли рассказывает видный участник раскольничьего бунта: Романов Савва. История о вере и челобитная о стрельцах // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. С. Тихонравовым. М., 1863. Т. 5. С. 111 — 148. Подробнее см.: Богданов А. П. Летописец и историк конца XVII века: Очерки исторической мысли «переходного времени». М., 1994. С. 109 — 116.

¹¹ Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М., 1954.

¹² О делах князя подробнее см.: Богданов А. П. Василий Васильевич Голицын // «Око всей Великой России»: Об истории русской дипломатической службы XVI—XVII вв. М., 1989.

¹³ Богданов А. П., Возгрин В. Е. Московское восстание 1682 г. глазами датского посла // Вопросы истории. 1986. № 3.

¹⁴ Любопытные факты социально-экономической истории см.: Автократова М. И., Буганов В. И. Сокровищница документов прошлого. М., 1986. С. 135 — 170.

¹⁵ Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976; и др.

¹⁶ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. СПб., 1893—1894. Т. 1 — 2; и др.

¹⁷ Греков И. Б. «Вечный мир» 1686 г. // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М., 1951. № 2; и др.

¹⁸ См. архивную справку, составленную при Екатерине II: Самодержавие царевны Софьи по неизданным документам (из переписки, возбужденной графом Паниным) / Публ. Е. Д. Лермонтовой // Русская старина. 1912. № 2 (отд. оттиск М., 1912).

¹⁹ Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: Литературные панегирики / Публ. А. П. Богданова. М., 1983. Вып. 1 — 2. Здесь же см. политические речи патриарха и др. Ср.: Богданов А. П. София — Премудрость Божия и царевна Софья Алексеевна. Из истории русской духовной литературы и искусства XVII века // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1994. Вып. 7.

²⁰ Богданов А. П. «Слово воинству» Игнатия Римского-Корсакова — памятник политической публицистики конца XVII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1984. Подробнее о борьбе идей вокруг Крымских походов см.: он же. От летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII века. М., 1995. С. 107—198, 380 — 423.

²¹ Это обычные обращения близких людей к князю, см.: ДАИ. Т. XI — XII; Временник МОИДР. М., 1850. Кн. IV; Грамотки XVII — начала XVIII в. М., 1968; и др.

²² Подробнее см.: Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М., 1989. Раздел 1. Гл. III. Параграф 3; и др.

²³ Бабушкин Г. К. Международное значение Крымских походов 1687 и 1689 гг. // Исторические записки. М.,

1950. Т. 33; Богданов А. П. «Истинное и верное сказание» о I Крымском походе 1687 г. — памятник публицистики Посольского приказа // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья. М., 1982.

²⁴ Андрей Лылов. Скифская история. М., 1990.

²⁵ Восток А. Посольство Шакловитого к Мазепе в 1688 г. // Киевская старина. 1980. Т. 29. № 4 — 5.

²⁶ Богданов А. П. Политическая гравюра в России периода регентства Софьи Алексеевны // Источниковедение отечественной истории. 1981. М., 1982.

²⁷ См.: Богданов А. П. Перо и крест. С. 343 — 344.

²⁸ Загоровский В. Б. Судостроение на Дону в XVII веке и использование Россией донского парусно-гребного флота в борьбе против Крымского ханства в Турции. Л., 1961; и др.

²⁹ Российский государственный архив древних актов, ф. 210, БК-12.

³⁰ Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.; Л., 1962; РГБ, ф. 29, № 65, л. 125 — 127; Турция накануне и после Полтавской битвы (Глазами австрийского дипломата). М., 1977. С. 39 — 40, 47 — 48 и др.

³¹ Рублевой монеты не было, поэтому мелочь была посчитана заранее и упакована в кулечки.

³² Провокаторы были повышены в чинах, спровоцированные — сосланы в Азов; возмущившимся несправедливостью «петровцы» отрезали языки. См.: Второв Н. И., Александров-Дольник К. О. Воронежские акты. Воронеж, 1850. Кн. 1. С. 80 — 91.

³³ См.: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1884—1889. Т. I — IV.

³⁴ См.: Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1956.

³⁵ Сильвестра Медведева «Созерцание краткое...». С. 47.

³⁶ Crummeу R. O. Peter and the Boiar Aristocracy. 1689—1700 // Canadian / American Slavic Studies 8 (1974).

³⁷ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в.; и др.

³⁸ Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. М., 1902. С. 468.

СОДЕРЖАНИЕ

Предупреждение доброхотному читателю	5
--	---

ПОТАЕННОЕ ЦАРСТВОВАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.	13
Две легенды	14
Причуды музы Клио	21

Глава первая. ВОСПИТАНИЕ И УВЛЕЧЕНИЯ	30
Мамки, дядьки и игрушки	33
Луки, кони и ловчие птицы	37
Певчие птицы, музыка и поэзия	42
Хозяин, меценат и строитель	44
Живопись, книги, история	50
Свободные мудрости	55

Глава вторая. ФИЛОСОФ НА ТРОНЕ	61
Борьба за просвещение	62
Разумное милосердие	68
Больная «голова» государства	72
Укрепление Боярской думы	77
Расправная палата	82
Центральные ведомства	85
Реформа местного управления	87
Льготное налогообложение	91
Кровь войны	96
Для общего блага	101

Глава третья. ТАЙНЫ ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ	108
Неизвестная война	109
Первый Чигиринский поход	116

Второй Чигиринский поход	121
Падение Чигирина	127
История секретного указа	134
Цена мира	141
 Глава четвертая. ВОЕННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ	151
Состояние полков и разрядов	151
Военно-окружная реформа	156
Наступление на Дикое поле	160
 Глава пятая. ЦАРЬ И ЕГО ДВОР	171
Ближние люди	172
Второй брак и временщики	178
Дипломаты и дипломатия	185
Московское дворянство	191
Проект чиновной реформы	199
Отмена местничества	204
События и мнения	211
 Глава шестая. ПРАВОСЛАВНЫЙ ГОСУДАРЬ	219
Чин царского венчания	220
Царство и священство	228
Епархиальная реформа	232
Владыки просят караул	238
Кончина преобразователя	241

ПРЕМУДРАЯ ЦАРЕВНА СОФЬЯ

ПРАВЛЕНИЕ ЦАРЕВНЫ СОФЬИ	247
Легенда о временах Софьи Алексеевны	249
Восставшая Москва	257
Царевна-умиротворительница	263
Правительство общественного компромисса	270
Регентша и ее окружение	277
Власть и политика	284
Цена победы	291
 Заключение. ПЕРЕВОРОТ	297
 Примечания	304

К ЧИТАТЕЛЯМ!

Издательство просит отзывы об этой книге и
Ваши предложения по серии
«Россия. Исторические расследования»
присылать по адресу:
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 37б
Издательство АРМАДА

Б 73 Богданов А. П. В тени Великого Петра /
Оформл. П. Иващенко М.: АРМАДА, 1998.—
330с.: (Россия. Исторические расследования).
ISBN 5-7632-0685-1

Книга о старшем брате Петра I Федоре и его сестре Софье в
полной мере является сенсацией. Результаты двадцатилетнего
расследования, проведенного автором, полностью переворачи-
вают традиционные представления о предпетровской России и
ее государственных деятелях.

УДК 82-311.6(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-44я5